

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2016 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М.Д. Карпачёв** — Воронежская деревня в начале XX в.:
социальный облик в условиях перестройки аграрных
отношений 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.А. Филимонова** — Джон Джей 28

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Э.Г. Задорожнюк** — Неуслышанные споры: евразийцы о
судьбах славянства 49

СООБЩЕНИЯ

- Х.-М.А. Сабанчиев** — Секретный доклад Н.С. Хрущёва
на XX съезде КПСС и судьбы репрессированных народов 65

- А.С. Рогожина** — С.Ю. Витте и продовольственный воп-
рос в России 75

- Г.А. Гребенщикова** — Россия и Швеция в 1741—1743 гг.:
странная война на море 89

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Л.И. Савельева — Алексей Александрович Стахович 104

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Д.А. Герасимов — Роль германской угрозы в политике мурманских властей 1917—1918 гг. 127

А.М. Некрасов, М.Б. Некрасова — Турецкие купцы в России в XVI в. 138

Э. Гараев — Второй Эриванский поход российских войск 1808 г. 148

Л.К. Новосельцева — Становление сербской научной интеллигенции во второй половине XIX в.: просопографический аспект 154

ИСТОРИОГРАФИЯ

С.Б. Крих — Система советской историографии: основные акторы и силы влияния 162

Г.Н. Шумкин — В.В. Поликарпов. Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы 168

Е.В. Кунц — А.М. Феофанов. Студенчество Московского университета XVIII — первой четверти XIX века; Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: Библиографический словарь 171

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Воронежская деревня в начале XX в.: социальный облик в условиях перестройки аграрных отношений

М.Д. Карпачёв

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-экономического положения деревни в Центрально-черноземном регионе России на рубеже XIX—XX вв. Показано нарастание объективных предпосылок для глубокой перестройки аграрных отношений в России в последние годы существования империи. При росте доходов крестьянства в целом, прогрессивных сдвигах в его культурном и правовом облике социальные конфликты в деревне только усилились. Неизбежная при распаде общины маргинализация больших масс крестьянства обостряла давние и порождала новые социальные противоречия, нарастала вероятность революции.

Ключевые слова: Россия, начало XX в., Воронежская губерния, аграрные отношения, община, приватизация крестьянских наделов, реформы, социальные противоречия.

Abstract. The article is devoted to the analysis of social and economic relations in the village of the Black-Soil region of European Russia at the End of 19th and the Beginning of the 20th Centuries. The objective preconditions for deep reconstruction of agrarian relations at last decades of the existence of Imperial Russia are taken under consideration. The social conflicts continued to spread in Russian village despite the growth of material resources and progressive changes in cultural and political life. Disintegration of peasant communes and massive marginalization of peasantry produced new social opportunities for revolutionary upheavals.

Key words: Russia, the Beginning of the 20th Century, the Voronezh region, agrarian relations, the peasant commune, privatization of peasant land allotments, reforms, social contradictions.

Вопросы социально-экономического положения России в последние десятилетия существования империи продолжают оставаться предметом оживленных, порой весьма острых дискуссий. В недавних публикациях Б.Н. Миронова, М.А. Давыдова, ряда участников международного Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы содержатся выводы об устойчивом развитии российской экономики вообще и о росте материального потребления населения, в частности ¹. Выводы о

Карпачёв Михаил Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета. E-mail: m-karpach@mail.ru.

Karpachev Mikhail D. — doctor of history, professor of the Voronezh State University. E-mail: m-karpach@mail.ru.

высоких темпах экономического развития России в предреволюционные десятилетия отстаивает и американский исследователь П. Грегори, подвергнувший сомнению распространенные представления о возникновении аграрного кризиса в России на рубеже XIX—XX веков ². Однако эта позиция встретила резкие возражения со стороны С.А. Нефёдова, А.В. Островского и ряда других авторов ³. Возникновение острой дискуссии только подтверждает необходимость конкретного анализа социально-экономических процессов в регионах России, поскольку в разных частях огромной страны положение дел с экономикой и народным благосостоянием всегда было (и остается до сих пор) очень разным.

Центральное Черноземье в начале XX столетия — зона безусловного преобладания земледелия в трудовой деятельности народа. И через полвека после отмены крепостного права свыше 94% населения Воронежской губернии принадлежало к крестьянскому сословию. Природа и плодородные почвы все еще решающим образом влияли на хозяйственную жизнь этого благодатного края России. «Экономическая деятельность населения Воронежской губернии, — констатировали в начале прошлого века земские специалисты, — главным образом направлена на земледелие, кустарные и другие промыслы развиты слабо и служат только подспорьем сельскому хозяйству» ⁴. После великих реформ 1860—1870-х гг. в России происходили громадные перемены, но в структуре населения и в экономике региона они проявлялись слабо.

Несмотря на благоприятные природно-климатические условия, черноземные губернии отличались экономической, социальной и культурной отсталостью деревни. В политической публицистике все чаще обсуждалась проблема «оскудения» земледельческого центра, о бедственном положении воронежской деревни заговорили как в административных, так и в общественных кругах. Тягостное впечатление в русском обществе вызвали картины крестьянского голода начала 1890-х годов. Выяснилось, что жившие на тучных черноземах крестьяне не имели и, что еще печальнее, не могли иметь хлебных резервов. Двухлетний недород привел к тяжелому народному бедствию. Тема крестьянских лишений активно использовалась как революционными, так и либеральными противниками самодержавия. Широкий резонанс получила небольшая, но темпераментно написанная книга земского врача А.И. Шингарёва. Это исследование высокой смертности воронежского крестьянства содержало откровенный упрек власти в пренебрежении нуждами народа ⁵. Понятно однако и то, что оппозиционно настроенный интеллигент допускал чрезмерные, а потому и не вполне корректные с научной точки зрения обобщения. Вымирающие деревни были, но в ту пору они не определяли сельского облика России вообще, и Черноземья, в частности.

И все же местные источники упрямо свидетельствовали о безусловной и неотложной необходимости в реформах. Причин у аграрных трудностей (или у «оскудения») было много. Прежде всего, в пореформенные десятилетия выяснилось, что возможности для продолжения экстенсивного сельского хозяйства в губернии исчерпаны. Всю вторую половину XIX и первые полтора десятилетия XX в. в губерниях российского Черноземья наблюдался исключительно быс-

трый рост численности крестьянского населения. Если в 1862 г. в Воронежской губернии проживало около 1,8 млн чел., то в 1897 уже около 2,5 млн, в 1905 — около 3,2 млн, а в 1914 — примерно 3,7 млн. Между тем, свободного резерва еще не возделанных земельных площадей к тому времени уже не осталось. Произошло значительное сокращение среднего размера душевого земельного надела примерно с 4,8 дес. в 1861 г. до 2,6 дес. в 1905 году.

Одним из печальных следствий этого процесса стало явное ухудшение земельного баланса. Среди сельскохозяйственных угодий быстро возростала доля пашни. За XIX в. доля лугов и выгонов упала с 36,5% до 10,2%, доля леса уменьшилась с 11,9% до 7,9%, а вот доля пашни поднялась с 42,9% до 69,3% ⁶. В Бирюченском уезде, например, за два последних десятилетия XIX в. пашня увеличилась с 80 тыс. до 150 тыс. десятин. Рост этот произошел за счет лугов и пастбищ, в итоге поголовье крупного рогатого скота сократилось в 1890—1902 гг. с 66 032 до 45 019 ⁷. Понятно, что такая же картина наблюдалась и в других уездах. В результате в губернии ухудшилась экологическая ситуация, начало сокращаться животноводство. Недостаток органических удобрений привел к тому, что природная сила черноземов стала быстро истощаться.

В среде оппозиционной интеллигенции все более настойчивый характер стали приобретать разговоры о крестьянском малоземелье как главной причине материальных затруднений народа. Широко распространилось убеждение, что решение проблемы надо искать в увеличении крестьянского землепользования. Естественно, что сделать это можно было только путем принудительного перераспределения частной (в первую очередь помещичьей) земельной собственности.

Однако вдумчивые наблюдатели уже в те годы хорошо понимали, что простого решения в данном случае нет. Корень проблемы они видели не в малоземелье (с просторами Воронежской губернии это понятие сочеталось плохо), а в росте избыточного сельского населения, в так называемом аграрном перенаселении региона. Ощутимый избыток трудоспособного населения был зафиксирован в начале XX века. Свод статистических материалов, подготовленный канцелярией Комитета министров, отмечал, что в Воронежской губернии есть работники (105 271 чел.), «которые оказываются лишними при обработке наибольшей площади посевов, и 40 284 работников совсем не причастных к земледелию». По данным, собранным правительственной комиссией, исследовавшей в конце XIX в. положение сельского населения Центрального Черноземья, уровень относительной избыточности рабочей силы в регионе превысил 60% ⁸. Такие расчеты нуждаются в уточнении, но факт оставался фактом: относительная перенаселенность воронежской деревни возрастала с каждым годом ⁹.

Но дело было не только в избытке трудовых ресурсов. В условиях абсолютного преобладания крестьянского населения нельзя было ответить даже на простой вопрос о пределах достаточности наделной земли. Если, скажем, достаточным признать надел в 15 десятин на крестьянский двор (такой цифрой оперировал В.И. Ленин в своих трудах по аграрному вопросу), то повышение до такого уровня всех семейных наделов могло бы, вероятно, удовлетворить собственные потребности большинства крестьянских семей в продуктах земледе-

лия. Но и только. Само по себе количество надельной земли не могло свидетельствовать о достатке крестьянского хозяйства. Если даже отвлечься от личных качеств крестьян и признать, что все они умели и хотели хорошо трудиться, то и тогда так называемые достаточные наделы не гарантировали успехов в экономическом развитии региона. При 5—6% городского населения, узости и малой доступности иных рынков, уровень производства неизбежно должен был остановиться на черте, позволявшей удовлетворить скромные потребности самих крестьян. Избыточное производство просто не нашло бы сбыта.

Известный земский статистик Ф.А. Щербина, внимательно наблюдавший за жизнью воронежской деревни конца XIX в., отметил абсолютную неизбежность коренных перемен. «Когда же количество жителей, — писал он, — настолько увеличится, что земледельческих продуктов окажется мало для него и под руками не бывает свободных земель, тогда для населения предстоит обыкновенно троякий исход — или усилить производительность той же площади земли, т.е. повести более интенсивное хозяйство, или выселить приросший избыток жителей на сторону, или же изыскать, наконец, иные, помимо земледелия, материальные источники»¹⁰.

Второй и третий способы использовать было и проще и привычней, первый, напротив, был наиболее труден, а для воронежского крестьянства попросту недоступен. Переходу к интенсивному хозяйствованию мешало слишком многое: и низкий культурный уровень деревни, и традиции уравнительного землепользования, и ограниченность спроса на крестьянскую продукцию. На протяжении веков община существовала для обеспечения материальных условий собственного крестьянского существования и плохо вписывалась в условия рыночного обмена. Не внушали больших надежд и выселения. Количество переселений из губернии до начала XX в. оставалось относительно невысоким и заметного влияния на сокращение аграрного перенаселения не оказывало¹¹.

Более существенное значение имел поиск неземледельческих источников заработка. Рост промышленности, развитие новых путей сообщения и городской жизни открывали неизвестные прежде перспективы. Все более значительная часть крестьянства перестала воспринимать обезземеливание как полную жизненную трагедию. Находились иные, нередко гораздо более прибыльные, чем обработка земли, занятия. По данным, полученным в ходе переписи 1897 г. в Воронежской губернии насчитывалось около 50 разных видов домашних кустарных промыслов. В них было занято около 40 тыс. работников с годовым заработком в 3 млн рублей¹². Иначе говоря, один работник в год в среднем зарабатывал около 80 рублей. По сведениям экономического отдела губернского земства, к 1913 г. количество занятых домашними промыслами сильно выросло, а число дворов кустарей достигло 15 тысяч¹³.

Тысячи крестьян, в том числе безземельных, с успехом занимались, например, сапожным промыслом в слободе Бутурлиновке. Уже через 20 лет после отмены крепостного права объемы производства достигли здесь внушительной цифры в 1 млн пар ежегодно. Средняя цена за пару сапог составляла тогда 3—3,5 рубля. Семья, в которой

шил сапоги 1 мастер с помощником, зарабатывала в год около 250 рублей¹⁴. Это был вполне приличный доход. При этом сумма годовых денежных повинностей (государственных, земских и мирских) средней крестьянской семьи составляла около 30 рублей. Стоит напомнить также, что пуд говядины, например, на городском рынке в Воронеже стоил около 3 р., пуд ржи — 70—80 копеек. Сопоставимые с сапожниками заработки могли иметь и плотничьи артели, в состав которых входили сотни крестьян Нижнедевицкого уезда. «Зарабатываемые деньги, — отмечал современник, — идут на уплату податей, на наем земли под посев и на домашние нужды; а часть денег (от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ получаемого заработка) пропивается»¹⁵. Конечно, такие семьи продолжали заниматься и земледелием, но удельный вес привычного крестьянского труда у них заметно снижался, зато денежные доходы возрастали. Под прессом земельной тесноты десятки тысяч воронежских крестьян начали систематически прибегать к отхожим промыслам. На заработки отправлялись целыми артелями, преимущественно в многоземельные казачьи станицы Дона, Кубани и Ставрополя. Как правило, сезонные заработки там заметно превосходили денежные доходы среднего крестьянина, остававшегося трудиться на своем наделе в родной губернии. Этот резерв «лишних» рабочих рук как раз и прилагался к промысловой деятельности. Неразвитость же торгово-промышленной жизни своего края толкала большинство свободных от земледелия тружеников к отходу из губернии. Воронежских крестьян можно было встретить на заработках в Донской области, на Северном Кавказе, на шахтах Донбасса, во многих городах центральной России. Если в 1898 г. на отхожие заработки из губернии ушло примерно 130 тыс. чел., то в 1901 — уже свыше 160 тысяч¹⁶. В среднем по губернии в отхожих промыслах участвовало почти 10,5% всего мужского населения¹⁷. В уездах с более высокой плотностью населения (например, в Задонском) доля отходников была еще выше.

Наблюдатели, впрочем, отмечали, что при слабой экономике губернии наиболее прибыльными занятиями в крестьянской среде были ростовщические и торговые операции, но не производство. Видный общественный деятель В.А. Перелешин отмечал в начале XX в.: «Нажива и рост кулачского капитала держатся главным образом на торговых операциях и вообще на так называемых процессах первоначального накопления капитала». Самые высокие доходы оказывались «у тех промышленников, которые имеют отношение к этой темной области наживы на счет народного производства и крестьянского труда»¹⁸. По подсчетам земских специалистов, торгово-посредническую деятельность выбрали всего 5,48% всех крестьян, занятых в неземледельческих промыслах, а сумма их заработков составляла 22,7% доходов, полученных от такого рода работы¹⁹.

Точные цифры ушедших на отхожие промыслы крестьян установить сложно. Тем не менее, сохранились красноречивые сведения о динамике выдачи паспортов крестьянам. Если в 1861—1870 гг. в Воронежской губернии было выдано 243,1 тыс. паспортов, или в среднем за год по 24 тыс., то в последнее десятилетие века — более 2,1 млн, то есть почти в десять раз больше²⁰. Такой стремительный рост мобильности населения имел далеко идущие последствия. В деревню приходили деньги, причем во все возрастающем количестве. Такая монетизация,

в свою очередь, разрушала натуральный характер общинной экономики, развивала духовные и материальные запросы крестьянства, подрывала традиции сельского коллективизма. Ведь на отхожих промыслах крестьяне зарабатывали деньги для себя, в сущности, по индивидуальным контрактам. Побывавшие в отхожих промыслах крестьяне отличались от массы общинников. Они, в частности, уже не признавали господства обычного права. Находясь длительное время за пределами своей деревни, отходники должны были регулировать свои отношения с работодателями на основе общегражданских законов. Кругозор побывавших на промыслах крестьянах заметно расширялся, а их правосознание было выше, чем у малоподвижного большинства пахарей-общинников.

Приходится констатировать, что в условиях аграрного перенаселения сугубо земледельческие занятия неизбежно консервировали застой в экономике и в социальных отношениях черноземной деревни. О бездоходности крестьянских посевов много раз с тревогой говорили специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянских надделов не превышали 50 пудов с десятины, а за вычетом посевного зерна, чистый урожай составлял всего около 40 пудов. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена (около 1 руб. за пуд.) едва их покрывала ²¹.

Земля продолжала притягивать к себе основные массы трудоспособного населения, и именно это обстоятельство предопределило развитие депрессивных явлений в хозяйственной и социальной жизни этого богатого земельными ресурсами региона. На фоне развития промыслов земледелие становилось все менее привлекательным ввиду своей низкой денежной доходности. К тому же полное господство общины не допускало рациональной перестройки в сфере земледельческого производства. Изнурительная чересполосица, длинно- и дальнотемелье, принудительный трехпольный севооборот начинали отталкивать все более значительные группы тружеников. На это обстоятельство обратил внимание известный соратник П.А. Столыпина датский специалист А.А. Кофод. Хозяйственная архаика общины, отмечал он, выталкивала их земледелия деятельную часть крестьянства. «Так, — писал Кофод, — на востоке, в астраханских, уральских и даже воронежских степях, в местностях арендного хозяйства, бывает, что крестьяне и казаки крупных сел и станиц, убедившись в невозможности успешного ведения хозяйства на разбросанных полосах, отдаленных от их местожительства иногда до десятка и более верст, отдают свои надельные земли в аренду участками или гуртом, сами иногда совершенно отказываясь от занятий сельским хозяйством» ²². Понятно, однако, что в деревне были и те, кто по-прежнему дорожил землей и даже брал ее в аренду, невзирая на все рыночные невыгоды земледелия. Но, как видно, неудержимо росла прослойка и тех крестьян, над которыми пресловутая власть земли начинала терять свою силу. Материальные выгоды промыслов, их возрастающее многообразие все более активно нарушали патриархальную неподвижность крестьянской жизни.

Однако отход вызывал не только позитивные перемены. Побывавшие в длительном отходе крестьяне приносили с собой и болезни,

в том числе социальные. Нарушались привычные связи и традиции. Длительные отлучки наносили чувствительные удары по семейным отношениям. Меньше стало почтительности по отношению к старикам. За этими негативными сторонами стояли объективно необходимые изменения в крестьянской жизни. И не только в ней. Земледелец-общинник имел весьма скромные потребности, определявшиеся натурально-замкнутым характером его хозяйства. А вот почувствовавшие вкус заработка крестьяне быстро расширяли круг своих запросов. Промыслы развивали вкус к доходам. Поэтому скоро обнаружилось, что промысел промыслу рознь. Большинство отходников добывало скромные заработки тяжелым трудом где-нибудь на шахтах Бахмутского уезда. Но появились и преуспевающие «промышленники». Среди состоятельных крестьян (особенно из бывшей государственной деревни) выделились владельцы внушительных мельниц стоимостью до 2000 рублей. А крестьянин слободы Бутурлиновка Бобровского уезда И.С. Баточкин сумел завести скорняжное и овчинное производство с годовым доходом до 25 000 рублей ²³.

Развитие крестьянских промыслов было социально-экономическим явлением переходного порядка. Оно свидетельствовало о начале очень болезненного, но исторически неизбежного процесса вывода из деревни значительных масс крестьянского населения и понижения его доли в составе российского общества. Причем наиболее восприимчивыми к новациям являлись многоземельные и безземельные крестьяне. Именно эти два полюса были склонны расстаться с традиционными формами земледелия. С них начинался процесс перехода от аграрного общества к обществу индустриальному. В пореформенную эпоху история русского раскрестьянивания только зарождалась. Поистине трагической эта история окажется позднее.

Новые виды заработков самым серьезным образом отражались на быте и социальной психологии воронежской деревни. Быстро расширялись контакты крестьянства с окружающим миром, а дополнительные ресурсы давали возможность хотя бы частично удовлетворять новые потребности. Наблюдатели отмечали, что в селах с большой долей отходников в лучшую сторону менялся облик зданий, шире распространялась грамотность, выше становились материальные запросы крестьянства. Прав Миронов: обострявшееся малоземелье не помешало русскому крестьянству в конце XIX в. весьма существенно увеличить потребление продуктов питания, особенно ржи и картофеля (в 1913 г. на 37% больше, чем в 1890) ²⁴.

Все больше крестьян Воронежской губернии находили новые источники пополнения жизненных средств. Но при этом социальная мобильность резко возрастала, а вслед за этим быстро расшатывались все привычные устои крестьянского общества. Крестьянство становилось гораздо более требовательным, моральный климат в деревне начал быстро меняться. «Теперь, иронизируют крестьяне, в светлой хате сын хватит по уху отца, а прежде этого не бывало», — подмечал Щербина ²⁵.

О переменах в материальном положении крестьянских хозяйств судить непросто. Среди либеральных и особенно народнических исследователей дореволюционного времени сохраняли популярность выводы Ю.Э. Янсона, писавшего о чрезмерной обременительности

финансовых повинностей крестьянства после отмены крепостного права²⁶. Оппозиционной интеллигенции чрезвычайно импонировали следовавшие из утверждений Янсона выводы о грубых перекосах в социальной политике правительства. Между тем, уже современники отмечали очевидную тенденциозность положений Янсона. Представленная им картина крестьянских повинностей получалась, по справедливому замечанию И.А. Христофорова, «неправдоподобной: оставалось только гадать, каким образом миллионы крестьянских хозяйств при таком катастрофическом обложении выживают уже полтора десятка лет, и кое-где весьма успешно»²⁷.

В советской историографии мнение о тяжелом налоговом бремени, лежавшем на крестьянах, считалось аксиоматичным. Советские историки были сами убеждены и убеждали читателей, что царское правительство весь смысл своей деятельности видело только в том, чтобы эксплуатировать народ. Поэтому мысль о росте материального благосостояния крестьянства при самодержавии им представлялась кощунственной, поскольку она посягала на основной постулат марксистско-ленинской историографии о необходимости, закономерности и неизбежности социалистической революции в России. Отчасти поэтому реальная роль налоговых платежей в жизни крестьянских хозяйств изучалась крайне мало. В последнее время Миронов начал отстаивать тезис об относительном благополучии финансового положения русской деревни начала XX века. Поддерживая этот тезис, Давыдов объяснил рост недоимок не экономическими условиями, а морально-политическим состоянием крестьянского населения, а также большими недостатками податной политики государственной власти²⁸.

Можно констатировать, что и данные местной статистики свидетельствуют в пользу выводов Миронова и Давыдова. Из этих данных следует, что доля прямых налогов и сборов в крестьянских хозяйствах Воронежской губернии не превышала 6—7% их общей доходности. Никак не мог обременять крестьянскую семью государственный земельный налог. Например, сумма окладных сборов по государственному поземельному налогу в Воронежской губернии в 1897 г. составляла 341 502 рубля. В губернии насчитывалось тогда примерно 350 тыс. крестьянских дворов, следовательно, по этому налогу на двор приходилось менее 1 руб., а на десятину земельных угодий падало около 10 копеек. Гораздо более серьезную нагрузку на крестьянский бюджет давали земские сборы. Их годовой оклад в губернии составлял в начале XX в. около 3 млн рублей. В среднем на двор приходилось по 8—10 руб., из них губернский сбор составлял примерно 2—3 руб., а уездный — 6—8 рублей²⁹. Однако и эти сборы нельзя считать слишком тяжелыми. Тем более, что собирались они со всех сословий, а расходовались преимущественно на крестьянские нужды. По стоимости они равнялись примерно 15 пудам ржи. Несправедливо считать слишком обременительным и третий вид платежей — мирские сборы. В Воронежской губернии их годовой оклад был примерно вдвое меньше земского. Отметим также, что земские и мирские сборы из своих территорий не уходили, а расходовались на местные, главным образом, крестьянские нужды. Примерно такая же ситуация была с обязательными для крестьян страховыми взносами. По своей величине они примерно соответствовали мирским сборам и

тратились, в основном, на частичное возмещение материальных потерь при частых в ту пору пожарах.

До первой русской революции наиболее сложной для крестьян, да и для властей была ситуация с выкупными платежами. Фактически включенные в состав казенных повинностей, выкупные платежи по объему примерно в 15 раз превосходили государственный земельный налог. В Воронежской губернии средний размер выкупных платежей бывших помещичьих крестьян составлял примерно 1 руб. 50 коп. — 1 руб. 70 коп. с десятины надельной земли. Из-за этого доля выкупных платежей в сумме всех денежных повинностей воронежских крестьян составляла примерно 70%. Стоит напомнить, что в конце XIX в. крестьянское налогообложение существенно изменилось. На выкуп надельной земли были переведены и государственные крестьяне, численность которых в Воронежской губернии была гораздо более высокой, чем бывших помещичьих (71% против 29% в общем составе крестьянского населения).

В 1886 г. государство пошло на отмену подушной подати. По Воронежской губернии оброчная подать бывших государственных крестьян была рассчитана на 521 230 душ. В их пользовании находилось 3 063 361 десятина удобной земли. С них причиталось 2 425 863 руб. оброчной подати (то есть около 4 руб. с души или около 70 коп. с десятины) и 1 416 727 руб. подушной подати (около 2,5 руб. с души или 50 коп. с надела)³⁰. Всего, таким образом, на десятину стало падать около 1 руб. 20 коп. новых выкупных платежей (кроме поземельного государственного налога, земских, мирских и страховых сборов).

1 руб. 20 коп. с десятины — это в ту пору стоимость не более 2-х пудов ржи. Даже при очень небольшом урожае в 50 пуд. с десятины такой платеж обременительным назвать трудно. Тем не менее, именно по выкупным платежам на рубеже XIX—XX вв. наблюдался самый существенный рост недоимок. Например, к 1 января 1898 г. размер оклада по выкупным платежам для всех категорий крестьян составлял в губернии 4 589 119 руб. 28 копеек. Впечатляет однако не размер оклада, а объем накопившихся недоимок. Они составили к этой же дате 7 732 785 руб., то есть почти в два раза больше годового оклада³¹. В сумме, следовательно, размер долга по выкупным платежам превысил 12,3 млн руб. или примерно по 40 руб. в среднем на хозяйство. Впрочем, и эта солидная сумма сама по себе не могла считаться разорительной. По данным статистики, примерно такую же сумму в конце XIX в. крестьянский двор тратил в год на спиртные напитки. Но расходы на то и на другое могли действительно сильно обременять средний по доходам двор.

Задолженность по всем видам сборов к началу XX в. стала хронической и даже обыденной. При анализе статистических данных, которые регулярно собирались местными властями, складывается впечатление, что должной финансовой и налоговой исполнительности не было ни в одном уезде и ни в одной волости. И, что самое печальное, к такой ситуации привыкали и власти, и население. На всех уровнях государственного управления бытовало довольно спокойное признание того, что ничего поделать тут нельзя, да, видимо, и незачем, ведь основные доходы государственный бюджет получал не от

прямых, а от косвенных налогов. Рост же косвенных налогов был невозможен без общего подъема экономики страны, значит, и без роста материального благосостояния народа.

Приведенные данные позволяют согласиться с выводом Давыдова о том, что крестьяне не платили выкупные платежи не потому, что не могли, а потому, что не хотели. Роль своеобразной социальной защиты при этом играла община с ее круговой порукой. Сталкиваясь с солидарными действиями общинников, власти, как правило, попросту отступали. Эпизодические списывания недоимок не улучшали, а еще больше ухудшали положение дел. Известно, что в связи с рождением наследника недоимки по выкупным платежам были списаны манифестом 11 августа 1904 г.; к тому времени они превышали годовой оклад. Подобного рода подачки не могли не расшатывать финансовой дисциплины народа.

Впрочем, сводить проблему недоимок только к саботажу или к недостаткам податной системы — значит сильно упрощать проблему. Не менее важным фактором была низкая денежная доходность крестьянских хозяйств. На фоне успехов промышленного развития откровенно слабая эффективность земледельческого труда становилась все более очевидной. Земские статистики, главой которых на протяжении двадцати лет был признанный мастер своего дела Щербина, информировали в 1895 г. управу о том, что средний размер долгосрочной аренды одной десятины земли в губернии равнялся 4 руб. 45 копейкам. Поскольку долгосрочная аренда падает на все виды угодий и учитывает хозяйственные риски, постольку она близко выражает собой чистую доходность земли. При этом «чистая доходность земель по Воронежской губернии, при лучших условиях, составляет лишь 21,2% долга, лежащего на землях, а ежегодное погашение долгов и платежей поглощает около 67,4% этой доходности, то есть из каждых 4 руб. 45 коп. на долю владельца и хозяйства остается 1 руб. 45 коп., а на погашение идет 3 рубля»³².

Еще хуже было положение в крестьянских общинных хозяйствах. До 40% используемых ими земельных угодий составляли арендованные у частных владельцев участки. За пореформенные десятилетия общая задолженность крестьянских хозяйств по платежам достигла огромной суммы в 22,5 млн руб., или почти по 71 руб. на двор. «У частных владельцев, — с горечью констатировали земцы, — за покрытием задолженности и платежей остается по 1 руб. 45 коп. с десятины, у крестьян же не только не оказывается никаких остатков, а образуется даже дефицит в 5 руб. 54 коп. на десятину»³³.

Показательно, что уровень недоимок практически не зависел от материальной обеспеченности крестьянских хозяйств. Типичная картина того времени наблюдалась в многоземельной Новокриушанской волости Богучарского уезда. По последней ревизии перед отменной крепостного права здесь числилось 3207 мужских душ и 3124 женских. В 1890 г. — уже 3574 мужчин и 3602 женщины. В волости также проживали 19 купцов, мещан и разночинцев, 154 отставных солдата и 194 бессрочноотпускных, а также 346 солдатских жен и вдов. Всего в волости, таким образом, числилось 7895 жителей. Дворов в волости насчитывалось 1189. Удобной земли в их пользовании — 24 623 десятины 720 саженей. Был в волости и лес — 346 дес. 1200 саженей.

На ревизскую душу здесь приходилось по 8 десятин 728 саженой земельной угодий. Такие наделы более чем вдвое превышали высшую норму надела для бывших помещичьих крестьян. Судя по отчету уездного исправника, за волостью числилось государственного поземельного налога 1974 руб. 29 коп. (примерно по 8 коп. с десятины). Выкупных же платежей числилось 23 213 руб. 12 коп. (примерно 95 коп. с десятины). Земский сбор (губернский и уездный) вместе ровнялся 3980 руб. 21 коп., что составляло примерно 18 коп. с десятины. Мирские сборы составляли в волости 2339 руб. 49 коп., то есть по 10 коп. с десятины. Однако и в этой многоземельной волости платежи поступали в казну с большими недостатками. За весь 1890 г. выкупные платежи не вносились к сентябрю вообще, по государственному поземельному налогу были погашены только недоимки в 5040 руб. (при годовом окладе меньшем, чем 2 тыс. рублей). Плохо шли платежи и по земским сборам. По ним поступила только часть недоимок (1215 руб. 26 коп., осталось недоимок 375 руб. 72 коп.)³⁴. По сути дела совсем не бедная волость попросту саботировала исполнение важнейшей государственной обязанности.

Отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей позволила крестьянам существенно увеличить доходность своих хозяйств. Как следствие, с 1910 г. до начала первой мировой войны в Воронежской губернии наблюдалось снижение социальной напряженности. Увеличение денежных накоплений у большинства крестьянских хозяйств позволило местной администрации и земским учреждениям активизировать деятельность по структурной реорганизации сельской экономики. Дополнительные импульсы получило новое землеустройство, связанное с переходом от общинного землевладения к подворному (отрубному), а также массовое развитие кооперативов (кредитных, потребительских, промысловых, сбытовых). С отменой выкупных платежей община стала терять защитные функции, а за снижением налогового бремени последовал существенный рост эффективности крестьянских хозяйств — в первую очередь тех, кто покинул общину по столыпинскому закону. Ускорило перераспределение земельного фонда губернии. К началу мировой войны крестьянство сосредоточило в своей собственности примерно 90% материальных ресурсов сельского хозяйства губернии.

Данные по Воронежской губернии убеждают, что перед мировой войной положение с налоговыми платежами стабилизировалось. По сведениям губернского статистического комитета в 1914 г. недоимок по окладным сборам числилось всего 242 937 руб. 50 копеек. Это меньше, чем в 1913 г. на 310 579 руб. 71 копейку. Оклад же 1914 г. составлял 885 417 руб. 63 копейки. Но зато от продажи пива в 1913 г. казна получила в Воронежской губернии 19 338 572 руб. 13 копеек. В 1914 г. поступления от продаж спиртных напитков резко сократились и составили всего 8 682 390 руб. 46 копеек. Подействовал запрет на продажу спиртного, установленный 26 июля 1914 года. Понятно, что в 1915 и 1916 гг. казна не добрала еще больше. Между тем, из-за подорожания сельскохозяйственной продукции в карманах крестьян и вообще сельских производителей остались внушительные суммы. Налоги же в условиях войны вновь стали выплачиваться очень плохо. В общем окладе казенных сборов поземельный налог составил

655 916 руб. 70 коп., взыскано же было 387 569 рублей. Таким образом, крестьяне уплатили, грубо говоря, всего по пятаку за десятину. Губернский земский сбор исчислялся в сумме 2 173 962 руб. 24 копеек. Собрать же удалось 1 586 258 руб. 88 копеек. Уездные земские сборы в 1914 г. составили 5 839 314 руб. 41 коп., а собрали 4 324 603 руб. 83 копейки. Впрочем, для военного времени такой спад неожиданным считать нельзя ³⁵.

Можно согласиться с Мироновым: нарастание революционного кризиса в Российской империи объяснялось не финансовыми тяготами и не обеднением крестьянства. Но только на этом основании нельзя, конечно, делать вывод о материальном благополучии русской деревни. Высоких доходов не было, а при натурально-потребительском хозяйстве крестьянского двора и быть не могло. По подсчетам Щербины, душевой доход крестьян Острогужского уезда в конце 1880-х гг. составлял 83 р. 87 коп., тогда как у французских крестьян он достигал (в пересчете на российские деньги) 165 руб. 24 коп., а в фермерских хозяйствах штата Луизиана в Америке — 287 руб. 94 копейки ³⁶. О низкой доходности крестьянских посевов с тревогой говорили многие специалисты и в начале XX века. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что чистый урожай на крестьянских полях по стоимости не превышал 8—10 руб. с десятины ³⁷.

Все эти удручающие цифры убедительно свидетельствовали о том, что до подлинно рыночных отношений в земледельческом секторе было еще очень далеко. Впрочем, крестьянская общинная экономика никогда и не была рыночной. Душевой доход среднего воронежского крестьянина в 7 раз уступал душевому доходу англичанина, в 6,5 раз доходу француза и почти в 6 раз — доходу крестьянина Германии ³⁸. Приходится признать, что рассуждения легальных народников конца XIX в. об отсутствии капиталистического рынка в русской деревне не были лишены оснований.

Подчеркивая, что дешевый хлеб крестьяне считали благом, земские статистики тут же отмечали, что потребности населения Воронежской губернии «оказываются крайне неразвитыми, ограниченными и примитивными». Есть, писал Щербина, глубокая разница «между потребностями людей, стоящих на разных ступенях исторического развития или принадлежащих к разным классам» ³⁹. В справедливости этого вывода сомневаться не приходится. Можно напомнить, что в написанном в ту же эпоху рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» при перечислении доходов доктора Дымова, писатель отметил, что частная практика этого честного врача давала ему совсем немного — около 500 руб. в год. Между тем, для крестьянского двора валовый доход в 500 руб. в год считался совсем неплохим. Средние расходы на душу в крестьянском хозяйстве в начале века составляли 53 руб. 5 коп. в год, причем на удовлетворение личных потребностей расходовалось 25 руб. 70 коп., а на удовлетворение хозяйственных нужд 27 руб. 35 коп., то есть в сутки на личное потребление тратилось всего 7 копеек ⁴⁰. Понятно, что живший в городе доктор тратил денег во много раз больше, поскольку имел совсем иной уровень потребностей. Приходится признать, что рассуждения легальных народников конца XIX в. об отсутствии сколько-нибудь солидного капиталистического рынка в русской деревне не были лишены оснований.

Видимым парадоксом крестьянской экономики пореформенного времени можно считать тот факт, что доходы малоземельных хозяйств были преимущественно денежными, а хозяйств с достаточными или даже большими наделами — в основном натуральными. Многоземельные крестьяне, как правило, обеспечивали себя всеми продуктами собственного производства и от денежных доходов зависели мало. Большие наделы требовали большого труда и давали крестьянину все необходимое. По признанию самих крестьян, с земли они жили, деньги же на налоги получали с промыслов. Напротив, «чем беднее хозяйство, тем больше средств расходуется в нем в частности на пищу, как важнейшую из личных потребностей»⁴¹. По подсчетам того же Щербины, продукты труда в натуральной форме у воронежских крестьян составляли около 55% всех доходов двора, При этом от земледелия доходность в натуральной форме составляла 83%, а в денежной — только 17%⁴².

Невысокая денежная доходность, общинный характер социальных отношений и, как следствие, неразвитость гражданского сознания порождали условия для подрыва финансовой исполнительности в среде сельского населения. Представления о законности платежей и сборов были либо вовсе не развиты, либо решительно расходились с представлениями администрации. Вследствие этого создавались условия для разрастания системного кризиса государственного строя. Потребность в радикальном реформировании аграрных отношений становилась поистине неотложной.

Открытый указом 9 ноября 1906 г. и другими мероприятиями курс правительства П.А. Столыпина на индивидуализацию крестьянской земельной собственности должен был положить конец господству общины, открыть простор хозяйственной самостоятельности в деревне, ускорить переход к интенсивным формам земледелия на основе достижений современной агрокультуры и использования достижений техники. В.И. Гурко, один из отцов новой аграрной политики, имел все основания утверждать, что община «принуждает своих членов равняться не по уровню знаний и предприимчивости наиболее развитых и энергичных своих членов, а наоборот, поневоле остается в области земледелия на уровне наименее знающих и несмышленных»⁴³. Аграрный курс Столыпина целенаправленно форсировал раскол в деревне. Ставка делалась на деятельные слои крестьянства. Вышедшие из общины «укрепленцы» трудились с куда большей эффективностью. На этот факт обратил внимание воронежский помещик и видный государственный деятель С.И. Шидловский. «Появилось то, — вспоминал он, — чего я раньше допустить не мог, и что было, в сущности, совершенно нормально. Крестьянские земли оказывались обработанными лучше, чем мои, и урожай у них отнюдь не ниже, а выше моих». Улучшения распространялись по мере выхода из общины и дальше, «ни в чем только не затронувши наделные земли». Общинники же, сетовал Шидловский, продолжали вести допотопное хозяйство. «Понятно, что, видя вокруг себя подобные явления, я не мог не прийти к заключению, что общинное распоряжение землею является самым крупным тормозом для улучшения земельной культуры, при каком мнении и остаюсь до сего времени»⁴⁴.

Проблема, конечно, не сводилась к элементарной косности общинников. Экономика крестьянской общины носила закрытый и самодостаточный характер. На протяжении веков община помогала крестьянам выжить в суровой борьбе с природой и властями. Но, консервируя аграрную перенаселенность, та же община объективно не была заинтересована в производстве больших излишков сельскохозяйственной продукции. Если бы сотни тысяч крестьянских дворов Воронежской губернии вдруг резко повысили продуктивность своих полей, они тут же столкнулись бы с проблемой сбыта. Чрезмерные урожаи иногда оборачивались бедой, как это ни парадоксально звучит на первый взгляд. Так было, например, в 1897 г., когда губернатор В.З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса. Община уверенно себя чувствовала лишь на среднем уровне достаточности.

Столыпинское реформирование было направлено на ликвидацию аграрной перенаселенности за счет целенаправленной поддержки хозяйственных инициатив крепких и трезвых крестьян-единоличников. Предполагалось, что промышленное и культурное развитие страны, укрепление ее связей с внешним миром будут способствовать росту эффективности приватизированных крестьянских хозяйств. Известные основания для оптимистических прогнозов у сторонников реформ были. В Воронежской губернии нашлось немало энтузиастов новой политики. Перестройкой аграрных отношений энергично занимались члены землеустроительных комиссий, местная администрация, земские учреждения ⁴⁵. Широкою просветительскую работу в деревне развернули десятки правительственных и земских инспекторов, агрономов, ветеринаров и других специалистов сельского хозяйства.

Новое дело было сопряжено с огромными трудностями. «Крестьяне, — замечал Щербина, — в большинстве своем даже не могут представить себе, чтобы общинное землевладение могло быть заменено иною формою владения и пользования. По крайней мере, на поставленный исследователями вопрос о том, не желает ли общество, или нет ли в нем отдельных лиц, желающих перейти к подворному землевладению, крестьяне отвечали в большинстве случаев не только отрицательно, но и с явным недоумением». Многовековые привычки сломать было очень нелегко. Община была привычной, агрономы же звали к неизведанной жизни. И все-таки реформы продвигались вперед. Как и предполагали организаторы преобразований, некоторые крестьяне молодого и среднего возраста (от 20 до 30% домохозяев) психологически были готовы перейти к новым принципам экономической жизни. Сторонники новой политики учитывали возросшую мобильность сельского населения. Замечали они и крепнувшие желания предприимчивых крестьян освободиться от оков общинной регламентации. Жизнь показала, что такие расчеты строились не на песке. Из имевшихся к началу реформы 400 тыс. крестьянских дворов Воронежской губернии хозяева примерно 135 тыс. к 1915 г. изъявили желание выйти из общины и закрепить причитавшиеся им наделы в собственность ⁴⁶. Еще несколько десятков тысяч домохозяев, живших в общинах, в которых не было коренных переделов земли со времени падения крепостного права, по закону 1911 г. были объявлены наследственными владельцами находившимися в их распоряже-

нии наделами земли. Таким образом, не менее половины всех крестьянских хозяйств губернии к началу первой мировой войны стали втягиваться в процесс нового землеустройства.

Говоря о хозяйственных результатах развернувшегося реформирования, не забудем, что перестройка аграрных отношений только начиналась. По расчетам правительства, индивидуализация крестьянской собственности должна была в основном завершиться к середине 1930-х годов. Поэтому разговоры о полном успехе или, наоборот, о крахе реформ представляются преждевременными и некорректными. Во всяком случае, анализ экономических показателей жизни воронежской деревни в условиях развернувшихся реформ мог обнадежить сторонников мирного обновления народной жизни.

Прежде всего, выяснилось, что перешедшие к индивидуальному землевладению крестьяне стали гораздо более внимательно относиться к пропаганде культурных и рациональных приемов обработки почвы. Если общинники, как правило, с недоверием относились к советам неожиданно появившихся в деревне агрономов и предпочитали держаться традиционной сохи и трехполья, то «укрепленцы» проявляли живой интерес к экономическим новшествам. Все чаще становились известными случаи успешного применения в хозяйствах специальных знаний. Так, в с. Папасном Богучарского уезда земский агроном устроил показательное поле на земле одного из крестьян, недавно покинувших общину. На второй год это поле по сравнению с соседними дало доход в 1.5 раза больше. «Это получилось от того, — сообщали специалисты, — что агроном научил хозяина этого поля правильно разрабатывать и засеивать землю, правильно распределять на ней растения (ввел четырехпольный севооборот) и завел травы на пару и в отдельном клину». Успех показательного поля вдохновил еще около 40 хозяев перейти к усовершенствованной агротехнике. И если в этом селе обычный годовой доход общинника от земледелия составлял около 300 руб., то у «новаторов» он достиг 450 рублей⁴⁷.

Курс на рационализацию сельской экономики наносил удар по традиционным представлениям крестьян о способах и приемах землепользования. Под влиянием упорной просветительской работы специалистов-аграриев, в том числе, и ознакомительных поездок групп крестьян в районы с культурным интенсивным хозяйством, воронежские крестьяне начинали постигать выгоды новых условий землепользования. Воронежский крестьянин обнаруживал, что не только слепые силы природы, но и его собственные усилия могли повлиять на хозяйственные итоги года. Присущий русскому крестьянину фатализм и упование на волю Божию начинали уступать у вышедших из общины «единоличников» место трезвому расчету и экономическому анализу. В том же Богучарском уезде некоторые крестьяне с. Талы воспользовались указом 9 ноября 1906 г., вышли из общины и перешли на хутора и отруба. Один из «укрепленцев» сообщал, что свой надел в 6 десятин он распределил следующим образом: полторы десятины отвел под озимую рожь, а остальные четыре с половиной выделил под зябь и вспахал осенью. В конце 1913 г. он пошел на курсы агронома М.М. Богословского, на которых понял, что жить по старинке больше нельзя, «потому что мы своим неразумным чередованием растений на полях сеем хлеб по хлебу, и засоряем и истощаем

землю, вследствие чего и получают такие низкие урожаи хлебов, да еще наполовину с семенами сорных трав, главным образом с семенами овсяга».

Агроном заложил на наделе этого крестьянина опытное поле и с весны 1914 г. ввел четыре клина: с паром, озимой рожью, пропашными и яровыми. Причем пар был двух видов: занятой, на котором была посеяна вика с ячменем на сено, и черный. Все лето пар поддерживался в чистоте, часть занятого была удобрена навозом. В дальнейшем все операции, включая лущение, боронование, отбор семян и т.п. проводились по советам агронома. В итоге сельскохозяйственный год был завершен с хорошими результатами, которых не было и не могло быть у соседей-общинников с их традиционным трехпольем. «Поэтому, — заключал крестьянин-новатор, — мой совет отрубщикам и хуторянам, если они еще хозяйствуют по старинке, переходить скорее к четырехполью и они получают благие результаты»⁴⁸.

В новых экономических условиях, естественно, возрастал сектор частного землевладения. Причем быстро увеличивалось именно крестьянское частное землевладение, поскольку дворянство по-прежнему неуклонно сокращало размеры своих имений. Такая мобилизация земельных угодий в руках крестьянина-частника сопровождалась все более устойчивым ростом сельскохозяйственного производства. О существенных сдвигах в экономических показателях аграрного сектора губернии можно судить, если сопоставить данные статистики за 1907 и 1915 гг., погодные условия которых практически не отличались. Сбор всех хлебов в 1907 г. в губернии составил около 76 млн пудов, при этом около 50,5 млн пудов было получено на крестьянских наделах. Если учесть, что на посев 1908 г. крестьяне отводили около 11 млн пудов зерна, то на собственные нужды у них оставалось около 39 млн пудов, что давало 13,8 пудов продовольственного зерна на человека. Кроме того, крестьяне располагали в 1907 г. 20,5 млн пудов картофеля (по 7,2 пудов на человека)⁴⁹. Продовольственная норма на едока в год составляла, по данным земских статистиков, примерно 20 пудов в год (хлеба и картофеля). Таким образом, можно констатировать, что по сути дела весь собранный в 1907 г. урожай должен был уйти на собственное потребление крестьян-общинников. Ради этого, собственно, и существовала община. Основную же массу товарного хлеба в тот год дали, естественно, частновладельческие хозяйства.

По мобилизации из Воронежской губернии в армию были призваны почти 400 тыс. молодых крестьян. Тем не менее, в 1915 г. сельскохозяйственное производство выглядело гораздо перспективней, чем в 1907 году. Озимых хлебов было собрано более 63 млн пудов, яровых — 72 млн пудов, а всего, таким образом, 135 млн пудов. Это почти на 50 млн пудов больше, чем в год начала реформ⁵⁰. Столь внушительное увеличение производства сопровождалось симптоматичными переменами в аграрных отношениях. Прежде всего, ощутимый рост товарности зернового производства наблюдался в крестьянских хозяйствах. Крестьяне, например, стали заметно расширять посевы озимой пшеницы — культуры более продуктивной, чем рожь, но и требующей более совершенной агротехники. Так, в 1913 г. они израсходовали на семена пшеницы 71,5 тыс. пудов, в 1914 — 81,7 тыс. пудов, а в 1915 уже около 140,5 тыс. пудов. Таких подвижек при

господстве общины не наблюдалось: для собственного продовольствия общинники сеяли исключительно рожь. Очень важно отметить также, что общий рост производства сопровождался чувствительным сокращением помещичьего землевладения. Если в 1914 г. помещики заняли под озимые 223 тыс. десятин, то в 1915 — всего чуть больше 100 тысяч. При этом озимые поля крестьян выросли на 125 тыс. десятин. И достигли почти 770 тыс. десятин, что почти в 8 раз больше, чем у помещиков ⁵¹. Примерно так же увеличивались крестьянские поля и под другими культурами.

На крестьянские хозяйства более сильное влияние стал оказывать рынок. Появление в губернии сахарных заводов привело к росту посевов сахарной свеклы, почти целиком отправлявшейся на продажу. В 1915 г. под сахарной свеклой в губернии было занято уже почти 20 тыс. десятин ⁵². Кроме того, все больше крестьян стали проявлять заинтересованность в выгодных для себя ценах на хлеб, поскольку его производство полностью покрывало потребности большинства семей. Можно, таким образом, констатировать, что сокращение удельного веса общинных хозяйств сопровождалось в губернии постепенным переходом к более эффективным методам хозяйствования. В деревне наметился поворот громадного исторического значения: впервые за многие века развитие земледелия начинало связываться не с экстенсивным его распространением, а с интенсификацией производства и подъемом культуры. У этого поворота были обнадеживавшие приметы: даже начавшаяся мировая война не нарушила поступательного роста крестьянской экономики. Как показывало время, затраты на сельское хозяйство довольно быстро приносили хорошие плоды. «Трехлетняя агрономическая деятельность, — с удовлетворением отмечалось в обзоре 1914 г., — не осталась без достаточных результатов: среди общей массы крестьян можно найти немало хозяев, которые завели уже улучшенные сельскохозяйственные орудия, породистый скот, разбили сады, применяют культурные способы обработки почвы и приемы по уходу за посевами и пр.; число таких крестьян с каждым годом увеличивается» ⁵³.

Еще раз подчеркнем, что позитивные результаты были достигнуты в первую очередь в хозяйствах крестьян, прошедших через новое землеустройство. Их опыт служил примером, поэтому даже в 1915 г. землеустроительные губернии получили 13 011 ходатайств от крестьян об образовании единоличных владений ⁵⁴. В немалой степени хозяйственным успехам отрубников содействовало развернувшееся в губернии массовое кооперативное движение. Кроме того, во время мировой войны именно крестьянство извлекло наибольшие выгоды из введения в стране сухого закона. По многочисленным свидетельствам очевидцев, пьянство в деревнях Воронежской губернии с лета 1914 г. резко сократилось, а сохранившиеся средства крестьяне направляли на укрепление своих хозяйств. «Вследствие закрытия казенных винных лавок, — с удовольствием доносил Богучарский уездный исправник в октябре 1914 г., — все население трезво, усиленного разврата не замечалось и особо выдающихся каких-либо явлений, заслуживающих внимания за истекший сентябрь месяц в Богучарском уезде, не было» ⁵⁵. При этом крепкие и самостоятельные хозяева отнеслись к сухому закону с гораздо большим сочувствием,

чем общинники. Для сельских сходов совместные выпивки давно стали нормой ⁵⁶.

Однако до решительных сдвигов в сторону интенсивного сельского хозяйства в губернии было, конечно, еще далеко. Большинство крестьян продолжало держаться общинных традиций. Надежды на улучшение своего положения они связывали с перераспределением земельной собственности. Коренная реконструкция сельского хозяйства не могла быть совершена только за счет аграрных преобразований. И тем более — путем дополнительного наделения крестьян землей за счет более культурных частновладельческих хозяйств ⁵⁷. Стимулировать повышение эффективности должно было ускоренное развитие промышленности, путей сообщения и городской инфраструктуры. Мировая война и разразившийся на ее исходе вихрь революционных потрясений прервали нелегкое реформирование. При советской же власти проблема избыточного аграрного населения была решена специфическими методами административно-командного свойства.

Важнейшей целью нового аграрного курса было изменению правовой ситуации, сложившейся в российской деревне к началу XX столетия. Массовые волнения крестьянства, вылившиеся в погромы сотен помещичьих усадеб, свидетельствовали о том, что ухудшение морально-политического климата в деревне стало представлять огромную опасность для дальнейших судеб империи. Между тем, расшатывание устоев правопорядка в среде сельского населения нарастало в течение нескольких десятилетий. Крестьянские реформы 1860-х гг., уничтожившие крепостнические отношения, оставили самое массовое словие России в особом правовом пространстве. Крестьяне, объединенные в сельские общества, обособлялись от прочих социальных слоев. В общинах сохранялись сословные учреждения самоуправления, порядок совершения которого определялся традицией. Сельскому сходу и сельскому старосте принадлежали даже определенные судебные функции (особенно при рассмотрении проступков, связанных с исполнением мирских повинностей). Но все же основным юридическим регулятором крестьянской жизни являлся волостной суд. Глава третьего раздела «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» гласила, что в пределах волости крестьяне должны были из своей среды ежегодно избирать суд в количестве от четырех до двенадцати судей. Избранным в состав такого суда крестьянам необходимо было разбирать «как споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам» ⁵⁸.

Стоит обратить внимание на то, что по внешним признакам волостной суд был самым демократическим учреждением. Самодержавное правительство демонстрировало доверие к здравому смыслу народа, полагая, что режим самоуправления сможет стать достойной заменой исчезавшей крепостнической опеке дворянства. Инициаторы преобразований, конечно, хорошо понимали, что волостные судьи не могли руководствоваться в своей деятельности нормами писаного закона, для этого им не хватало ни общей грамотности, ни традиций гражданского поведения. Расчет был, естественно, только на силу крестьянского обычая, на сложившиеся в крестьянском сословии нормы морали и стереотипы поведения.

Долгое время в высших сферах Российской империи держалось убеждение в том, что сохранение специфических форм крестьянского самоуправления, включая волостной суд, надежно служит общественному спокойствию и безопасности государства. Известные основания для такой уверенности у власти были. Крестьянские общинные институты на протяжении столетий являлись важнейшей опорой самодержавного режима. Всем своим строем крестьянская семья, а вместе с ней и община, воспроизводили на уровне народной жизни модель авторитарного государственного строя с неограниченным правителем во главе. Естественная забота о стабильности государственного устройства побуждала верховную власть к сохранению сословной обособленности многомиллионного российского крестьянства и после отмены крепостного права.

Однако в правящих кругах было немало противников правовой самобытности «свободных сельских обывателей». Уже во время подготовки к освобождению от крепостной зависимости ряд деятелей Редакционных комиссий настаивал на формально-правовой последовательности при проведении крестьянской эмансипации. По мнению В.А. Черкасского, главным ориентиром при устройстве сельского населения преобразующейся России должно было стать свободное общество равноправных собственников, чего, естественно, не допускало сохранение общины. Мы смеем думать, писал он в 1856 г., «что с дальнейшим развитием гражданственности, умножением народонаселения и возвышением поземельной ценности, наши сельские общества, сохранив лишь общинное управление, покинут сами собою эту первообразную, несовершенную форму владения поземельного и путем естественного развития дойдут до более или менее общего приложения понятия о частной собственности»⁵⁹.

Тем не менее, базировавшийся на общине крестьянский правопорядок долгое время рассматривался властью как неизбежный и необходимый компонент общественного благополучия. На это было несколько причин. Прежде всего, стихийный консерватизм крестьянского самоуправления вполне соответствовал традиционализму самодержавного политического строя — ни тот, ни другой не были склонны к восприятию глубоких новаций. Отменив крепостничество, самодержавное государство искало залог стабильности в народных обычаях и надеялось, что с потерей помещичьего контроля именно общинные порядки и обычное право не дадут освобожденному народу войти в состояние социальной неуправляемости. Как известно, о такой угрозе неизменно предупреждали открытые противники крестьянской эмансипации.

Впрочем, положиться на крестьянские обычаи верховная власть должна была по необходимости. Отмена крепостного права сразу же со всей полнотой обнажила проблему местного управления. Правительство не могло отважиться на индивидуализацию крестьянской жизни (хотя бы даже очень умеренную) уже потому, что ему просто нечем было заменить уходящую административную и полицейскую власть помещиков. Пойти на существенное увеличение аппарата управления самодержавие не имело возможности: для этого в его распоряжении не было ни финансов, ни подготовленных штатов⁶⁰. Между тем, либерализация социальных и экономических отношений всегда

и везде требовала существенного развития управленческих структур, включая правовые и правоохранительные.

Рост бюрократии при переходе общества к отношениям, основанным на частной собственности и на гражданских правах, неизбежен. Напротив, авторитарный режим, как правило, относительно уверенно функционирует при торжестве коллективного начала над индивидуальным. Связанными и обезличенными массами управлять проще. Вот почему по насыщенности бюрократического аппарата самодержавная Россия в несколько раз уступала либеральным странам Запада. Для содержания разветвленной бюрократии требовалась развитая экономическая жизнь и полнокровный бюджет. Таким образом, община, с ее обычным правом, была для государства в то время жизненной необходимостью. До определенной поры такой строй народной жизни оправдывал расчеты властей.

Ситуация стала быстро ухудшаться к концу XIX в., когда возросли и мобильность и денежные доходы крестьянства. В новых условиях стала увеличиваться потребность в правовом регулировании крестьянской жизни. Между тем, общинники в абсолютном своем большинстве не обладали элементарными представлениями о гражданских правах. Собственно «законным» крестьяне считали такое решение или поступок, который соответствовал воле ближайшего начальства. Их обезличенная гражданственность, сочетающаяся с общей малограмотностью, порождала суеверный страх перед формальным законом. Писатель-демократ Н.М. Астырёв, проработавший три года (с 1881 по 1885) волостным писарем в Воронежском уезде, отмечал в своих очерках, что действительные законы совершенно неизвестны народу, «он знает только один закон — это то, что говорит или приказывает начальство». Свое фактическое неравноправие крестьянство продолжало воспринимать как само собой разумеющееся, причем даже в тех ситуациях, которые никак формальным законом не предусматривались⁶¹.

Привычное бесправие народа воспринималось как вполне естественное и многими должностными лицами. Один из уездных начальников мог без стеснения вызвать к 9 час. утра сельского старосту и заставить его ожидать до 10 час. вечера. Причем по самому пустяковому вопросу⁶². Отождествляя законность с капризной волей начальства, абсолютное большинство крестьян было твердо уверено в том, что за благорасположение властей можно и нужно платить. Подкуп любого должностного лица стал прочным компонентом обычного права; крестьянство воспринимало взятки как дело совершенно неизбежное и даже необходимое. Тот же Астырёв все три года демонстративно и упорно отказывался принимать подношения за свои писарские функции. Однако это не мешало крестьянам верить, что отдельные его решения непременно проводились за определенную мзду — подчас совершенно ничтожную, вроде 10 фунтов масла, стоимостью 2 руб. 50 копеек. При этом обиды интеллигентного писаря крестьяне абсолютно не понимали⁶³. «Страшно сказать, — заключал писатель, — но мне кажется, что заурядный мужик (по крайней мере, в нашей местности) вполне честного человека, которого нельзя купить за тысячи, представить себе не может»⁶⁴.

Между тем, ужасаться писарю-народнику не стоило. Во-первых, в соответствии с обычным правом народа, взятка никогда не считалась

преступлением; более того, крестьяне рассматривали ее как полезное средство ускорить и упростить разрешение своего дела ⁶⁵. А, во-вторых, возможность поднести «благодарность» расценивалась крестьянами как признак собственной дееспособности. При даче взятки, подмечал Астырёв, мужик начинал чувствовать себя человеком. Крестьянин как бы показывал, что способен заплатить за хлопоты и доказывал (в том числе и самому себе), что он не бесчувственная скотина, а тоже «понимает». Отказы же писаря принять подношение нередко оскорбляли и унижали крестьян ⁶⁶. Конечно, столь своеобразный способ самоутверждения характерен для примитивного и при этом отчасти деформированного правосознания. Но он, несомненно, свидетельствовал о том, что начала гражданственности уже подтачивали устои первобытных обычаев.

Острая потребность в более активной хозяйственной деятельности разрушала патриархальную замкнутость общин. Это вело, в частности, и к тому, что обычное право все сильнее попадало под давление формальной законности. В правоотношениях крестьянства возникало состояние противоречивой двойственности. Более молодые или более предприимчивые слои деревни начинали все сильнее ориентироваться на писанные законы, в то же время значительное большинство общинников по-прежнему предпочитало жить «по обычаю». На драматическую коллизию столкновения обычного права с нормами гражданственности обратил внимание и Астырёв, хорошо постигший особенности функционирования крестьянской юрисдикции. «Волостной суд, — писал он, — представляется мне, выражаясь низким стилем, в образе человека, сидящего на двух стульях, которые постепенно раздвигаются под ним в разные стороны. Стулья эти — закон и обычай» ⁶⁷.

Конечно, крестьяне в массе своей понимали, что официальное законодательство должно иметь приоритет перед обычаями отдельной местности. В то же время общегражданское право продолжало оставаться для них чужим, часто даже враждебным. При всем том сила обычая слабела под натиском новых экономических отношений и новой морали. Все более значительные массы крестьянства к концу XIX в. терпели неудачу в попытках справиться с возникшими проблемами на основе хозяйственных и бытовых традиций. Правительство и общество неожиданно для себя столкнулись с тем, что крестьянская жизнь начала быстро терять обычную стабильность. Помещики Воронежской губернии с тревогой сообщали о том, что крестьяне все чаще грубо нарушают арендные обязательства, отказываются платить за пользование хозяйственными угодьями, растаскивают помещичье имущество, особенно собранный урожай хлеба или сена.

В первые годы XX в. такие правонарушения приняли в губернии массовый характер, что не могло не вызвать тревоги местной администрации. Стремясь разобраться в причинах столь негативных явлений, вице-губернатор А.М. Чернов составил летом 1899 г. обширную аналитическую записку, содержащую весьма любопытную и в целом достоверную информацию о правовом положении деревни. Большую часть ответственности за рост беспорядков вице-губернатор не побоялся возложить на дворянство и на местную администрацию, представители которой беззастенчиво ущемляли интересы крестьян, особенно в вопросах пользования всевозможными угодьями. При этом, замечал Чернов, некоторые помещики, преследуя свои выгоды, настойчиво апел-

лируют к букве закона. Такие хозяева ломают сложившиеся обычаи и, «надев маску юриста, они утверждают, что русские гражданские законы, охраняя собственность землевладельца, дают ему широкое право распоряжения имуществом, и он де может вовсе не сдавать мужикам ни пяди земли, ибо он хозяин и может делать, что вздумает».

Конечно, размышлял вице-губернатор, с точки зрения формальной законности такие помещики правы. Но с точки зрения сложившихся обычаев — нет. Крестьянин не может понять закона, лишаящего его привычных источников существования. Тем более, что в чрезвычайных ситуациях (например, при стихийных бедствиях) помещики как «по обычаю» так и по закону всегда рассчитывают на безвозмездную крестьянскую помощь. Таким образом, полагал воронежский чиновник, в разыгравшихся крестьянских протестах явно виден конфликт между обычным крестьянским правом и формальной законностью господ. Очевидная несправедливость писаного закона, побуждала крестьян к нарушениям порядка. «Ведь и самая верная и преданная собака укусит хозяина, если он станет вырывать кость из зубов тогда, когда она голодна, а потому и протестующий мужик часто бывает невменяем, ибо вынуждается *force majeure*»⁶⁸.

Традиционная стабильность крестьянской жизни разрушалась под воздействием многих факторов. Тем не менее, эрозия обычного права была, несомненно, явлением особенно болезненным для крестьянского сознания. Объективный смысл российской модернизации, начатой реформами 1860-х гг., заключался в создании условий для развития общественной предприимчивости. Между тем, длительный курс на сохранение общины и обычного права явно противоречил общим принципам проведенных преобразований. Разная направленность социальной и экономической политики вела к постепенному, но неуклонному расшатыванию основ крестьянского мировоззрения. Процесс этот, ввиду общей малограмотности и политической неискушенности народа, приобретал болезненные формы и был чреват крупными социальными потрясениями.

Авторитет обычного права падал неизбежно. Но при этом его адекватного и скорого замещения гражданственностью не происходило и при сложившихся условиях происходить не могло. В результате быстро возрастала общая неустойчивость социального поведения крестьянства. Прежние ориентиры начали терять свою ценность, особенно в глазах молодых и более динамичных поколений. В поведении молодежи все чаще стало проявляться своеволие, нередко даже дерзость. Настоящий шок у людей старшего поколения вызывали случаи ложной божбы, которые начали проявляться в практике волостных судов. Бывали даже случаи отказа истца от взыскания через суд неуплаченного долга, когда ответчик уверял, побожившись, что деньги им уже выплачены. Уверенность в успешном и справедливом разрешении дела по обычному праву быстро терялась.

В условиях господства общины и обычного права энергия предприимчивого мужика направлялась не на развитие товарного производства, а, по преимуществу на поиск богатства в сфере обращения, чаще всего путем заключения кабальных сделок. С точки зрения обычного права, кулачество не противоречило общинным принципам, поскольку оно не нарушало уравнительного распределения земельных угодий. Больше того, состоятельные кулаки становились все более

влиятельными регуляторами внутриобщинных отношений, пусть корыстолюбивыми, но все же необходимыми хранителями материальных ресурсов, на которые мог рассчитывать любой односельчанин в стесненных обстоятельствах.

Конечно, кулаки грели руки на крестьянской нужде. Но они и выручали в самый трудный момент. Поэтому общинники снисходительно смотрели на стяжательство кулаков. «Но меня всегда удивляло, — вспоминал Астырёв, — это крайне добродушное отношение мира к своим паразитам. Явной злобы или вражды к Парфенам (такое собирательное имя писатель дал кулакам своей местности. — М.К.) мне никогда не приходилось подмечать; бывали случаи, когда Парфены принуждены были уступать перед дружным натиском мира, но лишь только спорный вопрос сходит со сцены, как Парфены опять вступают в свою роль диктаторов, ничуть не смущаясь временным поражением, а стригомые овцы, частью одобрительно, частью с завистью смотрят на парфеновы эксперименты с мирским имуществом». В крестьянских сожалениях «большой частью слышалось лишь сожаление, что “очистил” Парфен, а не он; злобы же на Парфена за “очистку” не чувствовалось...»⁶⁹

За сентенциями Астырёва стояло косвенное признание того непреложного обстоятельства, что вторжение коммерческого расчета в жизнь деревни быстро ускорило после отмены крепостного права. Но в условиях господства общины торжество этого расчета вело к развитию кулачества, точно так же, как при частной подворной собственности на землю оно вело к развитию мелкого товарного производства фермерского типа. В этом быстро убеждались воронежские крестьяне, принимавшие в начале XX в. участие в организованных земством поездках по местностям с преобладанием хуторских хозяйств⁷⁰.

Возвращаясь к отмеченному в начале статьи спору об уровне материального благосостояния населения России, можно констатировать: в Центральном Черноземье накануне революции сложилась крайне противоречивая ситуация. При общем в целом росте доходов крестьянства, прогрессивных сдвигах в его культурном и правовом облике социальные конфликты в деревне только усилились. Мобильность и связанный с ней быстрый рост потребностей резко повысили уровень запросов крестьянской массы. По мере повышения материального благосостояния шансы на революционный подъем не уменьшались, а только возрастали. В динамично менявшейся обстановке и при неравномерном росте доходов обострялись чувства социальной несправедливости. Неизбежная при распаде общины маргинализация больших масс крестьянства обостряла давние и порождала новые социальные противоречия.

Социальный облик и правосознание воронежского крестьянства начала XX в. можно назвать переходными. Отступая под натиском рыночных капиталистических отношений, традиционные устои жизни общинников подверглись сильной деформации и начали разрушаться. Для перехода же к гражданским правоотношениям и полноценной рыночной экономике требовался целый комплекс политических, социальных и культурных условий. Нигде и никогда такие условия быстро или легко не возникали. Поэтому социальное поведение крестьянства характеризовалось нарастающей нестабильностью. В его очертаниях угадывались грозные масштабы надвигавшейся революции.

Примечания

1. МИРОНОВ Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М. 2010, с. 621—628; ДАВЫДОВ М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. М. 2003, с. 197—209.
2. ГРЕГОРИ П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М. 2003, с. 85.
3. НЕФЁДОВ С.А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России. — Российская история. 2011, № 1, с. 73—86; ОСТРОВСКИЙ А.В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. — Вопросы истории. 2011, № 6, с. 129.
4. Государственный архив Воронежской области (ГА ВО), ф. 20, оп. 1, д. 2672, л. 12.
5. ШИНГАРЁВ А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Саратов. 1901, с. 30—31.
6. РЫНДИН Ф.К. Наш край. Опыт характеристики Воронежской губернии в историческом, естественно-историческом и экономическом отношениях. Воронеж. 1921, с. 31.
7. МЕНЖУЛИН В.П. Географическое положение Бирюченского уезда, его топография и историческое развитие. — Памятная книжка Воронежской губернии. 1893. Воронеж. 1893, отд. 3, с. 42.
8. ПЕРЕПЕЛИЦЫН А.В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж. 2005, с. 24.
9. ИВАНОВ А.А. Аграрное перенаселение в Центрально-Черноземном регионе России начала XX в. и его последствия. — Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Материалы научной конференции. Липецк, 1998, с. 115.
10. ЩЕРБИНА Ф.А. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж. 1887, с. 244.
11. НЕБОЛЬСИН А.Н. Переселенческое движение крестьян из Воронежской губернии. Воронеж. 1928, с. 9—10.
12. Журналы Воронежского губернского собрания очередной сессии 1913 г. Воронеж. 1914, л. 238.
13. Там же, с. 238—239.
14. СКИАДА М.М. Производство крестьянских сапогов в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии. В кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—79 гг. Воронеж. 1879, с. 75.
15. ВОСКРЕСЕНСКИЙ П.В. Кустарные промыслы в Нижнедевицком уезде, имеющие характер отхожих промыслов. Там же, с. 100.
16. ТЕЗЯКОВ Н.И. Отхожие промыслы в Воронежской губернии. В кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 г. Воронеж. 1904, с. 73.
17. Там же, с. 75.
18. ПЕРЕЛЕШИН В.А. Кустарные промыслы в Воронежской губернии. Воронеж. 1902, с. 17.
19. Там же, с. 16.
20. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благополучия сельского населения среднестроительских губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб. 1903, ч. 1, с. 222—223.
21. Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915, № 1, с. 8.
22. КОФОД А.А. Крестьянские хутора на надельной земле. Т. 1. СПб. 1905, с. 3.
23. ПЕРЕПЕЛИЦЫН В.А. Ук. соч., с. 51.
24. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб. 1999, с. 466—467.
25. ЩЕРБИНА Ф.А. Ук. соч., с. 414—415.
26. ЯНСОН Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб. 1881.
27. ХРИСТОФОРОВ И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830—1890-е гг.). М. 2011, с. 301.
28. ДАВЫДОВ М.А. Проблема крестьянских недоимок. — Родина. 2014, № 4, с. 34—35.
29. Памятная книжка Воронежской губернии на 1898 год. Воронеж. 1898, отд. 2, с. 41—45.
30. АНФИМОВ А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904. М. 1984, с. 64.

31. Памятная книжка Воронежской губернии на 1898 год, с. 45.
32. ГА ВО, ф. 20, оп. 1, д. 2232. л. 146.
33. Там же, л. 148.
34. Там же, ф. 6, оп. 1, д. 7, л. 36—38.
35. Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж. 1916, отд. 2, с. 39—44.
36. ЩЕРБИНА Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж. 1900, с. 101.
37. Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915, № 1, с. 8.
38. РЫНДИН Ф.К. Ук. соч., с. 66.
40. ЩЕРБИНА Ф.А. Крестьянские бюджеты, с. 99.
41. Там же, с. 126—128.
42. Там же, с. 127.
43. Там же, с. 183—185.
44. ГУРКО В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. 2000, с. 160.
45. ШИДЛОВСКИЙ С.И. Воспоминания (1861—1922). Берлин. 1923, ч. 1, с. 36—37.
46. ЩЕРБИНА Ф.А. Крестьянские бюджеты, с. 147.
47. ГУЛЬЦЕВ Н.Н. Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах: Дис. канд. ист. наук. 1952, с. 113—114.
48. От кого зависит полезность агронома. — Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915, № 5, с. 2—3.
49. Письмо крестьянина-отрубщика. — Там же. 1915, № 12—13, с. 23—24.
50. Обзор Воронежской губернии за 1907 г. Воронеж. 1908, с. 11.
51. Обзор Воронежской губернии за 1915 г. Воронеж. 1916. с. 3.
52. Там же, с. 6.
53. Там же, с. 13.
54. Обзор Воронежской губернии за 1914 год. Воронеж. 1915, с. 3.
55. Постановления Воронежского губернского земского собрания по экономическим вопросам. Воронеж. 1916.
56. ГА ВО, ф. 6, оп. 2, д. 405, л. 33.
57. АСТЫРЁВ Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М. 1886, с. 245.
58. Истоки аграрного кризиса Н.Л. Рогалина справедливо объясняет не многоземельем помещиков, а слабым разделением труда и недоразвитой профессиональной дифференциацией. См.: РОГАЛИНА Н.Л.. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века. — Вопросы истории. 2004, № 7, с. 19.
59. Российское законодательство X—XX веков. Т. 7. М. 1989, с. 57.
60. ТРУБЕЦКАЯ О. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. Т. 1. М. 1901, кн. 1, Приложения, с. 27.
60. ХРИСТОФОРОВ И.А. Ук. соч., с. 238.
61. АСТЫРЁВ Н.М. Ук. соч., с. 192, 194.
62. Там же, с. 150.
63. Там же, с. 294.
64. Там же, с. 295.
65. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России Т. 2. СПб. 1999, с. 166.
66. АСТЫРЁВ Н.М. Ук. соч., с. 151.
67. Там же, с. 191.
68. Конфиденциальная записка А.М. Чернова хранится в фонде канцелярии воронежского губернатора Государственного архива Воронежской области. См.: ГА ВО, ф. 6, оп. 2, д. 39. Как документ, содержащий ценную информацию о положении крестьянства на рубеже веков, она полностью опубликована. Приведенные выше выдержки даны по изданию: Вице-губернатор А.М. Чернов о положении деревни на исходе XIX века. В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж. 1998, с. 203—206.
69. АСТЫРЁВ Н.М. Ук. соч., с. 135—136.
70. Отклики воронежских крестьян об экскурсиях на хутора и отруба (1909—1914 годы). В кн.: Источниковедение: поиски и находки. Воронеж. 2000, с. 214—229.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 94(7)(73)/ББК 63.3(7Сое)

Джон Джей

М.А. ФИЛИМОНОВА

Аннотация. Статья представляет собой биографический очерк об одном из «отцов-основателей» США Джоне ДЖее – политике, дипломате, одном из авторов знаменитой памфлетной серии «Федералист» и первом Верховном судье США.

Ключевые слова: история США, англо-американские отношения, XVIII век, Джон Джей.

Abstract. The article is a biographical sketch of John Jay, a «founding father» of the USA, a politician, a diplomat, one of the authors of the famous pamphlet series «The Federalist,» and the first chief justice of the United States.

Key words: USA history, Anglo-American relations, XVIII century, John Jay.

Нью-Йорк как колония с самого начала отличался мультикультурализмом. Так, после отмены Нантского эдикта во Франции (1685) около 200 тыс. гугенотов покинуло Францию, многие из которых осели в Нью-Йорке. Потомком такой семьи и был Джон Джей. Несмотря на то, что его фамилия была англоязычна, сам он гордился тем, что в его жилах нет ни капли английской крови. В числе беглецов из Франции оказался его прадед Огюст Жэ, уроженец Ла-Рошели. Он сменил в Америке несколько мест, пожил и в Южной Каролине, и в Пенсильвании, но в конечном итоге осел в Нью-Йорке. Здесь он женился на местной девушке и занялся торговыми операциями. Невесту подбирал вдумчиво. Благодаря браку француз оказался в родстве с влиятельными голландскими фамилиями Нью-Йорка — Стёйвесантами и Ван Кортландами — и мог рассчитывать на то, что его будущее потомство пустит прочные корни в Новом свете. Огюст — отныне Огастес Джей — не слишком держался за гугенотскую веру

Филимонова Мария Александровна — доктор исторических наук, профессор Курской академии государственной и муниципальной службы, ведущий научный сотрудник Центра изучения США Курского государственного университета. E-mail: mar-filimonova@yandex.ru.

Filimonova Mariya A. — doctor of historical sciences, professor of Kursk Academy of State and Municipal Service, leading researcher of the Center for the Study of the United States, Kursk State University. E-mail: mar-filimonova@yandex.ru.

и национальные традиции. Из его пятерых детей двое были крещены во французской (гугенотской) церкви, двое — в голландской. Сам Огастес Джей был прихожанином англиканской Тринити-Чёрч ¹. Словом, он выбрал для себя и своих потомков путь ассимиляции в новом мире.

Торговые дела Джеев процветали, а сами они вполне вписались в американскую жизнь, более того — стали частью колониальной элиты. Питер (отец Джона) успешно торговал мехами, пшеницей, лесом. Он был заботливым отцом многодетной, по тогдашнему американскому обычаю, семьи. К тому времени, когда в 1745 г. родился Джон, в семье было уже шестеро детей. Насколько можно судить, Питер придерживался тех же установок, что и Огастес Джей. Говорили в семье уже только по-английски.

Школа, куда мальчик отправился в 1753 г., соответствовала все той же мультикультурной среде, которая царила в семье Джеев. Располагалось это учебное заведение в сердце гугенотской диаспоры Нью-Йорка — в городке Нью-Рошель. Часть жителей Нью-Рошели все еще сохраняла в быту французскую речь своих предков, хотя уже понимала английский «довольно хорошо», по мнению англиканского священника Сэмюэля Сибири ². Учителем Джея стал также англиканский священник, Пьер Ступпе. Воспоминания Джона об этом человеке трудно назвать теплыми. Как учитель, Ступпе был некомпетентен. Впрочем, в колониальной Америке это явление было скорее нормой, чем исключением.

Школа Ступпе в Нью-Рошели, по воспоминаниям Джона, выглядела так: «Ступпе был уроженцем Швейцарии и был известен странными привычками. Не зная света, не интересуясь деньгами, отличаясь рассеянностью, он посвящал каждую минуту досуга научным занятиям, особенно математике. Абсолютную власть над своей персоной и своим хозяйством он доверил жене, столь же скупой, сколь и неаккуратной. Дом священника и все вокруг него приходили в упадок. Мальчиков ждала скудная еда и обильные нотации» ³. В окно комнаты, где спали ученики, зимой залетал снег. Преемник Ступпе, прибывший в приход в 1760 г., уверял, что жить в доме священника невозможно, и просил разрешения выстроить новый ⁴. В школе Джон провел три года, а затем учился под руководством частного наставника. Самым ценным, что он вынес из школы Ступпе, был французский язык, который потомок гугенотов Ла-Рошели не мог выучить в семье. Швейцарец Ступпе, со своей стороны, предпочитал общаться именно по-французски. Впоследствии знание французского сослужило хорошую службу в дипломатической деятельности Джея. Вероятно также, что в школьной программе присутствовали любимая Ступпе математика, а также протестантское вероучение (сам Ступпе, хоть и англиканский священник, склонялся к кальвинистской доктрине). Видимо, мальчиков знакомили также с английским правописанием, латынью и греческим.

Высшее образование Джей, как и большинство представителей нью-йоркской элиты, получил в Королевском колледже (ныне Колумбийский университет). На момент поступления ему исполнилось пятнадцать, что считалось нормальным. Будущий соратник и друг

Джея Г. Моррис стал студентом того же колледжа в тринадцать лет, а были студенты и помоложе.

Условия здесь были лучше, чем в школе Ступпе, но все равно не роскошные. Еда была скудной и однообразной; на питание студента отпускалось 13 шиллингов в неделю ⁵. Программа обучения в то время не была профессионально-ориентированной. А. Гамильтон, еще один будущий «отец-основатель» США, смог получить в Королевском колледже неплохие знания в области юриспруденции, но это было уже в 1770-х годах. Во времена Джея (а он поступил в колледж в 1760 г.) основное внимание уделялось классическим языкам, беллетристике, моральной философии ⁶. Словом, это было скорее образование джентльменов, чем подготовка специалистов. Лишь в 1767 г. в колледже появилась медицинская школа.

Джей не вынес из колледжа глубоких знаний, зато завел целый ряд влиятельных друзей, самым близким из которых стал Роберт Р. Ливингстон, происходивший из одной из самых влиятельных нью-йоркских семей. Особенно успешным студентом Джон не был, но курс все же закончил, что удавалось не всем. Из немногочисленных студентов колониального Королевского колледжа до выпуска доходила лишь половина ⁷.

В качестве темы выпускной диссертации Джон выбрал «Счастье и выгоды, происходящие от состояния мира». Это было не случайно: только что закончилась Семилетняя война, затронувшая и колонии, так что колонисты переживали эйфорию победы. Восторженное преклонение перед Англией в высшей степени характерно для ранней стадии англо-американского конфликта. Для лоялиста Говарда англичане — это народ, «достигший вершины славы и могущества, предмет зависти и восхищения для окружающих его рабов, народ, который держит в руках равновесие Европы и затмевает искусствами и военной силой любой период древней или новой истории» ⁸. Для патриота О. Тэчера Англия — «страна свободы, гроза тиранов всего мира», которая «достигла таких высот славы и богатства, каких не знала ни одна европейская нация с тех пор, как пала Римская империя» ⁹. Его единомышленник Дж. Отис даже высказывал мечту о всемирной империи под владычеством короля Великобритании ¹⁰.

Джею, впрочем, было не до политики. Он должен был выбрать профессию. Отец хотел видеть Джона священником, но тот предпочел юриспруденцию. Выбор сына заставил отца призадуматься. В то время в колониях высоко ценилось юридическое образование, полученное в лондонских Иннах. Питер Джей списался со своими английскими корреспондентами и пришел к выводу, что такое предприятие потребует слишком больших расходов, да и страшновато было отпускать сына за океан. В одном из писем Питер Джей выражал надежду, что трудности избранного поприща не отвратят Джона от юриспруденции ¹¹. В итоге, Джон остался в Америке. В 1764 г., закончив колледж, он занялся юридической практикой под руководством Б. Киссэма, а через четыре года стал полноправным юристом. В качестве клерка Джон должен был изучить юридическую технику, делопроизводство, писать письма, завещания, контракты, юридические советы, которые диктовал его патрон. Таким образом юноша уз-

нал немало. Впоследствии он вспоминал Киссэма как «добродетельного и приятного человека, которому многим обязан»¹².

Не будучи столицей империи, Нью-Йорк тем не менее мог представлять немалый соблазн для молодого человека. Географ Дж. Морзе писал, что это «самый веселый» город в Америке, здесь самые элегантные и образованные женщины, здесь непревзойденное гостеприимство¹³. К чести Джона Джея, он оставался серьезным и вдумчивым юношей и выговаривал за легкомыслие своему другу Роберту Ливингстону¹⁴.

Между тем в Нью-Йорке, как и в других колониях, начиналось бурное противостояние метрополии.

Первым его проявлением, непосредственно затронувшим Джея, стал Гербовый сбор, вступивший в силу 1 ноября 1765 года. Ни один юридический документ в Америке отныне не имел законной силы без гербовой печати. Но американцы не признали законность Гербового сбора. Нью-йоркские юристы прибегли к «забастовке»: они приняли решение прекратить все тяжбы до тех пор, пока ненавистный закон не будет отменен. В колонии велись только уголовные процессы, в которых гербовая печать не требовалась¹⁵. В городе начались волнения. 31 октября взбудораженная Гербовым сбором толпа била окна и валила фонарные столбы с возгласами «Свобода!». По всему городу звонили колокола. Из каретного сарая лейтенант-губернатора Колдена выволокли экипажи и сожгли их вместе с изображениями самого лейтенант-губернатора.

Трудно сказать, как реагировал на происходящее Джон. Похоже, для него это оказалось неожиданными каникулами. Вместе со своим другом Робертом Ливингстоном он предпочел совершить вояж в Новую Англию.

Похоже, что и последующее беспокойное десятилетие прошло мимо Джея. Гербовый сбор был отменен. Ввелись и вновь аннулировались Акты Тауншенда. Стараниями патриотов Нью-Йорк украсился «Столпом Свободы», и местные «Сыны Свободы» во главе с Александром Макдугаллом призывали американцев не сдавать позиции. Джей в это время был погружен в сугубо мирные занятия. В 1768 г. он был допущен к юридической практике, а тремя годами позже обзавелся собственной конторой на паях с Робертом Ливингстоном. Друзья отмечали фанатичное увлечение Джея работой. Перегруженность делами даже стала сказываться на здоровье молодого адвоката, и немудрено: в ноябре 1771 г. у Джея было на руках 43 дела одновременно¹⁶.

Все изменилось в 1774 г.: Джею было под тридцать, и он начал подыскивать супругу. Никаких романтических порывов — молодым человеком руководил исключительно трезвый расчет. Как и его прадед, дед и отец, Джей рассчитывал на брак с представительницей нью-йоркской элиты. Поначалу он выбрал клан Де Ланси, сделал предложение вначале одной, а затем и второй девушке из этого клана, но получил подряд два отказа. В итоге его невестой стала очаровательная Сара Ливингстон, из многочисленной и честолюбивой семьи Ливингстонов. Де Ланси были лоялистами, Ливингстоны — патриотами, и семейные связи не могли не повлиять на Джея. Имело значение и то, что патриотом был его собственный отец.

В том же знаменательном году Джей впервые в жизни заинтересовался политикой. В то время Англия пыталась усмирить непокорный Бостон блокадой его порта. Во всех колониях, в том числе и в Нью-Йорке, шел сбор помощи голодающему городу. Джей вошел в состав комитета, занимавшегося этим вопросом. Тогда же он был избран в состав Первого континентального конгресса, на котором был провозглашен экономический бойкот Великобритании и составлена петиция к королю Георгу III об удовлетворении жалоб колонистов. Участие Джей во всем этом было номинальным: его затмили такие яркие личности, как Дж. Вашингтон, П. Генри, Джон и Сэмюэль Адамсы. Зато он обеспечивал соблюдение бойкота британских товаров в своей родной колонии.

В мае 1775 г. в Филадельфии собрался Второй континентальный конгресс, который 2 июля 1776 г. принял знаменитую Декларацию независимости. Увы, Джей вновь упустил свой шанс прославиться. При исторических событиях июля 1776 г. он не присутствовал, хотя саму идею независимости поддерживал. Он был занят делами собственной колонии и в 1777 г. стал одним из авторов конституции Нью-Йорка.

Настоящие его таланты начали раскрываться позже и вдали от родных берегов. В 1779 г. он был назначен послом в Испанию. Связанная «фамильным пактом» с союзницей США Францией Испания казалась перспективным партнером в международных отношениях.

Итак, Джон и Сара Джей отправились в незнакомую им Европу. Джей описывал свое путешествие по Испании довольно желчно: «В Кадисе нам сказали, что с собой нужно взять кровати, ветчину, чай, сахар, шоколад и другую провизию, а заодно и кухонные принадлежности, чтобы все это готовить, потому что по дороге мы редко найдем что-либо из перечисленного. Заодно нам сообщили, что путешествуют здесь в экипажах вроде колясок, запряженных шестеркой мулов». В итоге, впрочем, он нашел испанские гостиницы сносными, хотя комнаты кишели блохами и клопами, а мулов обычно размещали под одной крышей с людьми¹⁷. В другом письме американский посол жаловался на непомерные расходы. Испанский двор в течение года переезжал то в Мадрид, то в Аранхуэс, то в Эскуриал, то в Сан-Ильдефонсо и Джей вынужден был совершать постоянные дорогостоящие перемещения¹⁸.

Положение посла США невозможно было назвать легким. Джей отмечал, что испанцы почти ничего не знают о США, не осведомлены о последних событиях в этой стране и вообще считают американцев дикарями¹⁹. Имели значение и сложившиеся дипломатические традиции. В рамках вестфальской системы международных отношений республики вообще обладали более низким престижем, нежели монархии. Соединенные Штаты к тому же образовались в результате бунта против законного повелителя. В глазах европейских государей новая республика обладала весьма сомнительной легитимностью, даже если их геополитические интересы требовали поддержать «мятежников». При этом Джей не обладал ни европейской славой Франклина, ни его обаянием. Задача его была двойной: добиться признания Соединенных Штатов Испанией и помощи (финансовой и военной) в

Войне за независимость. Выполнить свои задачи Джею не удалось. Он сетовал: «Этот (испанский. — *М.Ф.*) двор, кажется, очень уважает старый мотив «*festina lente*», по крайней мере, в отношении нашей независимости»²⁰.

Конгресс в своих инструкциях к послу в Испании требовал добиться свободной навигации по Миссисипи²¹. Но Джей с самого начала был убежден: «Если только мы сможем добиться независимости и скорого мира, мы не сможем оправдать продолжение войны и рисковать ее исходом ради завоевания Флориды, на которую мы не имеем прав, или настаивая на навигации по Миссисипи, которая в нынешнем столетии нам не нужна»²². Поэтому он предпочитал вовсе не претендовать на Флориду и уступить Испании навигацию по Миссисипи, при условии, что Испания предоставит США свободный порт на реке.

В 1785 г. Джею было поручено провести переговоры с испанским представителем Диего де Гардоки по вопросу о Миссисипи. Испания объявила о своем исключительном праве на судоходство по этой реке. Важнейшая (да, фактически, и единственная) транспортная артерия на Западе США оказалась для американцев закрытой. Лишь в декабре 1788 г. им вновь было позволено плавать по Миссисипи до Нового Орлеана и вести там торговлю, а полной свободы судоходства по «отцу вод» они добились лишь в 1795 году. При этом северные штаты были, в общем, готовы отказаться на 25 лет от права навигации, надеясь за счет этого достичь заключения договора с Испанией, а южане, более заинтересованные в освоении Запада, были категорически против компромисса такой ценой²³.

Если переговоры с Испанией все время заходили в тупик, то дипломатическая миссия Джея в Париже обернулась подлинным триумфом. Здесь он должен был вести переговоры с бывшей метрополией о заключении мира. Всего было избрано пять уполномоченных²⁴. Первым был Томас Джефферсон, но он предпочел остаться в родной Виргинии. Вторым — Генри Лоуренс из Южной Каролины, но он был захвачен в плен англичанами и коротал дни в Тауэре. Третий — Джон Адамс — был занят сложными переговорами в Нидерландах. Джей находился в Испании. Начинать переговоры, следовательно, должен был Франклин.

С английской стороны на переговоры были направлены Р. Освальд и Т. Гренвилл. Поначалу их контакты с Франклином были неофициальными: США все еще считались восставшими колониями, а не независимым государством. Наконец в июне 1782 г. парламент разрешил добиваться мира с Америкой. Переговоры могли начаться. В конце июня в Париж приехал Джей и сразу включился в переговорный процесс. Одновременно он продолжал переговоры с Испанией в лице испанского посла в Париже графа Аранды. Эти переговоры не были успешными: Аранда пытался добиться максимальных уступок для своей собственной страны, в частности, он предлагал зафиксировать западную границу США примерно в 500 милях восточнее Миссисипи.

США желали добиться не только признания своей независимости, но и компенсации за уничтоженное и разграбленное английскими солдатами имущество (а также освобожденных англичанами ра-

бов), свободы торговли с Великобританией и даже отказа Великобритании от Канады. Английские власти, со своей стороны, не собирались заходить так далеко. Как отмечает В.Н. Плешков, ни Георг III, ни его министры, ни парламент просто не приняли бы подобные предложения всерьез²⁵. Да и французские дипломаты, в частности, Верженн, полагали, что американцы требуют слишком многого²⁶. Имели место также региональные интересы. Штаты Новой Англии были крайне заинтересованы в рыбной ловле у берегов Ньюфаундленда. Ловля трески составляла настолько доходную статью бюджета Массачусетса, что даже зал заседаний легислатуры штата был украшен изображением этой рыбы. Южане, со своей стороны, мечтали о свободной навигации по Миссисипи. Огромная река была идеальной транспортной артерией для поселенцев Запада — а южане вели активную экспансию в западном направлении.

Конгресс, составляя инструкции для своих уполномоченных, находился под влиянием французского посланника Ла Люзерна и профранцузской фракции в своих собственных рядах. Американским представителям на переговорах предлагалось по всем вопросам установить «самые искренние и доверительные» отношения с французской стороной, не заключать никаких договоров без ведома Франции и во всем руководствоваться советом и мнением союзников²⁷. Более полного контроля над американской внешней политикой Франция не могла бы и желать.

Государственный секретарь Франции по иностранным делам граф де Верженн, прочитав инструкции, выразил свое полное удовлетворение и рассыпался перед Франклином в вежливых заверениях, что у Конгресса «никогда не будет оснований пожалеть, поскольку король принимает близко к сердцу честь Соединенных Штатов, равно как их процветание и независимость»²⁸. Джей и Адамс (последний приехал в Париж в конце октября) этому не верили.

На переговорах Джей предпочел игнорировать инструкции Конгресса и не консультировался с Верженном. Более того, он сознательно вводил французских союзников в заблуждение. Здесь он не встретил понимания даже у своего лучшего друга Ливингстона, в то время секретаря иностранных дел.

Исследователи, как правило, объясняют враждебность Джея к Франции его гугенотским происхождением, а также неудачным опытом переговоров в Испании²⁹ (как уже отмечалось, испанские Бурбоны были связаны с французскими так называемым «фамильным пактом»). К тому же, как отмечает российский исследователь Н.А. Краснов, Джей опасался затягивания переговоров французской стороной: Франция рассчитывала этим добиться более благоприятных условий для Испании³⁰.

10 августа 1782 г. Франклин заболел, и Джею досталась ключевая роль в переговорах. Во время встреч с Освальдом он добивался предварительного признания независимости США, полагая, что переговоры между США и Великобританией должны вестись с позиции равенства двух суверенных государств и никак иначе³¹. Той же позиции придерживался Адамс³².

Джей писал Адамсу о взглядах английского премьер-министра лорда Шелберна: «Лорд Шелберн по-прежнему выражает желание достичь мира,

но его уверения, не подкрепленные действиями, не могут внушить нам доверие. Он говорит, что наша независимость должна быть признана, но это не сделано, так что его искренность остается сомнительной»³³.

И все же бывшей метрополии Джей доверял больше, чем союзникам США. Позиция Франции и Испании на переговорах казалась ему все более подозрительной. Он откровенно признавался: «Если бы я не нарушил инструкции Конгресса, его достоинство было бы втоптанно в прах»³⁴.

Джей втайне даже от Франклина дал знать в Лондон, что английскому правительству невыгодно затягивать подписание договора с США; что все преимущества в случае промедления будут на стороне Франции; более того, Британии выгоднее не препятствовать США в вопросе о западных землях и Миссисипи. Видимо, этот демарш произвел нужное впечатление.

5 октября предварительный проект англо-американского договора был составлен. Условия его были выгодны для США, но английское министерство их не одобрило. Освальд получил инструкции настаивать на возвращении довоенных долгов американцев английским кредиторам и на компенсации лоялистам, пострадавшим в ходе Войны за независимость. Беспощадная торговля и право сушки рыбы на Ньюфаундленде американцам также не предоставлялись.

Разногласия вызвал и вопрос о границах. Британцы пытались добиться уступки части Старого Северо-Запада, чтобы расселить там лоялистов. Американцы не соглашались. По выражению Франклина, «они хотели сдвинуть свою границу на юг до Огайо и поселить своих лоялистов в Иллинойсе. Мы отказались от таких соседей»³⁵.

Тот же Франклин сообщал: «Британский посланник отчаянно боролся за два пункта: чтобы были расширены преимущества, предоставленные лоялистам, и чтобы было полностью прекращено наше рыболовство. Мы заставили его замолчать по первому вопросу, пригрозив, что обнародуем отчет о степени вреда, причиненного этими людьми»³⁶. Именно это Франклин в итоге и сделал, пообещав от имени своего правительства выплатить разницу, если окажется, что причиненный лоялистами урон превосходит сумму конфискаций имущества самих лоялистов³⁷. Переговоры по этим вопросам шли тяжело. В конечном счете обе стороны пошли на компромисс. Американцы получали право рыболовства на отмелях Ньюфаундленда и в заливе св. Лаврентия. Что касается лоялистов, то они могли попытаться получить компенсацию за утраченное имущество от правительств штатов.

30 ноября договор был наконец подписан. Франклин оценивал результат следующим образом: «Мы надеемся, что добились удовлетворительных условий, хотя, отстаивая свои главные требования, мы, возможно, уступили слишком много в пользу лоялистов»³⁸. Примерно такой была и реакция американской общественности. Признание независимости США было, разумеется, встречено ликованием. Зато условия, касающиеся лоялистов, никто и не думал выполнять. В частности, одна из статей мирного договора требовала прекратить конфискации собственности лоялистов, чему штаты и не подумали подчиниться. 12 мая 1784 г. Нью-Йорк принял поправку к акту о кон-

фискации собственности лоялистов. По штату прошла новая волна конфискаций и спекуляции землями тори ³⁹.

Пресса США на редкость единодушно призывала к изгнанию тори из страны. С точки зрения журналистов, гражданский мир с бывшими врагами был невозможен. Автор из Филадельфии, подписавшийся «Брут», резко заявлял: «Альтернативы нет: либо виги, либо тори должны быть изгнаны» ⁴⁰.

В Нью-Йорке Гамильтон, скрывшись под псевдонимом «Фокион», пытался убедить сограждан считаться с международными договоренностями, но успеха не имел. Джей также убеждал: «За победой и миром, по моему мнению, должны следовать милосердие, умеренность и благожелательность, и мы должны остерегаться запятнать славу революции распущенностью и жестокостью» ⁴¹. Аргументы, сходные с теми, что приводил «Фокион», Джей излагал Конгрессу. В марте 1787 г. Конгресс постановил, что штаты не имеют права принимать законы, противоречащие Парижскому миру. Все акты, нарушающие данное постановление, должны были быть отменены ⁴².

Между тем перед США вставали новые проблемы. После войны Конфедерация, состоявшая из тринадцати первоначальных штатов, обнаружила свою непрочность. Штаты мало считались со слабой центральной властью. Еще во время войны Джей предсказывал: «В настоящее время ощущение общей опасности гарантирует наш Союз. У нас нет ни времени, ни склонности спорить друг с другом. Мир даст нам досуг, а праздность часто находит недостойные занятия» ⁴³. Так оно и происходило. В 1785 г. американское общество оказалось в состоянии кризиса, отразившегося и на экономике, и на политике США. Основой кризиса была проблема фермерской задолженности. Неблагоприятная конъюнктура тяжело сказывалась на фермерском хозяйстве. В 1785 г. в тюрьмах Филадельфии половину заключенных составляли несостоятельные должники. В Нью-Йорке в 1787—1788 гг. число арестованных за долги достигало 1200 человек ⁴⁴. 29 августа 1786 г. в графстве Гэмпшир (Массачусетс) вспыхнуло восстание. В сентябре были сорваны все судебные заседания в западных и центральных графствах штата, где должны были рассматриваться дела о нарушении долговых обязательств. Повстанцы требовали облегчения положения должников, выпуска бумажных денег, перевода массачусетской легислатуры из Бостона вглубь штата, ликвидации сената ⁴⁵. Во главе повстанцев встал фермер Дэниэль Шейс. Подавить восстание в Массачусетсе удалось лишь весной 1787 года.

Помимо социальной нестабильности политиков США в 1785—1786 гг. тревожила перспектива распада Союза. Историк Дж.Т. Мейн не считает эту угрозу серьезной ⁴⁶. Но современники считали такой сценарий развития событий вполне возможным. Между штатами возникали конфликты. Джорджия и Южная Каролина не могли договориться относительно навигации по р. Саванна; Виргиния и Мэриленд вели сходный спор по поводу Потомака. Джорджия и Северная Каролина жаловались на южнокаролинские ввозные пошлины, тяжким бременем ложившиеся на их экономику ⁴⁷. Важное значение имели трения Севера и Юга по вопросам навигации по Миссисипи, освоения Запада, регулирования торговли и т.д. В 1787 г. Мэдисон пророчествовал: «Многие уже видят, а постепенно увидят все, что,

если Союз не будет эффективно реорганизован на основе республиканских принципов, то нам могут быть навязаны новшества куда менее приемлемые, или, в лучшем случае, произойдет расчленение империи (sic!) на соперничающие и враждебные конфедерации»⁴⁸.

В вопросах внутренней политики Джей солидаризировался со сторонниками укрепления центральной власти — националистами (позже федералистами). Он полагал: «Наша сила, респектабельность и счастье вечно будут зависеть от нашего единства. Многие иностранные державы желали бы видеть нашу страну разорванной на части, ведь тогда мы перестанем быть грозными, и подобное событие предоставит им обширное поле для интриг»⁴⁹.

В январе 1787 г. Джей послал Вашингтону свой проект конституции. К этому времени он пришел к окончательному убеждению, что расширение полномочий Конгресса не спасет положения. Он перечислял неисправимые, по его мнению, недостатки больших собраний: медлительность, утечка информации, восприимчивость к иностранному влиянию и местническим предрассудкам. Словом, Конгресс должен был составить лишь нижнюю палату законодательной власти, переизбираемую ежегодно. Верхняя палата, по мнению Джея, должна быть пожизненной. Что касается исполнительной власти, то националистский лидер задавался сакраментальным вопросом: «Будет ли у нас король?» И тут же отвечал: «По моему мнению — нет, пока мы не испытали другие возможности». Вместо короля он предлагал создать пост генерал-губернатора, «ограниченного в своих прерогативах и длительности [полномочий]». Главе исполнительной власти совместно с созданным для этой цели советом Джей предлагал дать право вето. Вопрос о распределении полномочий в Конфедерации Джей решал однозначно в пользу центральной власти. Штаты обязаны сохранить за собой лишь сугубо внутренние вопросы; все их гражданские и военные чиновники должны назначаться и смещаться национальным правительством⁵⁰. На Конституционном конвенте в Филадельфии аналогичные предложения вносили Г. Моррис и А. Гамильтон. Оба были тесно связаны с Джейем, и трудно решить, не идет ли речь попросту о заимствовании или, возможно, о коллективном проекте нью-йоркских националистов.

В мае 1787 г. разработка новой конституции началась. В Филадельфии приступил к заседаниям Конституционный конвент. Джей избран не был. Как и вся страна, он с нетерпением ждал результата работы Конвента. Заседания были тайными, и никто не мог сказать заранее, какие же решения будут приняты в филадельфийском Индепенденс-холле. Ходили самые странные слухи, вплоть до того, что Конвент на самом деле подбирает кандидатуру на роль короля Америки. В итоговом документе — федеральной конституции 1787 г. — разумеется, ничего подобного не было. И все же она радикально перераспределяла полномочия между центральной властью и штатами. Конфедерация превращалась в федерацию, совершенно новый тип государственного устройства. Штаты лишались власти, пусть и не в той степени, в какой хотелось бы Джею. Вашингтон подвел итог, с которым, вероятно, согласилось бы большинство националистов. «Некоторые пункты, — писал он Рэндольфу, — никогда... не получают моего одобрения», но «в целом, это лучшая конституция, какую мы

можем получить»⁵¹. Примерно такого же мнения придерживался и Джей⁵².

28 сентября 1787 г. Континентальный конгресс принял решение передать проект новой федеральной конституции на рассмотрение специальным ратификационным конвентам всех тринадцати штатов, составлявших в то время Союз. В эти же дни с текстом ознакомился и Джей. 3 октября он переслал находившемуся в Европе Дж. Адамсу текст новой конституции⁵³.

На протяжении года конституция, ее достоинства и недостатки были самой обсуждаемой темой американской политики. Известия о завершении работы Конвента были приняты с энтузиазмом. В Филадельфии, например, первое публичное чтение конституции было встречено всеобщим ликованием. В городе звонили все колокола; незнакомые люди на улицах поздравляли друг друга⁵⁴. Но единодушие оказалось эфемерным. Вскоре началась ожесточенная полемика между сторонниками конституции (федералистами) и ее противниками (антифедералистами).

Ни один штат не вел таких ожесточенных дебатов по поводу конституции, как Нью-Йорк. В составе Конвента оказалось 46 антифедералистов и лишь 19 федералистов. Лишь в самом городе Нью-Йорк федералисты располагали решающим преимуществом. На выборах в Конвент в городе они получили 2735 голосов, а их противники — лишь 134 голоса⁵⁵. Но Конвент должен был заседать отнюдь не в Нью-Йорке, а в маленьком Покипси. Антифедералист Дж. Клинтон с удовлетворением констатировал: «Друзья прав человечества превосходят числом адвокатов деспотизма почти вдвое»⁵⁶. Настроены противники конституции были весьма решительно. Так, Р. Йейтс заверял виргинского единомышленника: «Вы можете рассчитывать на нашу решимость не принимать нынешнюю конституцию без предварительных поправок»⁵⁷. Правда, на стороне федералистов были такие политики, как Гамильтон, Ливингстон и Джей. Они вели с оппонентами долгие беседы в кулуарах Конвента, стараясь перетянуть их на свою сторону⁵⁸.

Джей представлял в ратификационной кампании элитистское крыло федералистов. Некоторые историки полагают, что именно он являлся автором скандальной серии статей, подписанных «Цезарь» и представлявших крайне элитистскую точку зрения. Но главный его вклад в ратификационную кампанию — это, разумеется, участие в памфлетной серии, подписанной коллективным псевдонимом «Публий» и известной под названием «Федералист».

Среди памфлетной продукции ратификационной кампании упомянутая серия выделилась сразу. Нью-йоркский федералист, писавший под псевдонимом «Курциополис», отмечал, скрывая за иронией восхищение: «Я думаю, что он [Публий] должен быть осужден за государственную измену. Он по-прежнему сеет зло среди читателей. Весь этот город, за исключением сорока или пятидесяти человек, околдован им»⁵⁹.

Вклад Джея в написание «Федералиста» меньше по объему, чем у его соавторов Гамильтона и Мэдисона, но не менее яркое.

Ему, как и следовало ожидать, поручили анализ внешнеполитических аспектов новой конституции. Его перу принадлежали пять

выпусков: номера со второго по пятый и номер 64. В первом из них Джей развивал идею естественного единства Соединенных Штатов. Он доказывал, что сама природа создает границы страны: «Судоходные реки и озера образуют цепь вдоль ее границ, словно связывая ее в одно целое, а самые величественные реки в мире, текущие на удобном расстоянии друг от друга, подобно широким дорогам, связывают дружественные народы, помогая им осуществлять обмен и доставку различных товаров»⁶⁰. Единство происхождения, языка, религии, политических принципов создает единство нации, укрепленное общей борьбой за независимость.

Последующие номера были посвящены проблеме обороны страны. Джей рассматривал международные отношения с позиций реализма. Он сознавал, что существуют причины войн, устранить которые трудно или вообще невозможно. В то же время он полагал, что единая Америка сможет противостоять агрессии более эффективно, чем тринадцать отдельных штатов. Он риторически спрашивал: «Что представляло бы собой ополчение Британии, если бы английское ополчение подчинялось правительству Англии, шотландское — правительству Шотландии, а уэльское — правительству Уэльса? В случае иностранного вторжения разве смогли бы эти три правительства со своими армиями (если бы они вообще пришли к согласию) действовать против врага столь же эффективно, как единое правительство Великобритании?»⁶¹ Те же соображения, разумеется, были справедливы и в отношении Америки. Здесь Джей выступал как реалист.

Зато его взгляды на внешнюю политику федерального правительства трудно признать реалистичными. Он считал, что сама по себе федерация будет представлять другим государствам меньше поводов к войне. Единое федеральное правительство не будет нарушать международные договоры и провоцировать возмущение иностранных держав. (Здесь Джей, несомненно, вспоминал о том, как трудно было заставить штаты соблюдать условия Парижского мира). Федеральное правительство, как доказывал Джей, будет и менее агрессивным. По его словам: «Чувство гордости за свой штат и людская гордыня заставляют оправдывать все свои действия, мешают признать ошибки или нарушения и поправить дело. Федеральному правительству в таких случаях не будет мешать гордыня, оно будет спокойно и честно размышлять над тем, как лучше выволить обе стороны из тех трудностей, в которые они могут попасть»⁶². Словом, федеральное правительство будет стремиться к предотвращению войны, а не к ее развязыванию.

Джей также обращал внимание на возможность пограничных конфликтов между штатами, если они останутся разъединенными. Причин для соперничества всегда будет достаточно. Споры из-за территории или ресурсов, конкуренция в торговле, влияние иностранных государств — все это неизбежно приведет к тому, что штаты станут воевать между собой⁶³. В следующем выпуске ту же тему подхватил Гамильтон, пришедший к неутешительному выводу: «Ожидать сохранения гармонии между независимыми, несвязанными суверенными образованиями, лежащими поблизости друг от друга, означает игнорировать общий ход дел человеческих, бросать вызов накопленному вековому опыту»⁶⁴.

Работы прервало событие, никак не связанное с ратификационной кампанией. В XVIII в. анатомия была уже признанной основой медицины, но получение трупов для анатомирования оставалось проблематичным. Законного источника необходимых анатомам тел не существовало. Как правило, поставщики анатомических театров прибегали к неаппетитной и противозаконной процедуре: раскапывали по ночам свежие могилы. Подобные сцены были не редкостью даже в XIX веке. В Шотландии в 1827—1828 гг. разыгралась жуткая история Бёрка и Хэра, убивших 16 человек, для перепродажи тел в анатомические театры⁶⁵. В Америке до таких эксцессов дело не дошло, но нью-йоркские газеты зимой 1787—1788 гг. поместили целый ряд статей об ограблении кладбищ — в особенности тех участков, где хоронили бедняков и негров. В феврале темнокожие ньюйоркцы подали городскому совету петицию с жалобой на похищение тел их друзей и родственников для анатомических целей. В том же месяце «New York Daily Advertiser» рассказала о краже тела белой женщины с кладбища Тринити-Чёрч⁶⁶. Это уже переполнило чашу терпения. 16 апреля произошел очередной инцидент, связанный с ограблением могилы, и разъяренные ньюйоркцы бросились громить анатомический театр городского госпиталя. Коллекцию анатомических образцов сожгли. Толпа охотилась по всему городу за врачами и студентами-медиками. Власти предпочли поместить незадачливых анатомов в тюрьму для их же собственной безопасности. На следующий день бунтовщики ворвались в Колумбийский колледж (ныне университет). Гамильтона, пытавшегося урезонить толпу, просто оттолкнули в сторону. Но ни в учебных помещениях, ни в комнатах студентов следов анатомирования не нашлось. Тогда мятежники решили взять тюрьму штурмом и линчевать анатомов. Защищать тюрьму взялась нью-йоркская милиция. В завязавшейся схватке погибло двадцать человек, а Джей, неясным образом оказавшийся в гуще баталии, получил удар камнем по голове, едва не расколовший ему череп⁶⁷. На долгое время он потерял работоспособность.

Впрочем, к 5 марта Джей поправился настолько, что смог написать еще один выпуск для «Федералиста» (№ 64), посвященный полномочиям Сената в области заключения международных договоров. Он рассматривал два необходимых требования для проведения эффективной внешней политики. Во-первых, текущее законодательство не должно противоречить международным обязательствам государства. Во-вторых, для заключения договоров необходима секретность и оперативность. В обоих случаях Сенат идеально подходит под предъявленные требования. Будучи необходимым элементом законодательного процесса, он сможет позаботиться о соответствии международных договоров и законов внутри страны. Будучи малочисленным (первый состав Сената включал всего 26 человек), он сможет соответствовать и второму условию. Есть и дополнительное преимущество: ведь в Сенате представлены в равной мере интересы всех штатов, так что они не могут быть ущемлены при определении внешнеполитического курса. Джей также полагал, что в данном случае можно не бояться коррупции. Ведь для ратификации договора необходимы голоса двух третей Сената. Так что «только человек, озлобленный на весь мир, склонный всех подозревать в коррупции, может допустить, что президент и две трети сенаторов на это способны. По-

добная мысль слишком чудовищна, слишком оскорбительна, чтобы отнестись к ней серьезно»⁶⁸.

Джей также составил обращение к народу Нью-Йорка по поводу конституции⁶⁹. Здесь нет строгого последовательного толкования конституции, как в «Федералисте». Автор просто призывал сограждан ратифицировать документ, касаясь лишь некоторых спорных вопросов, например отсутствия в конституции Билля о правах. Он с торжеством отмечал, что в конституции Нью-Йорка такового тоже нет, но ведь это никак не умаляет свободу граждан штата. Он доказывал, что даже если собрать новый Конституционный конвент, он все равно не сможет предложить ничего лучшего. Не приняв конституцию, Соединенные Штаты ничего не выиграют и лишь погрузятся в хаос.

Ратификационная кампания завершилась победой федералистов. В 1787—1788 гг. конституцию ратифицировали одиннадцать штатов (в том числе Нью-Йорк).

При формировании федерального правительства президент Вашингтон предложил Джею пост госсекретаря, но тот отказался и в конечном итоге занял пост Верховного судьи. Суд Джея далеко не столь прославлен, как суд Джона Маршалла. За все пребывание Джея на данном посту (1789—1795) было рассмотрено лишь четыре дела. Наиболее известное из них — *Chisholm v. Georgia*. В 1792 г. А. Чисхолм из Южной Каролины от имени некоего Р. Фаркуара подал иск к штату Джорджия, задолжавшему истцу за поставки, сделанные еще во время Войны за независимость. Представители Джорджии заявили, что их суверенный штат не может быть привлечен к суду, если только не даст своего согласия на судебный процесс. Джей, как Верховный судья, отверг претензии Джорджии. Он заявил, что суверенитетом обладает не штат, а лишь народ Соединенных Штатов. Теорию, согласно которой США являются союзом тринадцати суверенных штатов, Джей сопоставил со средневековой феодальной раздробленностью — для человека эпохи Просвещения аналогия была убийственной. Он также отверг претензии Джорджии на неприкосновенность. Здесь Джей ссылался на ст. III, разд. 2 конституции, который устанавливал юрисдикцию Верховного суда «по делам, в которых штат является стороной»⁷⁰. Это было первое в истории Верховного суда решение прецедентного характера, но судьба его оказалась несчастливой.

Джей в данном случае выступал как последовательный федералист, но американское общество было шокировано столь радикальным отрицанием суверенитета штатов. В Конгрессе был разработан и практически единогласно принят проект поправки к конституции (поправка XI), дающей штату иммунитет от судебного преследования. 7 февраля 1795 г. поправка была ратифицирована штатами⁷¹. В том же году в деле *Georgia v. Brailsford* Джей вынужден был вынести решение, противоположное предыдущему.

Итак, Джей как Верховный судья отнюдь не блистал, но в эти же годы он активно участвовал в американской политике. Например, осуществляя объезд судебных округов, он пользовался случаем, чтобы рассказать гражданам о позиции президента в отношении нейтралитета США.

А между тем внешнеполитические вопросы приобретали все большее значение. В 1793 г. началась война между Францией и Великоб-

ританией. С первой США были связаны союзным договором, со второй — не менее прочными торговыми отношениями. В 1793—1794 гг. отношения США с Англией обострились настолько, что возникла угроза войны между ними. Поводом для раздоров были нападения Англии на американские суда, перевозившие товары для Франции, а также взаимные нарушения условий Парижского мира 1783 года. Англичане отнюдь не спешили выводить свои гарнизоны из фортов на западной границе США. Американцы, в свою очередь, всемерно затягивали выплату дореволюционных долгов британским кредиторам и возвращение лоялистам конфискованной собственности. Между тем, отношения двух стран ухудшались. К 1 марта 1794 г. около 250 американских судов были под конвоем приведены в британские порты, их грузы конфискованы, а экипажи заключены в тюрьму или насильственно завербованы в британский военный флот.

Вашингтон был обеспокоен возможностью войны с Великобританией и угрозой, которая исходила от индейцев, подстрекаемых английской Канадой. Лидеры федералистов поддерживали предложенные Конгрессом меры по укреплению обороноспособности страны. В то же время они надеялись, что до разрыва с Англией дело не дойдет. От нормализации англо-американских отношений зависело процветание американской морской торговли, реализация экономической программы Гамильтона. Для урегулирования отношений в Лондон и был послан Джей.

Официальные инструкции, в значительной мере составленные Гамильтоном, предписывали Джей заключить с Англией торговое соглашение, добиться от нее соблюдения прав нейтрального мореплавания и компенсации за уже захваченные американские суда и грузы. Джей должен был также урегулировать вопрос о нарушениях Парижского мира. Англо-американский договор, известный как договор Джея, действительно был заключен 19 ноября 1794 года. Но американский представитель зашел в своих уступках британской стороне куда дальше, чем позволяли инструкции. Согласно договору Джея, на 12 лет экономические отношения двух стран устанавливались на основе «взаимной и полной свободы судоходства и торговли». На практике это означало, что Великобритания более чем на десятилетие гарантировала себя от протекционистских тарифов со стороны США. Ее же уступки американцам были весьма незначительны: снимался запрет на торговлю с британской Вест-Индией. Однако разрешение касалось лишь судов водоизмещением до 70 тонн; к тому же они могли ввозить патоку, сахар, хлопок, какао и кофе только в США. Резкспортная торговля не допускалась. Причем это условие было сформулировано так, что угрожало чрезвычайно выгодной для США фрахтовой торговле колониальными товарами, которые американские купцы вывозили из вест-индских владений других европейских держав. Кроме маленькой уступки в отношении Вест-Индии, Англия обязывалась вывести войска из западных фортов (и летом 1796 г. это обязательство было выполнено). Подтверждалось право навигации обеих сторон по Миссисипи.

Однако Соединенным Штатам запрещалось принимать каперские корабли враждебных Англии стран. Англия сохраняла за собой право захватывать французские товары (включая продовольствие),

перевозимые на американских судах. Английская сторона отвергла предложения, запрещавшие использовать в англо-американских конфликтах индейские племена. Джею не удалось разрешить вопрос о насильственной вербовке американцев в английский флот. Не было в договоре и упоминаний о компенсации за рабов, уведенных англичанами во время Войны за независимость. Словом, большая часть острых вопросов осталась неурегулированной ⁷².

Главным и едва ли не единственным положительным результатом договора Джея было то, что он предотвратил немедленную войну с Англией. Правда, при этом он привел к новому обострению отношений с Францией. Договор был для США неравноправным, и даже такой убежденный сторонник сближения с Англией, как Гамильтон, считал, что за сохранение мира приходится платить слишком дорого.

На стенах домов появлялись надписи вроде: «Проклятие Джону Джею! Проклятие каждому, кто не проклинает Джона Джея!! Проклятие каждому, кто не зажжет свечу в окне и не просидит всю ночь, проклиная Джона Джея!!!» Газеты бушевали. Республиканская «Аугога», например, критиковала назначение Джея, ссылаясь на его общеизвестную пробританскую позицию ⁷³. Его поведение в Лондоне, по мнению республиканцев, было и «малодушным», и достойным «придворного лизоблюда». Например, когда до США дошел слух, что во время приема у королевы Джей поцеловал ей руку, республиканская пресса раздула из этого эпизода громкий скандал. По мнению оппозиции, за такое унижение перед монархиней американский посланник заслужил, «чтобы его губы иссохли до костей» ⁷⁴.

Так или иначе, 18 ноября 1794 г. договор был подписан. Сессия Сената, посвященная его обсуждению, началась 8 июня 1795 года. В верхней палате большинство было за федералистами, и все же правящей партии с трудом удалось набрать $\frac{2}{3}$ голосов, необходимых для его ратификации. Комментарий «Аугога» был ядовитым: Незаконнорожденный ублюдок тьмы едва набрал конституционное большинство, необходимое для ратификации» ⁷⁵.

В Чарльстоне британский флаг проволокли по уличной грязи, а копию договора сжег городской палач. В Нью-Йорке в Гамильтона, пытавшегося произнести речь в защиту Джея, полетели камни. В Филадельфии в июле 1795 г. прошли три антиджеевских митинга. В ходе первого из них сожгли чучело Джея, в ходе третьего — сожгли копию договора под окнами английского посла Хэммонда и разбили окна в доме сенатора-федералиста У. Бингэма ⁷⁶.

Общей темой федералистов было то, что Джей «заключил лучший договор, какой только мог» ⁷⁷. Серию статей в защиту договора написали Гамильтон и массачусетский федералист Р. Кинг. Сам Джей выступал в роли консультанта для обоих соавторов. От него Гамильтон и Кинг узнали многие подробности предыстории договора, которые использовали в своих статьях. В роли «Камилла» Гамильтон пытался сделать во внешней политике то, что «Федералист» сделал во внутренней: создать некий универсальный свод принципов, которыми США могли бы руководствоваться в дальнейшем. Он тщательно и методично разбирал статьи договора, обходил молчанием его неприятные стороны и доказывал, что Джей добился от Великобритании максимума возможных уступок. Требовать от англичан большего,

уверял Гамильтон-«Камилл», значило бы навлечь на себя ту самую войну, избежать которой было основной задачей Джея. «И поскольку наш посланник не следовал этим безумным курсом, — иронизировал Гамильтон, — поскольку он не говорил языком владетельного паши, обращающегося к трепещущему рабу, его нелепо обвиняют в том, что он поверг права свободных людей к стопам монарха»⁷⁸. Противодействовать аргументации федералистских лидеров, равно как и авторитету Дж. Вашингтона, республиканцы не смогли. Осенью 1795 г. настроения начали меняться. 21 июля в Нью-Йорке, а 11 августа в Бостоне состоялись митинги в защиту договора⁷⁹.

В середине августа Вашингтон поставил свою подпись. «Аугора» комментировала: «Президент вознаградил народ Соединенных Штатов за доверие и любовь, нарушив конституцию, заключив договор с ненавистной американцам державой и приняв воззвания к нему против договора с самым откровенным презрением. Людовик XVI, в зените своей власти и блеска, никогда не наносил своим подданным столь сильного оскорбления»⁸⁰. Между тем, подпись президента не стала финальной точкой в дебатах вокруг договора. Для его реализации, в частности, для деятельности предусмотренных им арбитражных комиссий, требовались средства. В декабре Вашингтон обратился к депутатам Палаты представителей, прося их выделить необходимые ассигнования. Это включило в борьбу еще одну инстанцию. Именно ее республиканцы пытались сделать своим последним плацдармом. 26 апреля республиканец А. Галлатин в продуманной речи разобрал договор постатейно, доказывая, что никаких преимуществ для своей торговли американцы не получают⁸¹. Однако федералисты также сумели вдохновить поток петиций в защиту договора. Авторами были и легислатуры штатов, и частные лица. Один только федералистский мемориал графства Отсего (Нью-Йорк) содержал ок. 5 тыс. подписей⁸². Поток федералистских петиций заметно влиял на настроения конгрессменов, и республиканское большинство в нижней палате стремительно сокращалось. Окончательным ударом стала необычайно яркая речь федералиста Ф. Эймса, которую проправительственные газеты дружно провозгласили лучшей из всех, когда-либо произнесенных в США⁸³. Эймс прямо назвал борьбу за власть между исполнительной и законодательной ветвями важнейшей причиной дебатов вокруг договора. Он доказывал, что, поскольку договор уже ратифицирован президентом и Сенатом, как того и требует конституция, то он имеет обязательную силу, и Палата представителей не может его отвергнуть. Он рассмотрел его основные условия в самом благоприятном свете, какой только смог им придать. Характерно, что Эймс ссылаясь на общественное мнение, склоняющееся в пользу договора. Если он так вредит внешней торговле США, как доказывают республиканцы, то почему его одобрили торговцы? Нельзя же предположить, что они не заинтересованы в развитии торговли с Вест-Индией или не сознают своих собственных интересов!⁸⁴ В заключение Эймс заявил: «Этот договор, подобно радуге на краю тучи, указывает нашему взору, где бушует гроза, и в то же время служит верным предвестием ясной погоды. Если мы отвергнем его, яркие краски поблекнут — он станет зловещим метеором, сулящим бурю и войну»⁸⁵. После выступления Эймса Палата представителей после

некоторых колебаний приняла решение о выделении необходимых средств («за» — 51 голос, «против» — 48) ⁸⁶.

Еще будучи в Великобритании, Джей был избран на пост губернатора штата Нью-Йорк. На этом посту он оставался до 1801 г., но лавров не снискал. Дважды он участвовал в президентских выборах, но каждый раз получал обидно малое число голосов: пять выборщиков проголосовали за него в 1796 г. и всего один — в 1800. После того, как президентом стал Т. Джефферсон, и партия федералистов оказалась в оппозиции, Джей принял решение оставить политическое поприще. Он удалился в свой особняк в графстве Вестчестер, где вел жизнь джентльмена-фермера. Здесь с удобствами разместилось его многочисленное семейство. Семья Джеев была многодетной. Сара подарила мужу двух сыновей и четырех дочерей. Старший из сыновей, Питер Огастес, подобно Джону Куинси Адамсу, сопровождал отца в его дипломатической миссии в Европе и впоследствии избрал политическую карьеру. Однако федералистская партия к тому времени находилась в глубоком кризисе, и молодой Джей так и не добился существенных успехов. Его младший брат, Уильям, написал первую биографию Джона Джея.

Дом Джея в графстве Вестчестер сохранился и в настоящее время является музеем. Это был дом, выстроенный в колониальном стиле, с большим грушевым садом, с рядом лип, посаженных вдоль фасада. Комнаты позднее украсились гравюрами с картин Джона Грамбулла «Битва при Банкер-хилл» и «Смерть генерала Монтгомери», подаренными Джею самим художником. Здесь же висела копия картины Бенджамина Уэста, изображавшая Джея в числе американских представителей на мирных переговорах в Париже. До наших дней сохранился китайский фарфоровый сервиз с монограммой JJ, подаренный Джону и Саре Джей к свадьбе. Большую часть продуктов к столу Джея производила его собственная ферма; специи, вино, морепродукты доставлялись из Нью-Йорка. Женщинам семьи Джей не было нужды заниматься готовкой: в семье трудились белые и чернокожие слуги, а также несколько рабов ⁸⁷. В то же время Джей являлся основателем и первым председателем Нью-йоркского общества по освобождению рабов. Не все члены общества считали свои аболиционистские принципы несовместимыми с владением рабами, но Джей своих все же освободил, когда счел, что они отработали свою стоимость.

Долгие годы жизнь Джея ограничивалась домашним кругом. Лишь один раз он вмешался в политическую жизнь страны: в 1819 г. встал вопрос о принятии в Союз штата Миссури. Миссури находился севернее официальной границы распространения рабства (36°30' с.ш.), но тем не менее должен был быть принят как рабовладельческий штат. После англо-американской войны 1812—1815 гг. Миссури заселялся главным образом южанами-рабовладельцами, хотя его земли плохо подходили для выращивания хлопка. Вопрос о том, будет ли Миссури рабовладельческим или свободным штатом, встал с неожиданной остротой, причем он имел не столько экономический, сколько политический смысл. В это время население южных штатов уступало населению Севера, и было очевидно, что в дальнейшем разрыв увеличится. Между 1790 и 1810 гг. население штата Нью-Йорк выросло почти на 182 %, и он превратился в самый населенный штат

Союза. Виргиния, которая в 1790 г. была крупнейшим штатом США, за то же время имела прирост населения лишь на 26 % и утратила лидирующее положение. Между тем, от численности населения зависело число депутатов штата в Палате представителей и в коллегии выборщиков на президентских выборах. Южане опасались нарушения равновесия в Сенате, где представительство их интересов определялось общим числом рабовладельческих штатов. Поэтому они были возмущены попыткой запретить рабство в Миссури, который мечтали присоединить к собственной секции. Джей счел необходимым откликнуться на проблему. В письме к Э. Будино, политику из Нью-Джерси, он отразил собственную точку зрения: Конгресс имеет полное право запретить рабство в новых штатах, и ни один новый рабовладельческий штат не должен быть принят в Союз⁸⁸. Бескомпромиссная позиция Джея не была принята американским истеблишментом. Миссури был принят как рабовладельческий штат, а разногласия Севера и Юга улажены за счет компромисса, который на три десятка лет снял напряженность в отношениях Севера и Юга, но в то же время четко обозначил их как противостоящие друг другу секции Союза.

В 1829 г. Джея разбил паралич, вероятно, в результате инсульта. Через три дня он скончался. Его похоронила на созданном им самим семейном кладбище. Оно и сейчас принадлежит потомкам семьи Джеев.

Примечания

1. STAHR W. John Jay: Founding Father. N.Y. 2012, p. 2—7.
2. BOLTON R. History of the Protestant Episcopal Church in the County of Westchester. N.Y. 1855, p. 471.
3. Цит. по: CARLO P.W. Huguenot Refugees in Colonial New York: Becoming American in the Hudson Valley. Brighton-Portland. 2006, p. 108.
4. Ibid., p. 108—109.
5. JOHNSON H.A. John Jay: Colonial Lawyer. Washington, D.C. 2006, p. 10, n. 34.
6. MCCAUGHEY R. Stand, Columbia: A History of Columbia University. N.Y. 2012, p. 30.
7. Ibid., p. 33.
8. Pamphlets of the American Revolution, 1750—1776. Vol.1. Cambridge-Mass. 1965, p. 533.
9. Ibid., p. 490.
10. Ibid., p. 449.
11. JAY J. The Correspondence and Public Papers: 4 vols. 1763—1826. N.Y. 1971, vol. 1, p. 1.
12. JAY W. Life of John Jay: with Selections from His Correspondence and Miscellaneous Papers: 2 vols. N.Y. 1833, vol. 1, p. 179.
13. MORSE J. The American geography: or, a view of the present situation of the United States of America. L. 1792, p. 257.
14. JOHNSON H.A. Op. cit., p. 37.
15. Ibid., p. 27—28.
16. Ibid., p. 93.
17. JAY J. Op. cit., vol. 1, p. 333—335.
18. Ibid., p. 339.
19. Ibid., p. 341.
20. Ibid., p. 343. Festina lente (лат.) — поспешай медленно.
21. Ibid., p. 435, 461.
22. Ibid., p. 329.
23. Американский экспансионизм. Новое время. М. 1985, с.11—15; ЛУЦКОВ Н.Д. Миссия Гардоки в США: проблемы западных земель и судоходства по Миссисипи

- в испано-американских отношениях в 1784—1789 гг. — Американский ежегодник. 1986, с. 183—201; FABEL R.F. An Eighteenth Colony: Dreams for Mississippi on the Eve of the Revolution. — *Journal of Southern History*, vol. 59 (November 1993), p. 647—672; История внешней политики и дипломатии США. 1775—1877. М. 1994, с. 75—83.
24. *Journals of the Continental Congress. 1774—1789: 34 vols.* Washington. 1904—1937, vol. 20, p. 615, 619, 627—628.
  25. ПЛЕШКОВ В.Н. Внешняя политика США в конце XVIII века. (Очерки англо-американских отношений). Л. 1984, с. 77.
  26. Напр. см.: JAY J. *Op. cit.*, vol. 2, p. 390.
  27. *Journals of the Continental Congress*, vol. 20, p. 651—652.
  28. FRANKLIN B. *The Works of Benjamin Franklin, including the Private as well as the Official and Scientific Correspondence, together with the Unmutilated and Correct Version of the Autobiography: 12 vols.* N.Y. 1904, vol. 9, p. 25.
  29. ПЛЕШКОВ В.Н. Ук. соч., с. 93; КРАСНОВ Н.А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775—1801 гг. М. 2000, с. 141; BRECHER F.W. *Securing American Independence: John Jay and the French Alliance.* L.-Westport, ct. 2003, p. 9—10.
  30. JAY J. *Op. cit.*, vol. 2, p. 346; КРАСНОВ Н.А. Ук. соч., с. 143.
  31. JAY J. *Op. cit.*, vol. 2, p. 376, 382, 404—405.
  32. *Ibid.*, p. 328—329.
  33. *Ibid.*, p. 325.
  34. *Ibid.*, p. 353.
  35. FRANKLIN B. *Op. cit.*, vol. 10, p. 41.
  36. *Ibid.*, p. 39.
  37. КРАСНОВ Н.А. Ук. соч., с. 157.
  38. FRANKLIN B. *Op. cit.*, vol. 10, p. 35.
  39. MCDONALD F.E. *Pluribus Unum: The Formation of the American Republic, 1776—1790.* Indianapolis. 1979, p. 81—82; УШАКОВ В.А. Американский лоялизм. Консервативное движение и идеология в США в 1760—1780-е гг. Л. 1989, с. 175—176, 185.
  40. *Brutus. Independent Gazetteer (Philadelphia).* 10.V.1783.
  41. HAMILTON A. *The Papers: 27 vols.* N.Y.-L. 1961—1987, vol. 3, p. 460.
  42. *Journals of the Continental Congress*, vol. 31, p. 798—802; vol. 32, p. 124—125, 177—184.
  43. JAY W. *Op. cit.*, vol. 2, p. 69.
  44. ЛЕНЦ С. Бедность: неискоренимый парадокс Америки. М. 1976, с. 109.
  45. MINOT G.R. *History of Insurrections in Massachusetts in 1786 and of the Rebellion Consequent Thereon.* N.Y. 1971, p. 85—87.
  46. MAIN J.T. *The Antifederalists. Critics of the Constitution. 1781—1788.* Chapel Hill. 1961, p. 283—284.
  47. ALDEN J.R. *The South in the Revolution. 1763—1789.* Baton Rouge. 1957, p. 375.
  48. MADISON J. *The Writings: 9 vols.* L.-N.Y. 1910, vol. 2, p. 340.
  49. JAY J. *Op. cit.*, vol. 2, p. 330.
  50. *Ibid.*, vol. 3, p. 226—228.
  51. WASHINGTON G. *The Writings from the Original Manuscript Sources, 1745—1799: 39 vols.* Washington, D.C., 1931—1944, vol. 29, p. 358. Ср. оценку Гамильтона и Мэдисона: HAMILTON A. *The Papers*, vol. 4, p. 253; MADISON J. *The Papers. Congressional Series: 17 vols.* Chicago-Charlottesville. 1962—1991, vol. 10, p. 206—210.
  52. JAY J. *Op. cit.*, vol. 3, p. 258.
  53. *Ibid.*, p. 255.
  54. *The Documentary History of the Ratification of the Constitution: 27 vols.* Madison. 1976—2016, vol. 2, p. 131.
  55. BROWN R.H. *Redeeming the Republic: Federalists, Taxation and the Origins of the Constitution.* Baltimore. 1993, p. 214.
  56. *The Documentary History of the Ratification of the Constitution*, vol. 9, p. 824.
  57. *Ibid.*, p.825. См. также: SMITH M. *An Address to the People of the State of New York Shewing the Necessity of Making Amendments.* N.Y. 1788.
  58. COUNTRYMAN E. *A People in Revolution: The American Revolution and Political Society in New York, 1760—1790.* Baltimore-L. 1981, p.276.
  59. *New York Daily Advertiser.* 18.I.1788.

60. ГАМИЛЬТОН А., МЭДИСОН ДЖ., ДЖЕЙ ДЖ. Федералист. М. 1994, с. 34—35.
61. Там же, с. 46.
62. Там же, с. 42.
63. Там же, с. 48—51.
64. Там же, с. 52.
65. См.: КОУТИ К. Недобрая старая Англия. СПб. 2013, с. 182—192.
66. New York Daily Advertiser. Febr. 1788.
67. LOVEJOY B. The Gory New York City Riot that Shaped American Medicine. URL: <http://www.smithsonianmag.com/history/gory-new-york-city-riot-shaped-american-medicine-180951766/?no-ist>. Всего с 1765 по 1854 гг. в Америке произошло 17 аналогичных мятежей.
68. Федералист, с. 423—429.
69. The Debates in the Several State Conventions on the Adoption of the Federal Constitution: 4 vols. Washington, D.C. 1836, p. 496—502.
70. Chisholm v. Georgia (1793). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/2/419/case.html>. Текст конституции 1787 г. цит. по: США. Конституция и законодательные акты. М. 1993, с. 29—49.
71. США. Конституция и законодательные акты, с. 42; МИШИН А.А., ВЛАСИХИН В.А. Конституция США: политико-правовой комментарий. М. 1985, с. 281—283.
72. Treaties and Other International Acts of the United States of America. 1775—1863: 8 vols. Washington, D.C. 1931—1948, vol. 2, p. 245—267.
73. General Advertiser (Aurora). 9, 18.IV, 19.V.1794. Историю назначения Джея см.: ПЛЕШКОВ В.Н. Ук. соч., с. 232—234.
74. Aurora. 18.XI.1794; Boston Independent Chronicle. 3, 10, 13.XI.1794.
75. Aurora. 26.VI.1795.
76. Dunlap and Claypool's American Daily Advertiser. 18, 25, 28.VII.1795; Columbian Centinel. 25.VII.1795; American Minerva. 17, 25.VII.1795; Boston Independent Chronicle. 13, 27.VII.1795; AMES N. Jacobin and Junto, or Early American Politics as Viewed in the Diary of Dr. Nathaniel Ames, 1758—1822. Cambridge-Mass. 1931, p. 58—60.
77. Gazette of the U.S. 13.VII.1795; American Minerva. 22, 29.VII, 8.VIII.1795.
78. The Argus. 5.VIII.1795.
79. New York Journal. 29.VII.1795; Dunlap and Claypool's American Daily Advertiser. 28.VII, 24.VIII.1795; Gazette of the U.S. 24.VIII.1795; American Minerva. 21.VIII.1795.
80. Aurora. 22.VIII.1795.
81. Annals of Congress. 4 Cong. 1 Session, p. 1183—1202.
82. KURTZ S.G. The Presidency of John Adams: The Collapse of Federalism, 1795—1800. Philadelphia. 1957, p. 66; ELKINS S., MCKITRICK E. The Age of Federalism. The Early American Republic, 1788—1800. N.Y.-Oxford. 1993, p. 446.
83. Напр.: Gazette of the U.S. 25.V.1796; American Minerva. 25.V.1796.
84. AMES F. The Speech in the House of Representatives... on 28.IV.1796. Boston. [1796], p. 22.
85. Ibid., p. 50.
86. Annals of Congress. 4 Cong. 1 Session, p. 1291.
87. О доме Джона Джея и его современном состоянии см.: URL: <http://johnjayhomestead.org/explore/jays-bedford-house>.
88. JAY J. Op. cit., vol. 4, p. 430—431.

Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства

Э.Г. Задорожнюк

Аннотация. В статье представлены взгляды евразийцев на славянский вопрос — при их критическом отношении к славянофильству и панславизму и с опорой на реальные факты общезначимости славянских и неславянских народов. Отмечается, что проект «исхода к Востоку» (на фоне жизненного пути евразийцев в форме «исхода к Западу») вызвал и вызывает интерес в плане геополитического статуса России в прошлом и настоящем, особенно в связи с установкой большей части современной политической элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы на евроатлантизм.

Ключевые слова: Россия, славянский вопрос, евразийство, евроатлантизм, Центральная и Юго-Восточная Европа, геополитический статус.

Abstract. The article presents the views of the Eurasians on the Slavic question — with their criticism towards the Slavophilism and pan-Slavism, relying on the real facts of Slavic and non-Slavic nations living together. It is noted that the «Exodus to the East» project (against the Eurasians' «Exodus to the West» path of life) has been and still is interesting in terms of Russia's past and current geopolitical status, especially given the focus of the major modern Central and South-East Europe political elite towards Euro-Atlanticism.

Key words: history of ideas, Russia, Slavic question, Eurasian, Euro-Atlanticism, Central and South-Eastern Europe, geopolitical status.

Взгляды евразийцев на славянский вопрос — при их критическом отношении к славянофильству и панславизму, с призывами опираться на реальные образцы добрососедства славянских и неславянских народов — зафиксированы в проекте «исход к Востоку», время от времени получающего новые импульсы по самым разным причинам. Примечательно, что этот проект, создававшийся на фоне жизненного пути большинства евразийцев в форме «исхода к Западу», вызывал и вызывает глубокий интерес. И в плане определения геополитического статуса России в прошлом и настоящем, и в связи с установкой большей части современной политической элиты стран Центральной

Задорожнюк Элла Григорьевна — доктор исторических наук, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Институт славяноведения РАН. E-mail: elzador46@mail.ru.

Zadorozhnyuk Ella G. — doctor of historical sciences, head of the Department of contemporary history of Central and South-Eastern Europe. Institute of Slavic Studies RAS. E-mail: elzador46@mail.ru.

и Юго-Восточной Европы на «исход к Европе» (неотъемлемой частью которой эти страны, равно как и Россия, были всегда) и далее на евроатлантизм.

По этому поводу евразийцы вели (а их последователи в современной России ведут) сражения со своими идеологическими противниками — как их вели в XIX в. приверженцы идеи России (по словам одного из ее апологетов Ф. Тютчева, считавшей ее «славянским племенем и Православной Империей») и идеи Революции (демократической в форме марксизма и консервативной в форме папства).

Декламируемый с начала 1920-х гг. классиками евразийства «Исход к Востоку» (так назывался изданный ими в Софии в 1921 г. сборник статей¹) предполагал и свой вариант решения «славянского вопроса». После прибытия масс эмигрантов из Крыма в основном в столицы вновь образованных государств (Софию, затем в Прагу, а также в Белград и Варшаву), после стратегического отступления революционных сил из-под Варшавы («чуда на Висле» в 1920 г.), после того, как была санкционирована «линия Керзона», отделявшая СССР (тогда еще РСФСР) от Европы (включавшей такие славянские государства, как Польша, Чехословакия, Болгария и Югославия), этот вопрос приобретал качественно новые очертания. Его интерпретация евразийцами значима и для сегодняшнего дня, хотя общий их взгляд поражает отсутствием четко декларируемого подхода к славянству. Однако у любого из евразийцев все же можно выкристаллизовать идеи, близкие к славянофильству и даже панславизму; каждый из них глубоко прорабатывал проблематику, затрагивавшую «месторазвитие» (термин П. Савицкого, означающий комплементарное единство социального и природного пространств, в рамках которого формируется и развивается этнос, определяя в дальнейшем способы его жизнедеятельности) славянских народов и характер контактов между ними. Славянский вопрос, выражаясь метафорически, попадал в «слепое пятно» поля зрения большинства евразийцев: они знали о его важности, но нарочито не давали своих рецептов его разрешения. Лишь эпизодически, например, в полемике по украинскому вопросу между Д. Дорошенко и Н. Трубецким, в ряде музыковедческих наблюдений П. Сувчинского, в экономико-географических трудах П. Савицкого и в религиозных творениях Г. Флоровского те или иные стороны этого вопроса фрагментарно поднимались.

В чем причины такой нарочитой слепоты? Частично ответ на данный вопрос можно отыскать в биографиях авторов, в их переписке и мемуарных свидетельствах.

Большинство евразийцев прошли в Европу — как и значительная часть интеллигентов-эмигрантов — по следующему пути: Киев, Крым, юг России, Константинополь, София. В дальнейшем часть из них оставалась в новообразовавшихся государствах, другая оказалась в европейских столицах, в первую очередь, в Берлине и Париже, некоторые — как историки Г.В. Флоровский и Г.В. Вернадский — достигли берегов Америки.

Можно сказать, что их основная идея, выраженная в названии классического труда 1921 г. «Исход к Востоку», своеобразно дополнялась в биографическом плане их «исходом к Западу», а если взять группу евразийцев в пригороде Парижа Кламаре, — то и «исходом к

Марксу», классическому западному мыслителю. В государствах же Центральной и Юго-Восточной Европы, во многом появившихся в итоге окончания первой мировой войны и Октябрьской революции, евразийцы нашли не очень теплый прием ².

Они, с одной стороны, бежали от революции, с другой же, так или иначе признавали ее как преобразующий Европу и весь мир факт, за что и попали в число «фактопоклонников» наряду с предшествующими им сменовеховцами и следующими за ними младороссами. (Заметим, что термины «фактопоклонничество» и коррелирующий с ним «непредре-шенчество» характеризуют богатую историю русского зарубежья; ими в самом общем смысле обозначалось принятие свершившегося и возможность самых разных исходов из него. П. Струве в контексте споров между эмигрантами клеймил как раз первым термином всех, признававших советскую власть, вторым — убежденных в возможности труднопредвидимых, но необратимых ее изменений). Эта позиция отделила их не только от эмигрантских, но и от государственных кругов славянских стран, которые не замечали евразийцев едва ли не демонстративно; оппозиционные левые силы в этих странах также их не приняли.

Лишь при очень внимательном прочтении всего корпуса работ евразийцев, их переписки и трудов о них можно обнаружить скрытые контуры решения ими славянского вопроса. На поверхности «исход к Востоку» сводится к дистанцированию от дискредитировавшего себя славянского единения в пользу евразийского проекта. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что западно- и южнославянские, а в какой-то мере и восточнославянские народы считались евразийцами полем напряженного противостояния евразийского и романо-германского миров. Оно, полагали евразийцы, носит многослойный характер и постоянно меняет характер своего протекания: от ламинарного к турбулентному; так было всегда, так есть и сегодня. Историческая реконструкция взглядов евразийцев на славянский вопрос позволяет отметить некоторые причины указанной турбулентности. Одна из главных заключается в том, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы (а в новом веке еще и Украина) были (и остаются) полем столкновения евразийского и романо-германского (евроатлантического) начал, даже если соответствующие установки артикулировано не выражаются.

Евразийцы как незаурядные социальные мыслители не сразу попали в поле зрения советских обществоведов и вовсе не только из-за цензурных соображений. Так, удалось отыскать всего несколько упоминаний о Г.В. Флоровском и небольшую статью о Л.П. Карсавине (при отсутствии хоть какого-либо упоминания о его евразийстве) в «Философской энциклопедии», последний из 5 томов которой вышел в 1970 г. и был достаточно смелым в плане идеологической неангажированности.

Не попадал данный термин и связанные с ним носители мыслепостроений и в выходящие в дальнейшем справочные философские и даже исторические издания. Отзвук такого отношения обнаруживается и в статье об евразийстве в «Новой философской энциклопедии». Оно характеризуется там как «оригинальный ансамбль мировоззренческих установок» и подчеркивается, что в качестве такового «никогда больше не воспроизводилось» ³. Надо отметить, что, во-

первых, любое собственно оригинальное мировоззрение никогда больше не воспроизводится, а во-вторых, связанный с евразийством «ансамбль установок» очень активно обсуждался уже ко времени написания этой энциклопедической статьи.

Интерес к данному новоэмигрантскому течению наряду со сменовеховством и движением младороссов возник в конце 1980-х гг., когда, по словам В.Н. Топорова, «как иссохшая земля после бурной грозы общественное сознание впитывало в себя идеи евразийства второпях, часто без разбору»⁴. С начала 1990-х гг. комплекс идей, связанных с евразийством, все же начал активно обсуждаться, главным образом, в журнальной периодике, лидерами здесь выступили академические журналы «Вопросы истории» и «Вопросы философии». Справочные издания «Русская философия. Словарь» (М. 1995, 1999) и «Русская философия. Энциклопедия» (М. 2007, 2014; далее — «Энциклопедия») закрыли эту лагуну, опубликовав статьи о евразийстве, евразийцах и их ключевых трудах. С началом нового века постоянно появлялись и монографические исследования по евразийству. Так в монографии В.Я. Пашенко ее крупный раздел посвящен соотношению данной «синтетической» идеологии со славянофильством⁵.

С опорой, главным образом, на последнее издание «Энциклопедии» нами и составлен список из 14 ключевых фигур евразийства. В их числе 12 персоналий из «Энциклопедии» — его первооснователи, авторы сборника «Исход к Востоку» (София. 1921): Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Флоровский и П. Сувчинский; разработчики идеологии евразийства: Н. Алексеев, Л. Карсавин, Г. Вернадский, В. Иванов; К. Чхеидзе и П. Бицилли, а также не упомянутые в «Энциклопедии» Я. Садовский, А. Лурье — мыслители второго призыва, которые по ряду позиций дистанцировались от евразийства и даже критиковали его (надо сказать, что первым и весьма своеобразным «отступником» от него оказался еще в середине 1920-х гг. и Флоровский). В «Энциклопедию» на уровне персоналий не вошли и два ключевых представителя левого крыла евразийства — Д. Святополк-Мирский и С. Эфрон.

Рассмотрим выделенные фигуры, обращая внимание на данные биографического порядка. На этом фоне, а также с учетом общемировоззренческих установок рассматриваются и позиции евразийцев по славянскому вопросу.

Что в этом плане можно сказать о четверке первооснователей? Князь Н.С. Трубецкой (1890—1938) — сын ректора Московского университета (1862—1905) — уже до революции стал авторитетным лингвистом. Трагически умер в Вене от инфаркта после допроса в гестапо. В автобиографии, написанной для Софийского университета в 1920 г., Трубецкой детально изложил свой путь в Болгарию из России. С осени 1917 г. по осень 1918 г. он лечился в Кисловодске, затем стал приват-доцентом Донского (Ростовского) университета, в декабре 1919 г. эвакуировался в Ялту, в конце февраля 1920 г. выехал в Царьград (по словам Трубецкого, другие евразийцы говорили о Константинополе, а город именовался все же Стамбулом), а уже в июне 1920 г. оказался в Софии, где начал читать лекции по сравнительному языкознанию и одновременно — истории Индии. Летом 1922 г. он покинул Болгарию, намереваясь работать в Брно (Чехословакия), но неожиданно для себя оказался по приглашению в Венском университете⁶.

В целом с опорой на данные сравнительного языкознания Трубецкой подчеркивал непродуктивность любого национального «эгоцентризма» и доказывал, что именно русский народ задавал и задает образцы взаимообогащающего общежития народов и этносов: это позволяет, исходя из языковой славянской общности, укреплять также и межкультурные связи. В этих условиях и в ряде регионов проживания славян может появиться «многонародная нация» — как она образовывалась в СССР, где, по его убеждению, формировался «общеевразийский национализм». Специальных работ по данному направлению у Трубецкого нет, но положительные оценки близких к этому надэтнических образований в Чехословакии и Югославии можно отыскать в его переписке ⁷.

До 1917 г. приобрел признание как специалист в области экономической истории и географии П.Н. Савицкий, родившийся в 1895 г. в Черниговской губернии. Он еще до революции некоторое время работал в Норвегии. Перебравшись в Крым через Киев, стал секретарем П. Струве, руководителя иностранного штаба Врангеля. Через Константинополь в 1920 г. прибыл в Софию, с 1921 г. жил и работал в Праге — за исключением контролируемой разведкой СССР в рамках операции «Трест» поездки в Россию в 1927 г. и 10-летнего пребывания в Мордовских лагерях в 1945—1956 годах. Умер в 1968 г., за 4 месяца до ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора, включая части ГДР — представителя романо-германского мира.

Савицкий — наиболее продуктивный в плане идей евразийства мыслитель, который, в частности, ввел такие понятия как месторазвитие, хозяйстводержавие, чувство континента. На основе данных множества наук, включая и им разработанных (к примеру, кочевниковедения), он доказывал релевантность самого понятия Евразия, равно как и допустимость для России евразийского проекта. Он по-новому рассматривал проблему развития обществ и государств как природно-обуславливаемых социально-экономических организаций, отстаивая идею частногосударственной системы хозяйствования, подчеркивая при этом, что «любое действие в хозяйстве и государстве решается и освещается озарением религиозным» ⁸.

Савицкий продолжил традицию трактовки славянского вопроса В. Ламанским и в меньшей мере Н. Данилевским. Понятие «месторазвитие» оказалось в этом плане продуктивным для анализа славянских общностей и идентификации славянских государств и их союзов — выявления специфики присущих тому или иному западно-, юго-, восточнославянскому народу обычаев или песен (как в классическом славянофильстве), равно как и характерных для них типов хозяйствования, торговых связей и т.п. Признавая славянскую основу русского народа, Савицкий неоднократно подчеркивал, что он должен выступать в качестве стены против форсированной европеизации и себя, и других близких ему этносов.

П.П. Сувчинский, выходец из польско-украинской семьи, граф, родился в 1892 г. в Петербурге. До революции, несмотря на молодость, выпускал музыкальный журнал, сразу после революции переехал в Киев, в течение непродолжительного времени жил в Берлине (с 1918 г.), а в Софии уже в 1919 г. организовал книгоиздательство, где через год вышла его первая книга по евразийству ⁹. В дальнейшем жил и работал в Берлине и Париже, где и умер в 1985 г.,

получив международное признание как уникальный специалист по музыкальной культуре.

Сувчинский оказался одним из наиболее коммуникативных и инициативных евразийцев. Он налаживал связи как между ними, так и между их идеологическими соседями: в большей степени — сменовеховцами и в меньшей — младороссами. Он придерживался установок футуризма, но не принимал присущего ему богоборчества; будучи культурологом, писал яркие статьи по политическим проблемам. Он впервые выявил роль туранского начала в музыке, которое, начиная еще с дягилевских гастролей в Париже, в полной мере преобразило мировой музыкальный ландшафт континента¹⁰.

Надо особо подчеркнуть, что именно Сувчинский и в меньшей степени Савицкий постоянно держали в поле зрения Украину (первый — ее музыкальную культуру, а второй — архитектуру). Однако самостоятельным предметом своих политических размышлений они ее не сделали — в отличие от Трубецкого, излагавшего позиции евразийцев в полемике с Д. Дорошенко. Сувчинский сосредоточивал свой анализ на идее «самопредательства» России, трактовал революцию как «инобытие русской религиозности», а в дальнейшем сосредоточился на анализе русской музыки в трудах на французском языке. В этом плане славянский вопрос находился у него на периферии; к примеру, он почти не просматривается в его переписке с Трубецким. Именно этот европейски образованный и авторитетный в области культурологии человек активнее всего писал о самодостаточности евразийского мира русской культуры, высоко значимой для всего славянства.

Г.В. Флоровский родился в 1893 г. в Елизаветградской губернии в семье священнослужителя, окончил Новороссийский (Одесский) университет и выпускал труды не только по философии и филологии, но также по естествознанию. Из Одессы в январе 1920 г. он перебрался с родителями в Болгарию; в 1923 г. защитил диссертацию в Праге; в 1926 г. начал преподавать в Париже, где в 1932 г. стал священником. Годы второй мировой войны провел в Югославии, откуда вернулся в Париж; с 1948 г. перебрался в США; умер в 1979 г. в Принстоне. Все перипетии этих перемещений так или иначе сказывались и на творчестве Флоровского, и на его преподавании, и на его экуменической деятельности.

Флоровский — исследователь феноменов византизма и патристики. Он критиковал европейскую рациональность и «особность» марксизма как его плода, однако присущий этому мыслителю неоплатонизм и приемлемость скачков в социальном развитии допускал. В дальнейшем он отошел от признания революции как раз вследствие ее антиправительственного духа и начавшихся антицерковных гонений. Евразийство Флоровского было в чем-то окрашено славяноцентризмом, поскольку он считал, что именно славяне реализовали в потенции принцип правды в государстве, осуществили синтез права и нравственности. Все же «поворот к отцам» (церкви) побуждал его разоблачать «евразийский соблазн». Со временем его евразийские устремления трансформировались в экуменизм, сохранив его интерес к туранскому и монгольскому элементам. Ход мысли Флоровского таков: в свое время христианский эллинизм был привит славянству, так почему не привить ценности христианства всему миру? Не полу-

чилося славянского единения — пусть будет единение мировое, хотя бы в религии ¹¹.

При этом даже славянофилы представлялись для него выразителями влияния Запада. Правильное истолкование, а не просто отрицание этого влияния, может привести к истинному видению путей развития народов, включая славянские, при этом Флоровский с особой яростью отвергал «националистический религиозный мессианизм» в польском и русском вариантах ¹².

Таким образом, общей для четырех первоевразийцев явилась траектория прибытия в Европу: с юга России, из Украины и Крыма, которые стали также неким пересадочным пунктом на их пути в Европу — в основном через Константинополь. Общим было и то, что в столицах славянских государств их встречали не очень приветливо.

Вторая группа евразийцев представляет уроженцев столиц (за исключением В.Н. Иванова). Н.Н. Алексеев родился в 1879 г. в Москве, учился в Московском университете, затем в западных университетах (у него их было три: в Берлине, Гейдельберге и Париже). Вскоре после революции — переезд в Киев, затем в Крым (Алексеев был профессором Таврического университета в Симферополе). Следующий пункт — Константинополь. Первая европейская столица для Алексеева — Белград, в 1922 г. он оказался в Праге, с 1931 г. — в Берлине. Работал в Страсбурге до 1940 г., а с 1940 по 1948 гг. — в Белграде, а затем в Женеве, где и умер в 1954 году. Он постоянно преследовался: подвергался арестам за революционную деятельность, затем — за работу по подготовке «контрреволюционного» Учредительного собрания; ставил под угрозу свою жизнь, будучи участником Сопrotивления в Югославии и в ней же испытал давление за свой «просоветизм».

Алексеев — правовед и философ — ставил акцент на юридических аспектах в рамках евразийства. Он — приверженец теории естественного права с акцентом на роли начал справедливости в ходе организации государственно-частной системы хозяйствования, а также автор концепта «государство-правда», каковое возможно, по его мнению, как раз в Евразии. Марксизм, согласно Алексееву, должен уйти, сделав свое дело, то есть, обнажив социальные противоречия, конкретные же задачи будет решать народное и трудовое, а не классовое государство. Алексеев обосновывал функциональное определение собственности, которое предполагает согласование в деятельности хозяйствующих субъектов. Он подчеркивал правомерность и правомочность федеративного устройства России, исходя из общности судеб народов Евразии. Такая форма общежития возможна и для славянских народов, тем более, что и им присуще ощущение права как реализации правды. Этот факт игнорировало русское западничество — получив в виде отклика, по его меткому выражению, «взбесившееся славянофильство», близкое к большевизму.

Л.П. Карсавин родился в 1882 г. в Петербурге и стал здесь профессором еще до революции. В 1922 г. был выслан в Берлин на философском пароходе. С 1926 г. жил и работал в Париже, а с 1928 г. — в Литве. В 1948 г. был выслан из Вильнюса в Республику Коми, где и умер в инвалидном лагере в 1952 году. Глубочайшая эрудиция в сфере религии и культуры, философии, истории и других дисциплин сделала его одним из авторитетнейших евразийских мыслителей, а его

устремленность к России, обернувшаяся судом и ссылкой, подтверждала патриотическую направленность евразийства.

Карсавин, будучи историком-медиевистом, затрагивал близкие евразийству идеи в работе «Восток, Запад и русская идея» (Петроград. 1922). В ней были поставлены вопросы, на которые уже дали ответ евразийцы в сборнике, выпущенном в Софии. В середине 1920-х гг. он с точки зрения философии и истории обосновывал Евразию как некое культурно-историческое единство. С опорой на миссию сохранения России он также указывал путь к преодолению «пананархии». Именно через евразийские идеи Карсавин конкретизировал понятие «всеединство» по отношению к славянскому миру; более того, через индивидуализацию народов и православную идеократию, по его мнению, возможно разрешение противоречий между Востоком и Западом.

Г.В. Вернадский, этнический украинец и потомственный дворянин, сын великого естествоиспытателя, родился в Петербурге в 1887 г., где и стал приват-доцентом университета. Траектория его передвижений после 1917 г. такова: Пермский, а затем Таврический университеты; работа в Константинополе и Афинах; с 1922 по 1927 г. — преподавательская деятельность в Праге, с 1927 г. — в США, где он умер в 1973 году. Это был активный представитель конституционно-демократической партии, в дальнейшем сосредоточившийся на академической деятельности и ставший ведущим специалистом по истории России в США. Вернадский проводил линию на сочетаемость леса и степи, выразившуюся в феномене «христианизации татарщины», охарактеризовал процессы «движения против солнца» — то есть постепенного освоения русскими Сибири, чему сопутствовало и построение продуктивной геоэкономики. Важным тезисом, доказывавшимся на богатом материале, является положение о слиянии евразийского континента с русской историей, что недостаточно полно ощущалось и славянским миром в целом. А ведь, по его убеждению, как естественность союза народов Евразии сохранила единую Россию при ее всеохватной трансформации, так подобный союз может укрепить и единство славянских народов — без заискиваний перед Западом. Свои взгляды на перспективу союза восточнославянских народов Вернадский выразил, в частности, в книге «Богдан — гетман Украины», выпущенной в 1941 г., как раз в то время, когда германский и отчасти романский мир наращивал давление на славянские земли (1938 г. — Чехия, 1939 г. — Польша, 1940 г. — Югославия, 1941 — захват земель двух восточнославянских народов полностью и русского народа частично).

В.Н. Иванов родился в 1888 г. в Гродненской губернии, но оказался единственным евразийцем, жившим в Азии. Учился в германских университетах, воевал, в 1918 г. работал в Пермском университете, затем в Омске, а с 1922 г. — в Китае. В 1945 г. вернулся в Хабаровск, где умер в 1971 году. Его работа «Мы. Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин. 1926) содержала оригинальный взгляд на аутентичную русскость. Иванов практически не поднимал славянского вопроса, поскольку он находился в пространственной отдаленности, хотя акцент на «новой реальной культуре» как аутентично русской, а не азиатской, европейской или евразийской, позволяет идентифицировать его как наследника славянофилов.

Следующая четверка — дальнейшие разработчики в отдельных предметных областях проблематики евразийства, но дистанцирующиеся от ряда его положений.

К.А. Чхеидзе (1897, Моздок — 1974, Прага) был сподвижником Савицкого, с которым познакомился в Болгарии, куда, в свою очередь, прибыл из Константинополя после поражения Врангеля в Крыму; он был также осужден в 1945 г. на 10 лет и в 1956 г. вернулся в Прагу (как и Савицкий). Примкнул к евразийству в конце 1920-х гг. и сделал многое для распространения его идей среди чехов, выпустив ряд работ на чешском языке и публикуясь в чехословацкой периодике. Он часто писал о кавказской составляющей евразийства, познакомив с ней не только Чехословакию, но и всю Европу.

П.М. Бицилли (1879, Одесса — 1953, София) окончил Новороссийский университет, в 1917 г. защитил диссертацию в Петрограде, а с 1920 г. жил и творил в Сербии и Болгарии, где и примкнул к евразийству; его концепт локальных цивилизаций неплохо сочетался с идеями этого течения. В 1927 г. Бицилли выступил в статье «Два лика евразийства» с его критикой. Он обстоятельно писал о «нации» с учетом евразийских разработок, тщательно анализировал «украинский вопрос», рассматривая на широких славянских пространствах соотношение «культуры центра» и «культуры провинции». Работая с 1924 г. в течение более полувека в Софийском университете, Бицилли многое сделал для того, чтобы болгарская культура вышла из «провинциального пространства», чему не помешала даже начавшаяся в 1948 г. его травля как «белоэмигранта».

Я.Д. Садовский умер молодым от чахотки в Праге в 1925 г.; в рамках евразийства он разрабатывал экономическую проблематику и ввел понятие «демотия»: в отличие от демократии как западноевропейского способа регуляции социальной жизни через принцип представительства, оно выражает прямую связь государства с народными массами, опираясь на их моральную поддержку. Демотия соотносилась с властью советов и противопоставлялась олигархии; она, по мнению Садовского, в большей мере присуща славянским народам, чем романо-германским.

А.С. Лурье (1892, Париж — 1966, Принстон) — музыковед и филолог; как и большинство евразийцев, выстроил жизненную траекторию по лункам: Крым — Константинополь — София — Берлин — Париж — Нью-Йорк. Лурье, как и Сувчинский, — музыковед и еще больший футурист. Однако будучи таковым, почему-то принял католичество. Социальную жизнь трактовал как «театр действительности» с ее алогизмами — именно их, по его мнению, довольно адекватно отражает славянская музыка, устремленная в будущность с присущими ей туранскими мотивами.

С.Я. Эфрон родился в Москве, через Константинополь прибыл в 1925 г. в Прагу, а в 1926—1937 гг. жил и издавал альманах «Версты» в Париже, вернулся в СССР и в 1941 г. погиб в заключении. Соиздатель альманаха «Версты», он обозначил цель евразийства как «установление возможных подходов к России и к русскому»; оно же, в свою очередь, «больше самой России, оно есть особое и наиболее острое выражение современности»¹³. Эфрон считал, что именно Россия освободит славянство, а затем и Запад от духовного рабства.

Траектория движения Д.П. Святополка-Мирского, родившегося в 1890 г. в Харьковской губернии, такова: Польша — Греция — Англия — СССР; умер в лагерной больнице близ Магадана в 1939 году. Святополк-Мирский допускал конвергенцию евразийства с коммунизмом и даже стал членом Компартии Великобритании, а в 1932 г. оказался в СССР. Его социологический подход к литературному процессу, включая критику «культы смерти», якобы присущего верхним культурным этапам, не отменяет глубины суждений и меткости наблюдений. Евразийцы ценили его за тезис о переносе ценностей «вздыбившейся» славянской культуры на Запад, за высокую оценку «скифизма» Блока и Белого, за апологию духа культурного обновленчества. Его отход от евразийства оказался для многих неожиданностью, но сам Святополк-Мирский принял на себя миссию внедрения ряда его ценностей в СССР.

Если взять жизнеописание родоначальника евразийства, князя Трубецкого, а также завершителей этого течения — еще одного князя, Святополка-Мирского, и выходца из среднего сословия с еврейскими этническими корнями Эфрона, то нельзя не обратить внимания на сходный трагизм их судеб. Смерть первого была вызвана вопросом в Венском гестапо — в подозрении в связях с СССР, которых по сути не было, и что сам Трубецкой осуждал, отходя от ориентированных на эти связи кругов. (По свидетельству Савицкого, жена и дочери его соратника прониклись «германскими началами» в отличие от идеалов мужа и отца). Второй и третий, уподобляясь героям греческой трагедии в своем презрении к возможной смерти, поехали в новую Россию и там погибли. Их судьбы — явное свидетельство того, что евразийство было не только умонастроением, но и жизненным выбором с полной самоотверженностью в его осуществлении.

Ключевое противоречие подхода к решению славянского вопроса у большинства евразийцев заключается в том, что они — оказавшись во время выработки своих основополагающих идей как раз на славянских землях и во вновь созданных здесь государствах — скептически смотрели на роль славянства и обосновывавшие эту роль идеи. Этот скепсис был зафиксирован в остро критических суждениях тех же Трубецкого и Савицкого. Савицкий писал в третьей книге «Евразийского временника» (Берлин. 1923): «Между отдельными славянскими народами есть культурно-исторические и более всего языковые связи. Но как начало культурного своеобразия понятие языкового славянства, во всяком случае, в том его эмпирическом содержании, которое успело сложиться к настоящему времени, дает немного. Историческое своеобразие России явно славянское, но не может определяться ни исключительно, ни даже преимущественно ее принадлежностью к славянскому миру»¹⁴.

Через год после этой констатации Трубецкой подчеркивал: «Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим “единственное”, ибо другие связывающие звенья призрачны. “Славянский характер” или “славянская психика” — мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического антропологического типа. “Славянс-

кая культура” — тоже миф, ибо каждый славянский народ вырабатывает свою культуру отдельно, и культурные влияния немцев, итальянцев, турков и греков на тех же славян. Более того, славяне принадлежат к различным этнографическим зонам»¹⁵.

С другой же стороны, идейные оппоненты евразийства и даже сочувствующие ряду его идей мыслители трактовали представителей этого течения как поздних славянофилов и даже панславистов. Так считали Н. Бердяев, исходивший из новоградских либеральных позиций, и П. Струве, руководствуясь более консервативными установками. Оценки такого рода просматриваются и у современных исследователей.

Действительно, евразийский проект во многом восполнял идеи всеславянства в их демократическом (кирилло-мефодиевцы) и консервативном толковании. Более того, тот факт, что именно русские как славянский народ освоили континент Евразия, говорил, по их убеждению, и в пользу ранних славянофильских идей, допуская спасение Россией и «загнивающего» Запада.

И все же, проблема «евразийство и славянство» намного сложнее, чем видится на поверхности. Конечно, основные взгляды его лидеров на славянство выводились из общих мировоззренческих установок. Они в каждом отдельном случае характеризовались достаточно значимыми отличиями — как по предметным полям (у Трубецкого, например, здесь просматривается опора на языкознание, у Савицкого — на экономическую географию, а у Сувчинского — на культурологию), так и по методам исследования, способам изложения, исследовательским процедурам. Но все они, так или иначе, отходили от установок евроцентризма и доминирования в его рамках романо-германского начала, которое в разной степени захватывало и славянские народы, включая русский, лишая их культурной идентичности в рамках Европы. Так, по мнению Трубецкого, Россия, со времен Петра I «вступив на путь романо-германской ориентации, оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации»¹⁶.

Евразийцы признавали равноправие всех народов как своеобразных личностей, независимо от степени, а точнее характера их «цивилизационного развития»; русский же народ выступает носителем начал евроазиатского национализма, доказав своей историей и практикой государственного строительства возможность продуктивного сосуществования самых разных народов и этносов. Этому способствовало оправославнивание, которое «перемалывало» византийские, туранские и монгольские составляющие в ходе истории. По их убеждению, эволюция революции 1917 г. предоставила возможность избежать крайностей русификации как превращенной формы европеизации и дать весомый шанс осуществиться подлинно евразийскому проекту. Эмпирические корреляты такого проекта тот же Трубецкой обнаруживал в успешной языковой политике СССР, а Савицкий — в активизации связей между этносами путем подтягивания культуры некоторых из них к более высокому уровню.

«Общежительность» русского и восточных народов в ходе долговременной истории выражается в том факте, что практически ни один из этносов не был истреблен, а в той или иной степени сохранял свою идентичность. Конечно, процессы их сближения шли не без проблем, сопровождаясь тем же грабежом, спаиванием и т.д., что и

отмечалось многими евразийцами. Но общий вектор характеризовался именно общежительностью, что и дало основание считать гипотезы евразийства весьма продуктивными.

Германские племена, считали евразийцы, еще в средневековые времена прошли катком по восточным соседям: были уничтожены едва ли не десятки славянских этносов (прусы и др.) или же они оказались полностью ассимилированы (лужицкие сербы). Факты совместного проживания со стороны германцев обнаруживаются с большим трудом и в дальнейшем¹⁷. Ассимиляционные процессы даже в XVIII—XIX вв. были очень интенсивными, и польские земли, особенно отошедшие к Пруссии и затем вошедшие в Германскую империю, а в меньшей степени — Австро-Венгерскую, ощущали на себе нивелирующее давление. То же можно сказать и о чешских землях, заселенных немцами (Судеты), на что неоднократно указывали евразийцы.

Если продолжить их мысль, то следует признать: конечно, эти события едва ли не напрочь забываются в русле доминирования сегодня установок евроатлантизма и откровенной русофобии среди некоторых частей политической элиты стран бывшей Восточной Европы. А ведь, если сравнить то же состояние польского вопроса, то здесь открывается много любопытного.

Известно, что большая часть польских земель вошла в Российскую империю, особенно после окончания войн с Наполеоном. Известно также, что именно российские поляки постоянно организовывали восстания, защищали свою культуру, всемерно обличали метрополию, активно выступали против русификации. При этом те же польские помещики с большими трудностями расставались со своей собственностью, выступая в качестве эксплуататоров белорусского и украинского населения, о чем в частности пишет французский исследователь Д. Бовуа¹⁸.

Польское же движение в австрийских и общегерманских землях было гораздо менее интенсивным. Внимательнейшим образом изучил эту проблему в своих трудах М. Драгоманов¹⁹ и, несмотря на свои антиимперские установки, отметил, что культурная экспансия в них на польские земли последовательно подрывает идентичность поляков, иссушая их душу. Об этом же писали А. Герцен и М. Бакунин.

Возникает вопрос — где в большей степени игнорировался польский вопрос — в Российской империи, в границах которой польский народ все же сохранял свою культурную и национальную идентичность, постоянно восставал, а польская элита с трудом лишалась сословных привилегий — или же в польских землях, входивших в Германскую и Австро-Венгерскую империи?

Следует еще раз и со всей определенностью подчеркнуть, что проблема воздействия Октябрьской революции на процессы государственного строительства в странах региона после евразийцев не только не обсуждалась, но и не была со всей серьезностью поставлена. В основном характеризовалось влияние революции на рабочее и коммунистическое движение, что лежит на поверхности, хотя более глубинным является вопрос об освободительном влиянии революции на государственные проекты в этих странах. Он затемняется тем, что практически все вновь появившиеся государства заняли антисоветские, а их интеллектуальные элиты русофобские позиции, поощряе-

мые, кстати, Западом (достаточно вспомнить казус с письмом Зиновьева 1924 г., аналогичным фальшивому казусу завещания Петра I).

В этом плане Польша выступала страной-агрессором против РСФСР, Чехословакия занимала позицию непризнания вплоть до середины 1930-х гг., Болгария проводила антироссийскую и антисоветскую политику, можно сказать, преемственно, выступив союзником Германии и в 1914, и в 1939 годах. Крайней противоречивостью отличались отношения по линии СССР — Югославия, хотя именно неуступчивость Сербии отодвинула начало агрессии Германии против СССР. Такой общий настрой в славянских государствах региона, можно сказать, является объективной причиной субъективного нежелания историков заниматься проблемой влияния революции на государственное строительство — как ранее и в меньшей мере этого не хотели делать и евразийцы.

Но факт общежитности славян в трудные времена все же остается фактом, и анализировать ее с учетом установок евразийства абсолютно необходимо. Сколько бы, к примеру, не навешивали идеологических ярлыков на созданный в 1941 г. Всеславянский комитет, полностью отрицать его конструктивную направленность в плане мобилизации сил славянства на борьбу с фашизмом нельзя.

Этноконтакты западноевропейских народов с достаточно крупными славянскими этносами в XX в. наполнены кровавыми событиями, вплоть до настоящего времени, если вспомнить бомбардировки одного из крупнейших славянских городов в 1999 г. авиацией НАТО. Евразийство в этом плане побуждает пристальнее всматриваться в историю не только самой Евразии, но и частей европейского континента, включая страны Центральной и Юго-Восточной Европы, которые сейчас выступают как поле закрепления начал евроатлантизма.

Славянский вопрос, так или иначе, решался в любых исторических обстоятельствах по-разному каждым из течений в рамках истории идей — и он же зачастую репрезентовался как принципиально нерешаемый. Может поэтому его помещали в некое «слепое пятно» своих воззрений евразийцы. Тем не менее, именно они задали вектор изучения не до конца выученного самими славянами урока общежитности.

Российская эмигрантская мысль 1920—1930-х гг. породила три идейных течения, два из которых — сменовеховство и движение младороссов — стали во многом достоянием истории идей, а одно — евразийство — не потеряло своей актуальности. Правда, и эти течения интересны в плане осмысления реалий истории и даже современной жизни.

Так, первое зафиксировало факт признания советской власти в России и предположило, что она непременно переродится в духе некоторого патриотического капитализма. Об этом писал Н. Устрялов, один из зачинателей отечественной политологии, тоже бывший ученик П. Струве (как и Савицкий) и также осужденный им за «фактоклонничество». Автор первых русскоязычных монографий об итальянском фашизме и немецком нацизме в этом плане оказался хорошим пророком: советская власть переродилась, хотя и не тем способом, как он предполагал, но обошлось это перерождение потерей империи, сохранение которой он ставил в заслугу большевикам.

Младороссы же и их ключевой идеолог А. Казем-Бек (не такой яркий политический мыслитель, как Устрялов, но не погибший, как

он, а вернувшийся в СССР и служивший в Патриархии) также признавали несокрушимость советской власти, выдавая другой прогноз: реализацию программы «советы плюс царь». Далее эта причудливая идея получила некий не менее причудливый резонанс, когда реформирование новой России порождало слухи о восстановлении империи, и были даже названы кандидаты на «пост царя». Но все же и их мысли о славянском вопросе — достояние всего лишь истории идей, чего нельзя сказать о третьих «фактопоклонниках» — евразийцах. Примечательно, что носители всех этих трех идейных течений, имея некую общую платформу, не так часто пересекались, зато интенсивно критиковали друг друга.

Славянский мир представлялся евразийцам — как в свое время и Тютчеву, чьи призывы к миру «сомкнуться сильнее» вспоминались лишь тогда, когда этот мир подвергался насильственному давлению²⁰ — сильнее разобщенным по сравнению с миром романо-германским, а тем более, англосаксонским, но они держали в поле зрения реальные факты общежительности славянских и неславянских народов.

Все же история XX в. показывала (а XXI в. демонстрирует в полной мере) следующий момент: если славянский проект не самодостаточен (тем более что его потенциальные реализаторы часто враждуют между собой — достаточно вспомнить вражду сербов и хорватов вчера, русских и украинцев сегодня), то и списывать его на свалку истории тоже вряд ли правомерно. К этому выводу приводит пристальный анализ взглядов на него евразийцев, даже вопреки тому, что славянский вопрос находился в «слепом пятне» их поля зрения — так в истории идей и порождающих их движений бывает.

Факт возвращения Крыма, трактуемый как акт агрессии большинством евроатлантистов, включая их последователей в странах бывшей Восточной Европы, самым резким образом обострил проблему отношения России с Западом. Страны этого региона при этом позиционируются как своеобразное евроатлантическое предместье, сдерживающее «агрессивную» Россию.

События на Украине обнажили воздействие многих геополитических механизмов, которые еще за 2—3 года до этого можно было бы считать архаичными. Обострение славянского вопроса в отношениях с Российской Федерацией в этом плане выступает и как срежиссированный внешними силами продукт, и как выявление острых внутриславянских противоречий («спор славян между собой»).

Особенностями этого конфликта являются агрессивно-информационные войны в условиях открытого медийного пространства. Это качественно новый момент в геополитическом противостоянии, побуждающий пересмотреть идейные устои существования и современной России. Отсюда активная, как никогда ранее, востребованность евразийской идеологии в ее новом формате.

Как бы то ни было, не только история идей, но и реальная политическая история не могут обойтись без решения проблемы их статуса, включая вопрос о соотношении евразийства и славянства. Его анализ требует новых методологических процедур, более того, таких подходов, в рамках которых сочетаются самые различные аналитические операции. Важен в этом плане ситуационный анализ, психологическое истолкование политических и экономических феноменов, инструментарий продуктивной геополитики, свободной от идеологических за-

вихрений. Здесь не обойтись пламенными выступлениями на различных телемедийных форумах, хотя и в их рамках можно отыскать как здравые мысли, так и меткие наблюдения. Нужен новый тип социального знания, носители которого видны с трудом ²¹.

Данную информационную войну правомерно рассматривать с учетом противостояния Евроатлантики и Евразии и того, что элиты стран региона бывшей Восточной Европы практически безоговорочно склоняются к первому, а второй для них — и не только для них — пренебрегаемая величина. Но этот полюс существует, он, несомненно, влияет на судьбы человечества, и задача заключается в том, чтобы выявить его на уровне концепции. Уяснению этого в немалой степени помогает обращение к идейному наследию евразийцев — даже с учетом того, что славянский вопрос и для них так и остался во многом невыученным уроком.

Примечания

Статья подготовлена в рамках проекта ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

1. Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Кн. 1. София. 1921.
2. Данный фактор в образовании этих государств далеко не второстепенен. На это указывал в своей книге один из русских эмигрантов, подчеркивая, что «ЧСР в случае уклонения России в 1914 году не родилась бы на свет. Приняв вызов Австрии, Россия, таким образом, создала ЧСР. Мало того, кроме России ни одна держава в мире сделать этого не могла». Цит. по: АБРАМОВ М.А., ЛАВРИК Э.Г., МАЛЕВИЧ О.М. Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение. В кн.: МАСАРИК Т.Г. Россия и Европа. Т. II. СПб. 2004, с. 602. Если монархически настроенный В. Лазаревский вывел появление новой Чехословакии из самопожертвования имперской России, то Ю. Фучик и другие чехословацкие левые считали, что без 7 ноября 1917 г. не было бы и 28 октября 1918 г., то есть, по их убеждению, не самодержавие, а большевистская революция сделала возможным возникновение Чехословацкой республики. Там же. Политические же элиты этих государств считали их творением американского президента В. Вильсона, а вовсе не следствием революции, давшей импульс их национальному самоопределению; он был подавлен импульсом признательности Вильсону, памятники которому воздвигались в столицах этих государств в самых почетных местах.
3. Новая философская энциклопедия. Т. 2. М. 2010, с. 11.
4. ТОПОРОВ В.Н. О романе Андрея Белого «Петербург» и его фоносфере в «евразийской» перспективе. В кн.: Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М. 2003, с. 181.
5. ПАЩЕНКО В.Я. Социальная философия евразийства. М. 2003. Автор справедливо пишет: «Центральной проблемой, по которой евразийцы заняли жесткую антиславянскую позицию, стала проблема славизма и панславизма». Там же, с. 183. Это так, но, на наш взгляд, есть достаточно оснований считать их некими «попугаями славянофилами». Действительно, разве не заслуживает внимания тот факт, что Савицкий описывал освоение Азии и становление Евразии, подчеркивая активность как раз славянских народов в прошлом? И не доказал ли Сувчинский, что именно культур-импульс славянской музыки и живописи обновил культуру Европы? И не всеобщей отзывчивостью ли славян вдохновлялись уже достаточно поздние экуменические проекты Флоровского?
6. ГЛЕБОВ С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М. 2009, с. 27.
7. Заслуживает внимания, например, его замечание о «призрачности связи евразийства со славянофильством» в письме П. Сувчинскому от 15 января 1925 г. (Там

- же, с. 286), а также исполненное иронии суждение в письме от 29 июля 1924 г. о том, что на съезде славянских этнографов в Праге «чехи обсуждают вопрос о том, считать ли славянами русских, преподающих в немецких университетах». Там же, с. 254.
8. САВИЦКИЙ П.Н. Избранное. М. 2010, с. 545.
  9. ТРУБЕЦКОЙ Н. Европа и человечество. София. 1920.
  10. Современный музыковед пишет: «Идея евразийства могла зародиться и зацвести только у жителей периферийных по отношению к равнинному “российскому центру” и переходных областей (Украина, вышедший к морю Санкт-Петербург)... Самая концепция имела как минимум несколько веков истории. Правда, вместо “Евразия” было принято говорить “Сарматия”, но территория эта, порубежна между Европой и Азией, совпадала с нынешней Украиной — “Южной Россией”; как раз она была рассечена Днепром-Борисфеном». См.: ВИШНЕВЕЦКИЙ И.Т. Из эстетики и практики музыкального евразийства. В кн.: Евразийское пространство, с. 499. Сарматия практически не попала в поле рассуждений Сувчинского, хотя воспоминания о ней подспудно содержатся в описаниях музыкального ренессанса — подлинного славянского подъема в мировой музыке.
  11. В 1923 г. Флоровский принимал участие в организации Русского студенческого христианского движения в чехословацком городе Пршерове; примерно это время можно считать началом его дрейфа от евразийства к экуменизму.
  12. ФЛОРОВСКИЙ Г.В. Россия и латинство. Берлин. 1923, с. 170.
  13. Цит. по: КУДРЯВЦЕВ В.Б. Периодические и непериодические издания русского зарубежья. 1918—1941. М. 2011, с. 114.
  14. САВИЦКИЙ П.Н. Ук. соч., с. 191.
  15. ТРУБЕЦКОЙ Н. Наследие Чингисхана. М. 2000, с. 218.
  16. Там же, с. 127.
  17. В меньшей степени евразийцы рассматривали специфику колониального освоения Америки, особенно Северной, сопровождавшегося гибелью местных народов. При этом Савицкий считал Америку параллелью Евразии и страной будущего. Трубецкой же видел всего лишь конденсированную Европу, имплицитно враждебную Евразии.
  18. БОВУА Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793—1814. М. 2011.
  19. ДРАГОМАНОВ М.П. Историческая Польша и великорусская демократия. 1881—1882. В кн.: ДРАГОМАНОВ М.П. Политические сочинения. Т. 1. М. 1908.
  20. Достаточно вспомнить первую строфу знаменитого стихотворения Ф.И. Тютчева:
«Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...»,
равно как и его историософские сражения с противниками славян и утопию о славянском единстве. «Логика Тютчева, если ее немного спрямить, такова: Запад в кризисе, выход из него — Революция, но ведь она может трактоваться как самоубийство цивилизации. Российская империя, как уже отмечалось выше, поэтому спасает Запад ради самого Запада (нужно лишь добавить: что она и сделала в годы Второй мировой войны), но для этого она должна расширяться географически, в частности, захватить Константинополь, чтобы оттуда бороться с римским папизмом и германской квазиимперией. В общем она должна осуществить одновременно некий *Drang nach Westen* наряду с движением в противоположном направлении *Drang nach Osten*» См.: Вопросы истории. 2014, № 1, с. 50—51.
  21. Эту проблему мог бы рассмотреть ушедший из жизни в относительно молодом возрасте В. Цымбурский, некоторые ее аспекты были затронуты в его трудах. См.: ЦЫМБУРСКИЙ В. Борьба за евразийскую Атлантиду: геоэкономика и геостратегия. М. 2000. Другие же мыслители в русле неоевразийства занимаются, скорее, историографией и историей идей, чем конструированием концептов, соответствующих запросам времени.

Секретный доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС и судьбы репрессированных народов

Х.-М.А. Сабанчиев

Аннотация. В работе рассматриваются цель, ход подготовки и значение секретного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС. Акцентируется внимание на поворотных, с точки зрения развития национальной политики, решениях нового руководства. Раскрывается значение XX съезда КПСС в восстановлении депортированных народов в гражданских правах. Прослеживаются итоги начатого Хрущёвым процесса реабилитации репрессированных народов СССР.

Ключевые слова: Р.С. Хрущёв, доклад, И.В. Сталин, репрессии, репрессированные народы, спецпоселение, гражданские права, восстановление автономий, реабилитация.

Abstract. The goal, the process of preparation and the importance N.S. Khrushchev's secret report at the XX Congress of the CPSU are considered. A special attention is drawn to the decisions of the new leadership of the country, which are pivotal from the national policies development point of view. The watershed of XX Congress of the CPSU in the restoration of the repressed peoples civil rights is revealed. The results of the USSR repressed peoples rehabilitation started by N.S. Khrushchev are traced.

Key words: Khrushchev, report, Stalin, repressions, repressed peoples, special settlement, civil rights, autonomy recovery, rehabilitation.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на закрытом заседании которого Первый секретарь ЦК партии Н.С. Хрущёв выступил с докладом, переломившим ход советской истории и всколыхнувшим все советское общество. С него берет начало либерализация политической жизни. И сегодня, по прошествии 60 лет, интерес к этому событию не угасает. В стране и за рубежом растет понимание значения того коренного поворота в политике КПСС и Советского Союза, которое связано с XX съездом и с именем Хрущёва, совершившего этот поворот.

Важно подчеркнуть, что не одна прагматика двигала Хрущёвым в давно назревшем деле разоблачения сталинских преступлений, а

Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru.

Sabanchiev Khadzhi-Murat A. — doctor of historical sciences, professor of Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru.

объективные пороки тоталитарного режима. К осени 1955 г. в Президиуме ЦК КПСС накопился значительный материал о политических репрессиях и личной ответственности Сталина за совершенные преступления в отношении рядовых коммунистов и партийных руководителей во второй половине 1930-х годов. 30 декабря 1955 г. была создана комиссия во главе с секретарем ЦК П.Н. Поспеловым. Ей поручили изучить материалы о массовых репрессиях в период 1935—1940 годов. Комиссия получила право запрашивать все необходимые для работы материалы. В Президиум ЦК пошла систематическая информация о собранных ею фактах. Чем больше выявлялось документов, тем чаще и острее вставали вопросы о причинах и виновниках трагедии, об отношении к Сталину и его политике, о предании гласности ужасающих фактов¹. Поэтому неверно объяснять XX съезд партии личной корыстью Хрущёва и не видеть в нем ответ на чаяния общества, уставшего от политики террора и постоянного страха. Накануне больших свершений народ нуждался в консолидирующем и вдохновляющем глотке свободы. По мнению В.П. Наумова, было бы ошибкой полагать, что лишь субъективные моменты определили направленные на преодоление последствий сталинизма действия Хрущёва и других членов Президиума ЦК. Советский Союз стоял перед необходимостью принятия кардинальных мер, направленных на реформирование существующего режима при сохранении его сущности. Это и была одна из важнейших причин, побудивших руководителей партии выступить с критикой сталинизма².

Решения о созыве первого после смерти Сталина съезда было принято Президиумом ЦК КПСС 8 апреля 1955 года. Тогда же утвердили и месяц проведения съезда — февраль. Извещение о созыве очередного XX съезда партии появилось в печати в июле 1955 года. Съезд должен был утвердить директивы к шестому пятилетнему плану, а также заслушать Отчет ЦК КПСС.

Хрущёв выступил инициатором подготовки доклада о культе личности и его последствиях. Многие подробности зарождения этой знаменитой инициативы известны по публикациям Р. Медведева, В.П. Наумова, Ю.В. Аксютинина, Дж. Боффа и других³. Против намерения предать гласности преступления Сталина выступили В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков и К.Е. Ворошилов. Последний при этом вопрошал: «А что с нами будет?»⁴ Письмо от А.В. Снегова, члена КПСС с 1917 г., делегата с X по XVII съезды партии и политзаключенного, с предложением пригласить на съезд группу реабилитированных старых коммунистов подтолкнуло Хрущёва сделать новый шаг. 3 февраля 1956 г. решением Президиума ЦК секретариату ЦК было поручено рассмотреть вопрос о выдаче пропусков «группе коммунистов, которые в прошлом неправильно исключены из партии и ныне восстановлены в рядах КПСС». Хрущёв предложил, чтобы ветеран ГУЛАГа Снегов и еще два-три недавно реабилитированных партийных работника выступили на съезде как обвинители Сталина от лица миллионов репрессированных. Но и эта идея была отклонена. «Ты предлагаешь, чтобы бывшие каторжники судили нас», — возмутился Каганович. В ответ Хрущёв представил 32 письма Кагановича в НКВД с требованием ареста руководящих партийных работников⁵. 9 февраля Президиум ЦК КПСС принял решение пригласить на съезд «группу старых коммунистов».

Партийная верхушка принялась уговаривать Хрущёва не делать на съезде доклад о культе Сталина или перенести его на следующий съезд. Однако Хрущёв был не согласен: «Очень важно, что мы должны сказать о культе именно на этом съезде, первом после смерти Сталина»⁶.

В ЦК партии Хрущёв опирался на поддержку «молодых» членов и кандидатов в члены Президиума ЦК — А.И. Кириченко, Л.И. Брежнева, Ф.Р. Козлова, секретарей ЦК А.Б. Аристова, П.Н. Поспелова и др. Гарантию на успех ему давала поддержка министра обороны Г.К. Жукова и председателя КГБ СССР И.А. Серова. Н.А. Булганин, М.З. Сабуров, Г.М. Маленков также решили поддержать Хрущёва.

13 февраля Президиум ЦК решил предложить Пленуму, а в случае его одобрения и съезду доклад «О культе личности и его последствиях». Состоявшийся в тот же день Пленум ЦК принял это предложение и утвердил докладчиком Хрущёва. Поручение Поспелову подготовить текст доклада было дано еще 9 февраля, когда рассматривались итоги работы комиссии. 13 февраля пленум ЦК принял решение подключить к работе над докладом секретарей ЦК Аристова и Д.Т. Шепилова⁷.

Никита Сергеевич начал активно готовиться ко второму докладу, который оказался главным событием XX съезда, а также всей жизни и деятельности самого Хрущёва. Основой для доклада послужили материал о преступлениях Сталина, подготовленный комиссией секретаря ЦК академика Поспелова, содержание бесед Никиты Сергеевича с реабилитированными членами партии и собственные воспоминания. Проект выступления был разослан членам Президиума ЦК КПСС для внесения замечаний. Поправки, сделанные разными почерками в тексте, говорят о том, что экземпляр М.А. Суслова читали не меньше трех человек. Самый, пожалуй, любопытный эпизод — то, что именно на экземпляре человека, сыгравшего трагическую роль в судьбе карачаевского народа, выведено предложение для вставки: «Поправки нац. прав народностей 1943—1944 гг. Карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы»⁸.

К 23 февраля окончательный вариант доклада был готов. В первый экземпляр текста, который зачитывался на заседании съезда, были добавлены три вставки. Одна из них касалась депортации кавказских народов⁹.

XX съезд открылся 14 февраля 1956 г. в Кремле в присутствии 1426 делегатов и представителей 55 дружественных партий. Вплоть до исторического «закрытого заседания» съезд проходил спокойно, ничто не предвещало политической сенсации. 25 февраля при закрытых дверях, только перед советскими делегатами, Хрущёв в течение четырех часов зачитывал свой «секретный» доклад. Помимо делегатов съезда в Кремль пригласили около 100 недавно реабилитированных партийных работников, список которых Хрущёв лично просмотрел и утвердил.

Еще в отчетном докладе он вскользь сказал о «преодолении культа личности», но имя Сталина не называлось. Теперь же необходимо было совершить подвиг, раскрыв это туманное понятие, назвав его по имени. Отметив принадлежность права окончательного решения по всем важнейшим вопросам Сталину, Хрущёв впервые открыто назвал Сталина инициатором и организатором всех репрессий. Из док-

лада участники съезда узнали о поражавших воображение и ввергавших в ужас преступлениях обожествленного кумира. Доклад состоял из полутора десятков сюжетов. В мертвой тишине зала Никита Сергеевич переходил от темы к теме. Весь пафос выступления был направлен на осуждение сталинских беззаконий.

Хрущёв говорил о незаконных методах ведения следствия и нечеловеческих страданиях людей, не выдержавших моральных и физических мук и подписавших вымышленные показания, приводил примеры необоснованных репрессий, расправ с видными партийными и государственными деятелями во имя беспредельной личной власти Сталина. Сталин предстал безжалостным палачом, человеком, лишенным элементарных нравственных качеств. Некоторым делегатам становилось плохо, их выводили из зала и даже выносили на носилках. Хрущёв развенчал Сталина и как вождя. Делегаты съезда впервые узнали о «Завещании Ленина», об оценках, которые он давал Сталину еще в начале двадцатых годов. Глубинный смысл доклада был направлен на то, чтобы развенчать миф о Сталине как «наследнике» и «гениальном продолжателе» дела Ленина, то есть отделить искусственно соединенные в период культа личности имена Ленина и Сталина. Доклад Хрущёва нарисовал новый портрет Сталина — портрет властолюбивого, кровавого, беспощадного диктатора и тирана ¹⁰.

Нетрудно представить, какое требовалось мужество, чтобы всего через три года после смерти генералиссимуса перед сотнями наиболее приближенных к нему высокопоставленных лиц говорить о преступлениях «вождя народов». Как отмечает профессор Д.А. Волкогонов, тогда Хрущёв «совершил настоящий гражданский, исторический подвиг мысли, политики, действия... проявил историческую смелость, гражданское мужество, способность перешагнуть через десятилетиями создававшиеся предрассудки» ¹¹.

Трудно было что-либо противопоставить открывшейся горькой правде. Это был шок. Речь Хрущёва дала возможность освободить, реабилитировать миллионы людей, снять с них клеймо опасных преступников, врагов народа ¹². Благодарность XX съезду и сделавшему его историческим Хрущёву в той или иной степени испытывали миллионы жертв сталинских репрессий.

Следует отметить, что пришедшее к власти после смерти Сталина руководство страны отметило начало своей деятельности рядом решений, поворотных с точки зрения развития национальной политики. В ряду этих акций — постепенный процесс восстановления в правах репрессированных народов. В течение 1954—1955 гг. Советом Министров СССР и Президиумом Верховного Совета СССР был принят ряд нормативно-правовых актов, снимающих некоторые ограничения в правовом положении спецпереселенцев. Работающим спецпоселенцам предоставлялось право передвижения в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам — и в другие города страны на общих основаниях. Из-под административного надзора и с учета снимались дети спецпереселенцев в возрасте до 10 лет включительно, а также дети старше 16 лет, обучавшиеся в учебных заведениях. Несколько ограничивались полномочия комендантов спецкомендатур. Штрафы и аресты как мера наказания за нарушение режима в местах поселения были отменены.

Устранялись наиболее жестокие и одиозные пункты режимного распорядка спецпоселений. 13 июля 1954 г. был принят Указ ПВС СССР об отмене Указа от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». По Указу от 13 июля 1954 г. спецпоселенцы за побег уже не приговаривались, как раньше, к 20 годам каторжных работ, а подлежали лишению свободы до трех лет.

Постановлениями Президиума ЦК КПСС и правительства с учета режима спецпоселений были сняты и освобождены из-под административного надзора члены и кандидаты в члены КПСС и члены их семей, участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР, члены семей погибших в ходе боевых действий.

После визита канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР осенью 1955 г. последовал Указ ПВС СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 г. — ключевой документ, положивший начало массовому процессу освобождения народов. Освобождению подлежали остававшиеся на спецпоселении российские немцы. Этот указ взбудоражил всех спецпереселенцев. Ситуация складывалась таким образом, что, отменив особый режим в отношении одного депортированного народа, уже нельзя было не принять аналогичных решений в отношении других депортированных народов.

Политэмигранты из СССР активно поднимали вопрос о сосланных в Среднюю Азию и Казахстан репрессированных народах: обращались в ООН, Госдепартамент США, в различные общественные организации с целью привлечь внимание мирового сообщества к данной проблеме. Именно благодаря этому мир узнал о массовых депортациях по национальному признаку, которые проводились в СССР. Они были также инициаторами постановки вопроса перед мировой общественностью о восстановлении репрессированных народов в гражданских правах, полной их реабилитации. Лидеры западных стран не упускали случая поинтересоваться о правах человека в СССР и тем самым ставили советских руководителей в довольно трудное положение. Проблема репрессированных в СССР народов стала одной из актуальных проблем, носивших международный характер. В это время ни государство, ни партия не были готовы к тому, чтобы ликвидировать беззаконие в отношении своего народа и причины, породившие его.

Правительство избрало поэтапный путь снятия ограничений. Выработка органами власти новых подходов к судьбе репрессированных народов обосновывалась утратой значения тех обстоятельств, которые послужили основанием для выселения. Поэтапное снятие ограничений по спецпоселению стало альтернативой единовременной и полной реабилитации депортированных народов. На этом этапе ни один из «наказанных народов» пока еще не получил легитимного права на возвращение на родину. Тем не менее, либеральные решения правительства сыграли важную роль в улучшении жизни спецпереселенцев в местах поселений. В 1955 г. депортированным начали выдавать паспорта, молодежь стали призывать на срочную службу в армию.

В докладе «О культе личности и его последствиях» были рассмотрены и такие специальные проблемы, как Сталин и война, депортация кавказских народов в период войны в восточные регионы страны. Впервые высшим должностным лицом страны была дана оценка совершенному Сталиным и его ближайшим окружением произволу в отношении репрессированных народов. В докладе прозвучало признание, что власть в официальных документах зачастую санкционировала создание картины, весьма далекой от реальной. Выселение карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей и балкарцев Хрущёв назвал «грубым попранием национальной политики советского государства». В своем докладе он подчеркнул массовый, поголовный характер выселения, отклонил довод о том, что при выселении руководствовались военными соображениями, так как в то время уже определился перелом в ходе войны в пользу СССР. Хрущёв не забыл упомянуть о намерении Сталина выслать украинцев, но их оказалось «слишком много и некуда выслать. А то бы он и их выселил»¹³. XX съезд партии предложил возродить незаконно упраздненные национальные автономии репрессированных народов.

Однако вне поля зрения докладчика остались поволжские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, корейцы и др., то есть большая часть депортированного населения. Возможно ли обычными словами передать, какое потрясение испытывали представители этих народов, о будущем которых не было сказано ни слова. «Почему?.. Неужели мы все еще под подозрением?» — задавался вопросом каждый из них. Во время сессии, где обсуждались судьбы депортированных народов, когда зашла речь о крымских татарах, Хрущев якобы сказал: «Нецелесообразно иметь две татарские автономные республики»¹⁴. Конечно, не могли не сыграть свою роль окружавшие Хрущёва недавние соратники Сталина, со стороны которых он испытывал давление, которому не всегда был в силах противиться. Тем не менее, публичное осуждение массовых репрессий против северокавказских этносов имело огромное значение для судеб всех депортированных народов, способствовало проведению ряда мероприятий, направленных на восстановление справедливости.

Спустя месяц после съезда, 13 марта 1956 г., советское правительство своим постановлением впервые разрешило некоторым спецпереселенцам вернуться в родные края. В апреле и июле 1956 г. появились указы Президиума Верховного Совета СССР о снятии ограничений по спецпоселению с балкарцев, карачаевцев, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев, чеченцев, ингушей и членов их семей. Это еще не было полным восстановлением их прав. Во всех указах констатировалось, что снятие людей с учета спецпоселений не влечет за собой возвращения им конфискованного имущества и, что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены. Отметим также, что ни один из «освободительных» указов не отменял содержательной части ранее принятых решений о депортации.

Хотя эти указы не давали права всему народу вернуться на родину, люди массами стали возвращаться на Кавказ, бросая все нажитое в тяжелейших условиях спецпоселения. Самовольное возвращение репрессированных народов Кавказа ускорило принятие официальных решений о воссоздании их упраздненной государственности.

Весной 1956 г. были созданы комиссии Верховного Совета СССР и Президиума ЦК КПСС для расследования репрессий. Правительствен-

ная комиссия во главе с А.И. Микояном проводила расследование обвинений, предъявленных «наказанным народам», обобщала поступавшие предложения. Депортированные народы посылали своих представителей в Москву с наказом добиться приема у руководителей страны и решить вопросы реабилитации и возвращения на родину. Летом 1956 г. Хрущёв принял делегацию карачаевцев, Микоян — представителей чеченцев и ингушей, Ворошилов — делегацию калмыков, Брежнев дружески обсуждал перспективы возвращения балкарцев на Кавказ ¹⁵.

Из Москвы в места проживания переселенных народов были отправлены ответственные работники центрального аппарата. На проводимых ими собраниях открыто дискутировался вопрос о возвращении на родину. Ответственные работники ЦК КПСС Е. Громов и В. Чураев отмечали, что многие настоятельно просили и о восстановлении национальной автономии. К предложениям о создании национальных районов или автономной области в тех республиках, где они сейчас находятся, относились весьма отрицательно ¹⁶.

Положение осложняло довольно плотное заселение территории, на которой ранее проживали высланные народы, переселенцами из других мест. В иных случаях возвращаться надо было практически на пустые места, в разрушенные и не заселенные со времени высылки населенные пункты. Принимая это во внимание, центральное руководство стремилось удержать народы в местах их принудительного расселения ¹⁷. Но решимость и неистребимое желание вернуться на родину победили. Поэтому в центральных органах обсуждались детали законодательного решения вопросов восстановления автономии, урегулирования правовых и экономических проблем, связанных с переселением людей из мест ссылки на прежнее место жительства. Центральная власть стремилась разобраться в этих сложных вопросах и найти оптимальное решение.

Как отмечает К.Н. Максимов, после восстановления репрессированных народов в гражданских правах ЦК КПСС и советское правительство постепенно стали принимать меры по их реабилитации. Поэтому в очередных партийных и государственных документах тональность и вектор направления политики по отношению к репрессированным народам стал меняться ¹⁸.

16 октября 1956 г. группа специалистов партийных и центральных советских ведомств, обобщив все предложения и рекомендации, представила на имя Микояна проект постановления ЦК КПСС. 24 ноября 1956 г. проект был рассмотрен на заседании Президиума ЦК КПСС. В тот же день ЦК КПСС принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В нем была сделана попытка дать оценку допущенному произволу, а сама высылка осуждалась как акт беззакония. Отмечалось, что массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, а было одним из проявлений культа личности. В документе признавалось, что принимаемые меры недостаточны и не решают задачи полной реабилитации необоснованно выселенных народов и восстановления их равноправия с другими нациями страны. ЦК КПСС считал необходимым восстановить национальную автономию указанных народов и разрешить им возвращение на родину.

Постановление явилось документом особой важности, сыгравшим большую роль в судьбах бывших спецпереселенцев. Однако оно не имело правовой основы, поскольку только ПВС СССР — высший законодательный орган страны — имел право отменить указы о высылении народов и принять указы о восстановлении их государственности. Но в советский период партийный орган нередко подменял высший орган государственной власти страны. Поэтому постановление ЦК КПСС было принято к неукоснительному выполнению всеми органами власти СССР и РСФСР, с четким соблюдением всех законодательных процедур и с тщательным изучением проблемы на местах, обеспечением нормативной базы, содержащей перечни средств для обустройства возвращавшихся народов.

Решение ЦК КПСС приняло конституционную форму в соответствующих указах ПВС СССР. 9 января 1957 г. последовали Указы «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР», «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область», «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР». В тот же день были приняты соответствующие Указы ПВС РСФСР. 11 февраля 1957 г. эти указы обрели силу закона, и плановое возвращение депортированных народов на родину началось ¹⁹.

Восстановление автономии, возвращение в родные места жертв сталинизма стали важными событиями во внутренней жизни СССР, явились знаковыми жестами со стороны власти как свидетельство ее готовности восстановить историческую справедливость. Хрущёв обязал все органы власти проявлять максимальное внимание к реабилитированным лицам и опальным народам ²⁰.

Однако по-прежнему не была восстановлена справедливость в отношении крымских татар, турок-месхетинцев и советских немцев. Формальная реабилитация последних состоялась в августе 1964 г., но без восстановления автономной республики немцев Поволжья.

После октябрьского пленума ЦК партии в 1964 г. и снятия Хрущёва со всех постов работы, связанные с выполнением решений закрытого заседания XX съезда, прекратились. С 1965 г. становилось все более запретным упоминание о репрессиях. Более того, стали приниматься меры, имевшие целью предать забвению преступления Сталина. Сам XX съезд на долгие годы попал в полосу идеологического запрета. Даже в трудах профессиональных историков о нем можно было упоминать лишь мельком, в связи с пресловутым культом личности. В результате административного вмешательства в развитие исторической науки тема депортации оказалась в ней табуированной и закрытой для исследования на десятилетия. Замалчивание трагических событий тех лет вызывало недовольство как со стороны репрессированных народов, так и со стороны ученых, поскольку наносило существенный вред самой исторической науке. Накопившиеся проблемы в сфере международных отношений лидерами государства периода застоя упорно игнорировались. Тревожные процессы пытались утопить в потоке казенного славословия в честь дружбы и братства народов СССР.

Не решаемая десятилетиями проблема крымских татар, месхетинских турок, поволжских немцев не могла не вызывать у них чув-

ство тревоги за свое будущее. Общественные движения этих народов стали обращаться в ЦК, правительство, в различные государственные инстанции с просьбой восстановления их равноправия и возвращения к прежним местам жительства. Последовали Указы ПВС СССР от 5 сентября 1967 г. по крымским татарам, 30 мая 1968 г. по туркам-месхетинцам, а в 1972 г. по советским немцам, разрешавшие им возвращение в родные места. Но о восстановлении автономии и прав в те годы не было и речи. Местные партийные и советские органы разрабатывали и осуществляли на местах принудительного заселения этих народов комплекс мероприятий по «усилению идеологической работы», «устранению недостатков интернационального воспитания» и т.д., направленных исключительно на их укоренение в этих местах. С воссоединением Крыма с Россией в марте 2014 г. начался процесс реабилитации крымских татар на основе российского законодательства.

В 1985 г. вновь ожили идеи XX съезда. Спустя 33 года, в 1989 г., впервые в СССР был опубликован секретный доклад Хрущёва с грифом «Не для печати». До этого его нельзя было получить в архивах, найти в материалах XX съезда, не говоря уже об отдельных изданиях.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. были открыты секретные фонды многих архивов. Гигантские, до тех пор совершенно секретные архивные материалы не просто подтверждали и дополняли основные положения доклада Хрущёва, а многократно расширяли и углубляли. В те годы правдивый анализ прошлого, восстановление справедливости были необходимы не только ради обретения истины, но и для решения насущных задач демократизации, законности, гласности. 14 ноября 1989 г. ВС СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав». Тем самым Верховный Совет СССР, в 30-х и 40-х гг. XX в. поломавший судьбы этих народов, покаялся и повинился перед репрессированными народами за допущенные незакония. Важным рубежом стали принятые ВС РСФСР в 1991 г. законы «О реабилитации репрессированных народов» и «Реабилитации жертв политических репрессий». Была сказана вся правда о сущности преступного сталинского режима, реабилитированы его жертвы и, что не менее важно, произошло нравственное очищение общества. Люди с развитым нравственным чувством не согласились с реабилитацией Сталина.

Во второй половине 1950-х гг. в общественном сознании происходил сложный и противоречивый процесс постепенного разрушения созданных сталинизмом и далеких от реальности представлений о репрессированных народах. Основой для формирования новых взглядов стало принятие высшими органами власти страны официальных документов по репрессированным народам и осуждение культа Сталина. Решения XX съезда КПСС открыли дорогу для возвращения из ссылки депортированных народов и их последующей реабилитации. Живучесть сталинизма в сознании многих людей с особой силой подчеркивает гражданский и нравственный подвиг тех, кто выступил против его преступной теории и практики.

Примечания

1. АКСЮТИН Ю.В. Новое о XX съезде КПСС. — Отечественная история. 1998, № 2, с. 109.
2. НАУМОВ В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС. — Новая и новейшая история. 1996, № 4, с. 153—154.
3. МЕДВЕДЕВ Р. Н.С. Хрущёв: Политическая биография. М. 1990; НАУМОВ В.П. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть. Доклад Хрущёва на XX съезде КПСС. — Новая и новейшая история. 1996, № 2; АКСЮТИН Ю.В., ВОЛОБУЕВ О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М. 1991; АКСЮТИН Ю.В. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М. 2004; ДЖУЗЕППЕ БОФФА. XX съезд КПСС // <http://scepssis.net/library/id/3225.html>.
4. МЕДВЕДЕВ Р. Ук. соч., с. 89.
5. Независимая газета. 23.II.1996.
6. Там же.
7. НАУМОВ В.П. К истории секретного доклада..., с. 162.
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 1, оп. 2, д. 16, л. 133.
9. АКСЮТИН Ю.В. Новое о XX съезде КПСС, с. 112
10. Для более подробного анализа см.: О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва к XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года. — Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с. 128—170.
11. ВОЛКОГОНОВ Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кемерово. 1991, кн. 2, с. 426, 428.
12. МЕДВЕДЕВ Р. Ук. соч., с. 87.
13. Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с. 151—152.
14. АМИТ Э. Никто не забыт, ничто не забыто? — Звезда Востока. 1989, № 9, с. 110. Е.Ю. Зубкова по этому поводу пишет: «Нецелесообразность восстановления крымско-татарской автономии объяснялась многонациональным составом населения Крымского полуострова и его плотной заселенностью, а также существованием на территории РСФСР автономного образования — Татарской АССР. При этом совершенно не учитывалось то обстоятельство, что крымские и казанские татары являлись разными этническими группами, хотя и близкими по культуре». См.: ЗУБКОВА Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР в 1953—1985 годы. — Отечественная история. 2004, № 4, с. 5.
15. Карачаевцы: выселение и возвращение (1943—1957). Черкесск. 1993, с. 120—126; УБУШАЕВ В.Б., УБУШАЕВ К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943—1959 гг. Элиста. 2007, с. 337.
16. РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 112.
17. УБУШАЕВ В.Б., УБУШАЕВ К.В. Ук. соч., с. 334.
18. МАКСИМОВ К.Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918-1940-е годы. М. 2004, с. 288.
19. Реабилитация народов и граждан. 1954—1994 гг. Документы. М. 1994, с. 49—55.
20. МЕДВЕДЕВ Р. Ук. соч. с. 99.

С.Ю. Витте и продовольственный вопрос в России

А.С. Рогожина

Аннотация. Статья посвящена роли С.Ю. Витте в продовольственной политике Российской империи в 90-е гг. XIX века. Исследована степень участия министра финансов в разработке проекта нового продовольственного Устава. Приведено мнение Витте относительно денежного поземельного сбора, устройства хлебных запасных магазинов, установления общественных запасок, а также степени участия земских учреждений в организации продовольственного обеспечения населения. Проанализирована внутриправительственная борьба вокруг принятия нового продовольственного Устава, вскрывшая глубокие противоречия как внутри действующего продовольственного законодательства, так и между министерствами.

Ключевые слова: министерства, продовольственный Устав, хлебные запасные магазины, земские учреждения, общественные запашки, круговая порука.

Abstract. The article is devoted to the role S.Y. Witte in the food policy of the Russian Empire in the 90th years of the XIX century. The degree of participation of the Minister of Finance in the drafting of the Charter of the new food is investigated. S.Y. Witte opinion concerning money land-collection, devices spare bread shops, public establishment of the crop area, and the degree of participation of the local self-government in the organization of food security of the population is given. Inside the governmental struggle over the adoption of the new Charter of the food, which revealed deep divisions both within the existing food legislation, and between ministries is analyzed.

Key words: ministries, Food Charter, spare bread shops, local self-government, public plowing, mutual responsibility.

Начало 90-х гг. XIX в. в сознании историков и современников неразрывно связано с кризисом аграрного развития Российской империи. «Всероссийское разорение» 1890-х гг. запустило кризисный механизм в различных отраслях народного хозяйства и сыграло важную роль в смене приоритетов в социально-экономической политике правительства.

Неурожаи 1891—1892 гг. и последующий за ними голод, постигший наиболее хлебородные губернии Европейской части России с

Рогожина Ангелина Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Орловского государственного университета. E-mail: info@oreluniver.ru.

Rogozhina Angelina S. — candidate of historical sciences, senior teacher of the Orlov State University. E-mail: info@oreluniver.ru.

населением около 35 млн чел., вскрыли недостатки государственной политики в системе обеспечения народного продовольствия. Продовольственная кампания 1891—1892 гг. продемонстрировала пороки продовольственного обеспечения российской деревни и обнаружила результаты Великих реформ, порожденные их половинчатым характером. Это впоследствии и привело к пересмотру продовольственного Устава.

История участия государственной власти в обеспечении продовольственных потребностей сельского населения во время неурожая и голода ведет свое начало с XI века ¹. Однако окончательное оформление оно получило лишь во второй четверти XIX в., когда был разработан и введен в действие продовольственный Устав. Согласно Уставу, начиная с 30-х гг. XIX в. в империи действовала система обеспечения народного продовольствия, которая заключалась, главным образом, в образовании на местах натуральных хлебных запасов и специального общеимперского продовольственного капитала ². Устройство хлебозапасных магазинов было вызвано обособленностью отдельных местностей в продовольственном отношении при крайне несовершенном состоянии путей сообщения. Образование же общеимперского денежного фонда имело целью, с одной стороны, освободить государственное казначейство от экстренных и значительных затрат на народное продовольствие, а, с другой стороны, обеспечить наличие необходимых для этого сумм вне зависимости от бюджетных условий.

Освобождение крестьян и последовавшее перераспределение хозяйственно-распорядительных функций в российской деревне вызвали серьезные изменения в продовольственных правилах. Земская реформа 1864 г. передала заведование продовольственным обеспечением сельского населения в руки органов местного самоуправления ³. Однако земства оказались лишены действенных путей реализации своих полномочий, а ответственность на местах была разделена между сельскими обществами, земскими учреждениями и губернской администрацией, осуществлявшей контроль за деятельностью «формальных исполнителей».

Рост железнодорожной сети с конца 1860-х гг. вместе с постепенным улучшением способов перевозки хлеба произвел переворот в условиях снабжения продовольственными средствами отдельных местностей России. Вследствие прироста населения, производство в России хлебных продуктов непрерывно расширялось, в отдельных местностях стали образовываться хлебные избытки. Опыт 1891—1892 гг., представлявших по размерам неурожайности явление совершенно исключительное, свидетельствовал о том, что потребность в продовольствии могла быть с избытком покрыта имевшимися в стране запасами хлебных продуктов.

Этого же мнения придерживался и назначенный в 1892 г. на пост министра финансов С.Ю. Витте. Личность Витте и особенности его финансовой политики неоднократно становились объектом исторических исследований. В центре внимания историков, как правило, оказывались сюжеты, связанные с денежной реформой, реформой торгово-промышленного налогообложения, введением винной монополии, противостоянием упрочению привилегированного положения дворянства и отменой круговой поруки в общине, телесных наказаний

по приговору волостных судов, а также с облегчением паспортного режима крестьян. При этом участие министра финансов в вопросах реформирования продовольственной системы большинством историков не затрагивалось. Между тем, Витте сыграл значительную роль в процессе пересмотра продовольственных правил, инициированного правительством в 90-е гг. XIX в., и принял активное участие в изменении проекта продовольственного Устава, ознаменовавшем новый этап в государственной продовольственной политике.

Основной недостаток действовавшей в России продовольственной системы Витте усматривал в ее несоответствии коренным изменениям, последовавшим в положении хлебного дела не только в России, но и в странах, которые соперничали с ней в производстве зерновых хлебов, а также опыту применения продовольственного законодательства. По его мнению, при нормальном течении народно-хозяйственной жизни неурожаи имели бы местное значение и удовлетворение местных продовольственных нужд не вызывало бы потребности в сложной правительственной регламентации в целом ряде правительственных органов, специально для этого учреждаемых, и в сосредоточении заведования продовольственным делом всей империи в руках центрального правительства ⁴. При наличии в стране обширных запасов хлеба, общепризнанные недостатки системы обеспечения продовольствия натуральной засыпкой хлеба в магазины, выступали особенно ярко. Применение традиционной хлебозапасной системы могло иметь лишь ограниченный характер — только в тех местностях империи, которые находились в значительном удалении от железнодорожных и водных путей ⁵.

Что же касается образования общеимперского продовольственного капитала, то многолетний опыт свидетельствовал о его нецелесообразности. Данная мера не обеспечивала ни интересов государственного казначейства, ни самого дела народного продовольствия. Так, при частных местных недородах в имперском капитале не было надобности, поскольку продовольственные потребности могли быть удовлетворены за счет местных источников, а в случае их недостатка — за счет общегосударственных средств, не превышая при этом пределов местных ассигнований ⁶. Если же неурожай постигал более обширные территории, то общий продовольственный капитал по империи оказывался недостаточным и не устранял необходимости более или менее значительных затрат государственных ресурсов. Существование общеимперского продовольственного капитала Витте допускал исключительно в роли фонда, на средства которого можно было бы производить закупки хлеба при низких ценах с целью перепродажи его при вздорожании ⁷. Но при этом операции купли-продажи хлеба не должны были входить в круг постоянной деятельности правительства, как носящие чисто коммерческий характер.

Деятельность государства в системе продовольственного обеспечения должна была ограничиваться мерами косвенного воздействия: сосредоточением сведений о запасах хлеба на местах, его ценах, регулированием тарифов и т.д. Таковы были основные тезисы, обозначенные Витте, в отношении существовавшей продовольственной политики.

После окончания продовольственной кампании 1891—1892 гг. правительство пришло к заключению о необходимости кардинально-

го изменения продовольственного Устава. Надлежало выработать новую систему, более приспособленную к сильно изменившимся условиям. Деятельность по разработке нового продовольственного законодательства осуществлялась на всем протяжении 90-х гг. XIX в., сопровождалась рядом правительственных мероприятий относительно сбора и анализа сведений о состоянии продовольственного обеспечения на местах и привела к созданию нескольких вариантов новых разработок, которые впоследствии легли в основу Временных правил 1900 года ⁸.

В начале 1895 г. на стол министра финансов Витте лег очередной проект продовольственного Устава, на который вскоре последовал подробный отзыв министра. Он содержал ряд принципиальных замечаний и пожеланий. Особой критике подверглись положения проекта, связанные с установлением денежного поземельного сбора, учреждением общественных запасок, а также изменениями в организации заведования продовольственным делом на местах, краеугольным камнем которых стало ограничение участия земских учреждений в решении продовольственных задач.

Согласно проекту рассматриваемого Устава, средством обеспечения продовольственных и семенных нужд населения должны были служить натуральные и денежные запасы, но для подкрепления денежных средств (губернских и общего по империи продовольственного капитала) устанавливался особый денежный поземельный сбор с каждой засеваемой десятины, размер которого должен был определяться законодательным порядком через каждые 10 лет. В своих рассуждениях Витте, основываясь на вполне объективных соображениях, пришел к заключению о невозможности практического осуществления данной меры ⁹.

Рассматривая удовлетворение продовольственных нужд пострадавшего от неурожая населения с позиции общегосударственной потребности, министр финансов был убежден, что в данном случае источником покрытия потребности могли быть исключительно общегосударственные ресурсы, заносимые в бюджет, а отнюдь не особые специальные сборы, состоящие в ведении специальных правительственных органов. Установление же специальных сборов и капиталов на удовлетворение общегосударственных и носящих постоянный характер потребностей находилось в полном противоречии с основным требованием бюджетной политики, согласно которому государственная роспись служила точным выражением всех технических средств, которые имелись в распоряжении правительства для удовлетворения расходов, признаваемых общегосударственными.

Кроме того, существование особых и притом значительных продовольственных капиталов, для образования которых предполагалось установить особый продовольственный сбор, неминуемо влекло за собой различные ходатайства о ссудах и выдачу их без необходимой гарантии.

Установление особого, специального, на проектируемых началах сбора совершенно противоречило тому, что по мере увеличения народного достатка и накопления сбережений, случаи обращения к правительственной помощи по снабжению продовольственными средствами пострадавшего от неурожая населения должны были стать явлением

крайне редким и, следовательно, сама исключительность такого рода случаев устраняла необходимость в существовании денежного продовольственного сбора и продовольственных капиталов.

Нельзя оставлять без внимания и то обстоятельство, что существование всякого специального сбора предполагало особую систему счетоводства и отчетности. А в отношении проектируемого продовольственного сбора это затруднение чисто практического свойства выступало с особенной силой, ввиду сложности организации заведения делом народного продовольствия.

Проектируемый продовольственный сбор не удовлетворял требованиям и правильной податной политики. Одно из главных таких требований заключалось в определенности, устойчивости объекта, на который падал прямой налог. В данном случае таковым объектом выступала десятина засеваемой земли. Между тем, надлежащий учет количества засеваемой земли при существовавшем положении сельскохозяйственной статистики представлялся делом крайне трудно осуществимым. Причем, если для некоторых статистических выводов вполне достаточными являлись общие цифры о числе засеваемых десятин, то для целей обложения, где требовались точные данные, они оказывались совершенно неприемлемыми.

Проект не касался вопроса и о том, каким путем должно учитываться число десятин засеваемой земли, умножением которых на 6 коп. определялся оклад продовольственного сбора с губерний. Однако возможно предположить, что учет числа засеваемых десятин возлагался на сельское и волостное начальство. Для выяснения же возможности такого порядка достаточно было остановиться на некоторых замечаниях, которые были сделаны губернским начальством при обсуждении проекта действительного статского советника Л.И. Грасса о государственном страховании посевов.

В числе приведенных местными руководителями возражений относительно упомянутого проекта, указывалось на невозможность для сельских старост определить необходимое для правильной операции государственного страхования количество засеянных полей у крестьян, что неминуемо привело бы к злоупотреблениям, с которыми весьма трудно было бы бороться и при которых не могло быть соблюдено главное условие обложения — равномерность.

Сомнение Витте вызывала также возможность установления однообразной нормы продовольственного сбора для всех 46 губерний, на которые предполагалось распространить действие нового продовольственного Устава. Учитывая, что губернии эти весьма различались в отношении ценности и доходности земли, условий сбора урожая, плотности населения и т.п., установление единого 6-копеечного продовольственного сбора было бы несправедливо не только по отношению к отдельным губерниям, но даже в пределах одной и той же губернии.

Не следовало бы упускать из вида и различие потребностей местностей в продовольственном капитале при нормальных условиях народно-хозяйственной жизни, с которыми только и можно было считаться при составлении продовольственного Устава. Случаи неурожая, подобные бедствию 1891—1892 гг., представлялись явлением исключительным. При обычных же условиях такая неравномерность оказалась бы весьма явной.

В подтверждение своих выводов относительно неравномерности продовольственного сбора Витте провел сравнение планируемого продовольственного оклада как со средними подесятинными окладами государственного поземельного налога, так и с суммою падающих на десятину государственного налога и земских сборов. В результате подобных расчетов оказалось, что, например, по Смоленской и Таврической губерниям продовольственный сбор составил более 90%, по Витебской — 84%, Вологодской — 83%, Пермской — 81% государственного поземельного налога¹⁰. Таким образом, в случае принятия общего для всех губерний шестикопеечного подесятинного оклада продовольственного сбора, поземельное обложение некоторых губерний оказалось бы непосильным бременем для плательщиков.

Таким образом, Витте пришел к выводу, что установление денежного продовольственного сбора являлось совершенно неоправданным мероприятием. Общественные запашки, организованные для облегчения отбывания продовольственной повинности и пополнения недоимок по продовольственным ссудам, также привлекли внимание министра финансов. Проект нового продовольственного Устава предусматривал разрешение такого рода запашек не иначе, как на основании общественного согласия, принятого большинством голосов не менее $\frac{2}{3}$ законного состава схода. При этом следует сказать, что действовавшее крестьянское законодательство в отношении числа голосов, требуемых для законности приговоров, различало две категории дел: менее важные, разрешаемые простым большинством, и имеющие особое значение для крестьян, для разрешения коих требовалось не менее $\frac{2}{3}$ голосов. Законное большинство должно было считаться не от числа крестьян, присутствовавших на сходе, а от общего числа всех крестьян, имеющих голос на сходе. К приговорам особого значения принадлежали вопросы: о переделах мирской земли, о замене участкового пользования наследственным или подворным, о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки, другими словами, все приговоры, касавшиеся распоряжения землей сельским обществом. Устанавливая это правило, законодатель исходил из того, что цель отвода крестьянскому обществу земли заключается в обеспечении существования не только его настоящего состава, но и будущего поколения, а потому и распоряжение землей должно было быть обставлено всеми возможными гарантиями.

Наибольшее опасение Витте вызывало уменьшение наделных участков крестьян, неминуемое при устройстве общественных запашек¹¹. Подобные издержки могли поставить людей в тяжелое положение, тем более, что во многих местностях наделы, особенно у бывших помещичьих крестьян, были совершенно недостаточными для потребностей их семей. Более того, отделение части наделов под общественную запашку потребовало бы уменьшения размера участков на продолжительное время, поскольку, согласно проекту, общество, принявшее на себя эту обязанность, не вправе было прекратить запашку, пока не будут пополнены хлебные запасы или продовольственный капитал. По мнению министра финансов, следовало бы оградить крестьян, арендующих землю под общественную запашку у частных собственников, от непомерного увеличения арендной платы. Это предполагалось осуществить путем предоставления разреше-

ния губернским продовольственным присутствиям, по крестьянскому ходатайству, прекратить запашки, если бы оказалось невозможным отвести под нее часть надельной земли вместо находившейся в аренде.

В целом же Витте рассматривал общественные запашки как меру желательную и полезную, но только в том случае, если их учреждение последовало бы по сознательно выраженному желанию значительного большинства ($\frac{2}{3}$ всех крестьян, пользующихся правом голоса на сходе) сельского общества ввиду серьезности и продолжительности принимаемой на себя обществом повинности.

Согласно проекту, общее попечение о народном продовольствии принадлежало министру внутренних дел и входившему в состав Министерства внутренних дел Совету народного продовольствия. Местный надзор за соблюдением установленных правил и заведывание делом народного продовольствия на местах предполагалось возложить на генерал-губернаторов и губернаторов, на губернские и уездные присутствия по народному продовольствию, на земских начальников, попечителей продовольственных участков, а также волостное и сельское начальство. Участие же земских учреждений в деле обеспечения народного продовольствия ограничивалось лишь привлечением земских управ к хозяйственным распоряжениям и к заведыванию делопроизводством продовольственных присутствий. Данный вопрос Витте рассматривал, прежде всего, с позиции министра финансов, усматривая в проектируемой разветвленной системе слишком большие издержки¹². По его мнению, организацию системы народного продовольствия на местах следовало упростить, дабы уменьшить неоправданные расходы. Это упрощение Витте видел в сокращении служебного персонала или в возложении делопроизводства на губернские и уездные присутствия, лишь при некотором увеличении средств, направляемых в распоряжение этих учреждений. Что же касается вопроса фактического изъятия продовольственного дела из рук земств, то надо сказать, что в целом министр финансов высказывался за сохранение системы полномочий органов местного самоуправления.

Однако, несмотря на довольно кропотливую работу Витте, как и представителей ряда других министерств и ведомств, проект нового продовольственного Устава пролежал «в столе» более четырех лет, вплоть до 12 марта 1899 г., когда он был внесен в Государственный совет при представлении министра внутренних дел И.Л. Горемыкина. Проект был значительно изменен, но «при переработке Устава были приняты во внимание не столько возражения других ведомств, сколько вновь возникшие в самом Министерстве внутренних дел предположения, вовсе не бывшие в виду других ведомств»¹³.

Новый проект имел ряд отличий от предыдущих правил об обеспечении народного продовольствия. Они сводились к следующему: к продовольственной повинности привлекались не только члены сельских обществ, но и все лица, занимающиеся хлебопашеством на собственной или состоящей в их пользовании земле, если хозяйство их не превышало размера среднего крестьянского двора данной местности; средствами обеспечения продовольствия оставались натуральные и денежные запасы, взыскиваемые в размере 4 пудов на душу населения; для подкрепления денежных средств губернских и общего по империи продовольственного капитала устанавливался особый денеж-

ный поземельный сбор; помощь пострадавшим от неурожая оказывалась не только выдачей ссуд, но также продажей хлеба по заготовительным или удешевленным ценам; для пополнения продовольственных натуральных запасов могли учреждаться общественные запашки; в случае недостатка хлеба в одних местностях допускалось заимствование хлеба и передвижение его из других районов, по распоряжению министра внутренних дел.

Однако, несмотря на все нововведения, главным оставался вопрос о заведовании продовольственным делом в целом по стране и на местах. Так, общее попечение о народном продовольствии возлагалось на Министерство внутренних дел, в составе которого предполагалось образовать особый Совет народного продовольствия. Местный надзор возлагался на генерал-губернаторов, губернаторов, на губернские и уездные присутствия по народному продовольствию, на земских начальников, попечителей продовольственных участков и на волостные и сельские начальства. Участие земских учреждений ограничивалось привлечением земских управ к хозяйственным распоряжениям и заведыванию делопроизводством продовольственных присутствий. С земств не слагались заботы по устранению недостатков средств и помощи местному земледелию посредством устройства центральных хлебозапасных магазинов, снабжения населения улучшенными семенами и орудиями, содействия сбыту сельских продуктов и т.д.¹⁴ Причем учреждение центральных хлебозапасных магазинов допускалось только по инициативе земств и на земские средства. В проекте допускалась как общая, так и частичная замена натуральных запасов денежными капиталами. Круговую поруку предполагалось сохранить только по уплате сбора на образование общественных продовольственных средств. В остальном же Устав повторял ранее действующее законодательство.

В окончательном проекте Министерства внутренних дел идея создания Совета народного продовольствия была отвергнута и предложен созыв в случае необходимости особых продовольственных совещаний с участием местных представителей.

Согласно представлению Министерства внутренних дел Государственному совету от 12 марта 1899 г.¹⁵, разработанный проект Устава обеспечения народного продовольствия «по точному своему смыслу, должен был предупреждать лишь появление голода в населении и предусматривать меры по обсеменению полей, могущих в результате дать земледельцам средства к существованию из будущего урожая; никаких других задач при проектировании нового Устава Министерство внутренних дел не преследовало, а потому должны отпасть все замечания, имеющие целью доказать, что проектированные меры не исцеляют зло в корне и оставляют открытым множество вопросов, связанных с мерами предупреждения народных бедствий»¹⁶.

Однако в октябре 1899 г. в государственном управлении произошли определенные кадровые изменения: на пост министра внутренних дел был назначен Д.С. Сипягин, вследствие чего, а также по требованию Витте, ссылавшегося на то, что «в последние годы в положении продовольственного дела произошли существенные изменения», проект продовольственного Устава Горемыкина без одобрения был возвращен для заключения Витте и Сипягина.

Дело в том, что еще в апреле 1899 г. Витте обратился к сенатору В.К. Плеве с письмом, в котором настаивал на переносе рассмотрения нового проекта продовольственного Устава в Государственном совете и выражал желание написать отзыв по данной теме. Инициатива министра финансов по существу рассматриваемого вопроса была обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего, «необходимость вторичного письменного заключения по проекту продовольственного устава обуславливалось тем, что за четыре года, истекшие со времени сообщения первоначального отзыва, выдвинулись новые вопросы, касающиеся продовольственного дела, выяснилась необходимость новых способов содействия продовольственной нужде, подверглись пересмотру некоторые узаконения, ближайше соприкасающиеся с продовольственным уставом»¹⁷. Кроме того, по мнению Витте, финансовое ведомство, в силу «ближайшего участия в продовольственных операциях последнего времени, располагает ныне такими данными для суждения по продовольственному вопросу, которые не были в его распоряжении четыре года назад»¹⁸.

Ходатайство фактически было удовлетворено, и в июле 1899 г. министр финансов обратился в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел с просьбой предоставить статистические сведения о движении продовольственных ссуд за 1880—1898 гг. из хлебозапасных магазинов и из продовольственных капиталов для всех губерний, на которые предполагалось распространить действие нового сельского продовольственного Устава, а также о состоянии задолженностей по ссудам сельского населения за те же годы¹⁹.

В ноябре министром финансов был представлен отзыв, разработанный при посредстве министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, на проект Горемыкина²⁰.

Принципиальные возражения министра финансов вызвали несколько постановлений: о продовольственных хлебных запасах и их хранении; об ответственности сельского населения по продовольственным ссудам и о преимущественном взыскании продовольственных долгов; об общественных запашках и об учреждениях, заведующих народным продовольствием.

Рассматривая вопрос о хлебных запасах, Витте, прежде всего, считал неправильным, что Министерство внутренних дел при определении нормы хлебных запасов исходило из опыта голодного 1891 года. По его мнению, 1891 год занимал исключительное положение «в летописи наших хлебных недородов», поэтому его опыт не должен был приниматься во внимание при разработке законодательных предположений о размере продовольственных запасов. А поскольку сама продовольственная организация предполагала обеспечение продовольственных нужд населения только в случае обычных неурожаев, происходивших ежегодно в разных регионах страны, составление продовольственных запасов на случай чрезвычайных бедствий было не вполне оправдано.

Согласно предложениям Министерства внутренних дел, во всех 46 губерниях Европейской части России продовольственное дело должно было строиться на совершенно тождественных основаниях — создании хлебозапасных магазинов, из расчета, что во всех предполагаемых губерниях наблюдалось полное тождество климатических и

почвенных условий, уровня сельскохозяйственной культуры и развития путей сообщения. По мнению Витте, о таком тождестве не могло быть и речи. Вообще ни теоретические соображения, ни фактические данные о хлебном производстве и хлебных остатках, ни, наконец, опыт неурожайных годов не давали основания к заключению, что все 46 губерний Европейской России могли и должны были быть объединены в единой продовольственной организации, основанной на системе хлебозапасных магазинов ²¹. Витте был убежден, что устройство продовольственного дела должно было зависеть от общего хода экономической жизни страны и местных условий, а «не являться результатом отвлеченных построений, только на почве которых система натуральных запасов могла казаться наиболее оптимальным способом обеспечения народного продовольствия».

Скептически министр финансов относился и к идее Министерства внутренних дел о возможности кратковременных заимствований хлеба из запасных магазинов местностей, не пострадавших от неурожая для передвижения его в местности, население которых нуждалось в помощи ²². По его мнению, такое заимствование нарушило бы интересы обеих сторон. Во-первых, крестьяне привыкли смотреть на накопленные ими запасы зерна, как на свою неотъемлемую собственность, которой они одни могли распоряжаться и притом исключительно для собственных надобностей. Поэтому их отчуждение без согласия на то сельского общества было бы встречено населением довольно враждебно. Помимо того, возврат заимствованного хлеба уже в следующем году не всегда представлялся возможным, а между тем к тому времени потребность в хлебных запасах могла возникнуть и в среде того сельского общества, у которого эти запасы были позаимствованы. В таком случае, пришлось бы уже в пользу этого общества занимать хлеб, что неминуемо повлекло бы за собою огромные, ничем не оправданные расходы и внесло бы крайнее осложнение в деятельность органов, заведующих продовольственным делом. Во-вторых, и те сельские общества, которые получили бы хлеб в виде кратковременной ссуды, вряд ли остались бы им удовлетворены, так как этот хлеб был не лучшего качества. А между тем за этот малоценный хлеб они вынуждены были бы расплачиваться хлебом полноценным, собранным в первый же урожай по получении ссуды.

Кроме того, необходимо было учитывать и чисто практические затруднения, сопряженные с доставкой нуждающимся хлеба, перевозимого мелкими партиями из магазинов, находившихся в разных местностях, нередко очень отдаленных. Одни лишь накладные расходы, неизбежные при такой доставке, могли поднять стоимость магазинного хлеба выше цены, за которую хлеб этот мог быть куплен на местном рынке даже в неурожайное время. Наконец, Витте считал систему сельских хлебозапасных магазинов крайне убыточной для населения, поскольку продовольственная повинность являлась одной из самых тяжелых, причем не только для нехлебородных губерний, но и для тех, где постоянно скапливались хлебные остатки. К тому же, увеличивая тягость повинности по заполнению хлебных запасных магазинов, проект Министерства внутренних дел оставлял в силе один из существеннейших недостатков действующей продовольственной системы. Он состоял в том, что возобновление накоплен-

ных запасов зерна должно было производиться за счет домохозяев, не успевших еще оправиться от неурожая ²³.

Рассматривая вопрос об ответственности сельского населения по продовольственным ссудам, Витте в своих рассуждениях опирался на сведения, предоставленные губернскими совещаниями 1893 г. и всеподданнейшими губернаторскими отчетами последующих лет. Так, целым рядом фактических данных губернаторы удостоверяли, что «сельские общества, ввиду круговой поруки, или стремились к поголовному разбору продовольственных ссуд, или отказывали в таких ссудах нуждающимся в них односельчанам, состоятельность которых в возврате забранной ссуды представлялась сходу сомнительной» ²⁴. «Оправданием круговой поруки в податном деле, в известной мере, служит общность хозяйственных интересов, связывающая в одно целое всех членов общества, пользующихся землею на общинном праве; в продовольственном деле, напротив того, интересы членов сельского общества прямо противоположны, ибо при ограниченности общественных хлебных запасов со всякой новой выдачей продовольственной ссуды беднейшим и многосемейным домохозяевам, соответственно уменьшается для остальных домохозяев того же общества возможность пользоваться ссудой в свою очередь, и напротив, увеличивается риск круговой поруки», — писал Витте ²⁵. Таким образом, по мнению министра финансов, круговая порука сельских обществ по продовольственным долгам отдельных заемщиков не имела достаточных оснований ни по теоретическим, ни по чисто практическим соображениям.

Что касается учреждения общественных запасок, то этот вопрос Витте не стал пересматривать. Министр, по-прежнему, считал, что общественные запашки могли быть допустимы лишь по сознательно выраженному желанию значительного большинства сельского общества, так как лишь при этом условии было возможно добросовестное отношение к ним крестьян. Таким значительным большинством являлись $\frac{2}{3}$ всех крестьян, пользующихся правом голоса на сходе. Однако серьезные сомнения со стороны министра финансов вызвало предположение Министерства внутренних дел разрешить сельским обществам учреждение общественных запасок и на арендованной земле, что фактически нивелировало главное преимущество общественной запашки, которая объединяла крестьян в трудовую артель, не требуя от них никаких денежных платежей.

Наконец, что касается учреждений, заведующих продовольственным обеспечением, то Витте не возражал против привлечения земских начальников к деятельному участию в делах народного продовольствия. Однако он находил, что соответствующие варианты проекта подлежат тщательной переработке с целью разграничения компетенции земских начальников и органов волостного и сельского управления, более точного определения обязанностей земских начальников и установления надлежащего порядка их исполнения. Разграничение полномочий министр финансов предлагал в силу того, что при такой постановке дела заведывание продовольственной частью фактически отошло бы к волостному и сельскому начальству, которое стало бы лишь прикрываться авторитетом земского начальника, в действительности бездействующего. При этом, министр финансов продолжал придерживаться точки зрения, что намеченная Министерством

внутренних дел организация продовольственного дела силами местного управления отличалась излишней сложностью и дороговизной. По словам Витте, «она как бы предполагала постоянное существование голода на всей территории России». Кроме того, министр выступал за учреждение Совета народного продовольствия из представителей всех заинтересованных ведомств, к компетенции которого относилось бы обсуждение наиболее важных вопросов продовольственного обеспечения, требующих решения центрального правительства. Создание такого органа было предположено еще 1893 г., но в новом проекте отсутствовало.

В целом, министр финансов Витте и министр земледелия и государственных имуществ Ермолов совместно критиковали проект нового продовольственного Устава еще и потому, что, по их мнению, сельская хлебозапасная система изымала из товарного обращения несоизмеренно большее количество хлеба ²⁶.

Таковы были основные замечания и пожелания Витте по проекту нового продовольственного Устава. При этом в отчете были сформулированы также конкретные предложения министра финансов относительно наилучшего устройства обеспечения народного продовольствия. В целом они сводились к уничтожению сельских общественных продовольственных капиталов и хлебных магазинов (сохранение натуральных запасов было возможно лишь в количестве удовлетворения первой необходимости и только для губерний, где могло встретиться затруднение в доставке хлеба), взамен чего планировалось осуществлять снабжение населения посредством общеимперского и губернского продовольственных капиталов, чтобы не допустить чрезмерной централизации.

При этом Витте осознавал, что система продовольственных капиталов в чистом виде могла быть применена лишь к местностям, где, благодаря достаточному развитию путей сообщения, в распоряжении торговли имелись хлебные запасы, обеспечивавшие продовольственные потребности населения. В таком положении в конце XIX в. находилась большая часть губерний Европейской России. Пополнение капитала мыслилось путем установления особого сбора с населения, взыскиваемого наравне с казенными и земскими сборами. При этом, «главнейший способ содействия населению должен заключаться в выдаче займообразных ссуд, и ссуды эти должны быть хлебом, а не деньгами» ²⁷. Безвозвратные пособия допускались только в виде исключения, а взыскание ссуд должно было производиться деньгами по расчету заготовительной цены отпущенного хлеба. По мнению К. Мацузато, «“рыночник” Витте вообще критически относился к самой идее создания постоянного натурального запаса» ²⁸. Однако в отношении уральских и приволжских губерний, откуда хлеб шел на мировой рынок и где трудно было организовать «обратное течение» хлеба даже во время неурожая, он признавал необходимость образования там натуральных запасов и проводил в этих губерниях правительственную заготовительную кампанию силами Министерства финансов ²⁹.

Эта проблема получила развитие в статье А.С. Минакова ³⁰. По мнению историка, «С.Ю. Витте очень скоро понял, что участие (точнее лидерство) в разработке вопросов, связанных с аграрной сферой, открывало путь к прямому захвату инициативы фактически во всей

внутренней политике; поэтому, признавая в целом, что прерогатива разработки этого вопроса принадлежала Министерству внутренних дел, С.Ю. Витте, тем не менее, еще со второй половины 1890-х гг. начинает активно проводить собственный аграрный курс»³¹. Американский историк Р. Роббинс считает, что при оформлении Временных правил 1900 г. в основе конфликта было «сильное соперничество между МВД и Министерством финансов» вокруг проблемы мобилизации национальных ресурсов³².

Необходимо отметить, что время, отведенное министру финансов на составление отзыва, было использовано и Министерством внутренних дел, которое также внесло принципиальные изменения в проект продовольственных правил. Этим обстоятельством можно объяснить содержание письма Витте к В.К. Плеве от 11 января 1900 г., в котором министр финансов сообщает о полном согласии с министром внутренних дел по всем вопросам, как общим, так и частным, по существу продовольственных правил³³. Более того, Витте признает свой отзыв утратившим силу и просит Плеве «не рассылать его членам Государственного совета»³⁴, а вернуть все экземпляры обратно в Министерство финансов. Другими словами, после внесения отзыва на рассмотрение между Витте и Сипягиным состоялось соглашение по всем главным вопросам проекта продовольственных правил, вследствие чего 30 января 1900 г. в Государственный совет было внесено их совместное представление с приложением нового проекта продовольственного Устава, получившего название «Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей».

Таким образом, работа по пересмотру продовольственного законодательства была проведена на разных уровнях государственного управления. В ней были задействованы и губернские продовольственные совещания, организованные под председательством губернаторов на местах, и Комиссия, созданная по представлению МВД, и совещания министров разных ведомств. На протяжении восьми лет было разработано несколько проектов Продовольственного устава, составленных также в разных государственных ведомствах. Даже на уровне Государственного совета была проведена работа по корректировке некоторых положений, казалось, уже вполне разработанных продовольственных правил. В целом, правительственная кампания по пересмотру продовольственного Устава, проведение которой было обусловлено неудачным опытом голодных 1891—1892 гг., вскрыла глубокие противоречия, заложенные как в действующем продовольственном законодательстве, так и между министерствами, и поставила перед правительством вопросы, требовавшие немедленного разрешения.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Кризис аграрного социума в имперской России: голод 1891-1892 гг. в Центрально-Черноземном регионе», проект № 15-01-00026.

1. ЛЕШКОВ В.Н. О народном продовольствии в древней России. М. 1854, с. 451.
2. Высочайше утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствие от 5 июля 1834 г. ПСЗ. Собр. 2. Т. IX. СПб. 1835, № 7253.

3. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. ПСЗ. Собр. 2. Отд. I. Т. XXXIX. СПб. 1867, № 40457, ст. 45—72, с. 18—20.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1287, оп. 4, д. 2231, л. 539об.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же, л. 540.
8. Высочайше утвержденные Временные Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 12 июня 1900 г. ПСЗ. Собр. 3. Т. XX. СПб. 1902, № 18855.
9. РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2231, л. 541—543об.
10. Там же, л. 542об.
11. Там же, л. 543об.
12. Там же, л. 247.
13. Там же, ф. 1287, оп. 4, д. 2232, л. 440об.—441.
14. ЕРМОЛОВ А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб. 1909, с. 208.
15. «Новый продовольственный закон»: пособие к применению Временных правил 1900 г. по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей. М. 1902, с. 20.
16. Там же.
17. РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2232, л. 440об.—441.
18. Там же.
19. Там же, л. 200—201об.
20. ЕРМОЛОВ А.С. Ук. соч., с. 209—211.
21. РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2231, л. 212.
22. Там же, л. 213.
23. Там же, л. 216об.—217.
24. Там же, л. 223.
25. Там же, л. 224.
26. МАЦУЗАТО К. Сельская хлебозапасная система в России 1864—1917 годы. — Отечественная история. 1995, № 3, с. 192.
27. РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2231, л. 233об.—235об.
28. МАЦУЗАТО К. Ук. соч., с. 192.
29. Там же.
30. МИНАКОВ А.С. Аграрный вопрос на рубеже XIX—XX веков в борьбе ведомств: правительственные инициативы и общественное участие. В кн.: Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 18. Калининград. 2011, с. 141—152.
31. Там же, с. 143.
32. РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2232, л. 245—246.
33. Там же.
34. Там же.

Россия и Швеция в 1741—1743 гг.: странная война на море

Г.А. Гребенщикова

Аннотация. По прошествии двадцати лет после окончания Северной войны, завершившейся благодаря гению Петра Великого блестящими успехами России на Балтике, шведы вновь взяли за оружие. После гибели короля Карла XII верховная власть в Швеции претерпела существенные изменения, в результате чего королевские prerogatives были значительно ограничены, а политические права Риксдага, наоборот, расширены. Большинство его членов вынашивали планы реванша и выступали за открытие новой кампании с Россией в намерении вернуть уступленные ей по Ништадтскому мирному договору от 1721 г. прибалтийские территории — Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, Карелию и часть Финляндии с Выборгом и Кексгольмом. 24 июля (4 августа) 1741 г. шведский Риксдаг, поддержанный Францией, объявил России войну.

В отличие от сухопутных операций, война на море не приняла активного и наступательного характера — решающего сражения корабельных эскадр противников, за исключением незначительной вялотекущей перестрелки, не произошло. Эти события дали историкам пищу для серьезных размышлений о причинах столь загадочного феномена. По сути, по сравнению с положением дел при Петре I, война 1741—1743 гг. представляет собой нонсенс, объяснений которому, внятных и доказательных, до сих пор не существует. Новые архивные документы позволили проследить алгоритм действий Балтийского флота и его командующих, и прийти к некоторым заключениям.

Ключевые слова: Санкт-Петербург и Стокгольм, ожидавшаяся война, успешные операции России на суше, пассивные действия на море, нерешительность командующих флотом.

Abstract. Twenty years ago, after North War which had been finished with Russian's successes on Baltic thanks to Peter the Great, the Swedish had took the weapon again. After king's Carl XII died, king's power was narrow, but political rights of Parliament were increased. Most members of Swedish Parliament were going to return the territories on Baltic and in Finland had lost in 1721, and on July, 24 (on August, 4) 1741 Swedish Parliament had declared the war on Russia.

In Russian-Sweden War the naval operations were not active, as well as there were not any general battle of line ships squadrons. In fact, the war 1741 — 1743 was nonsense in compare

---

Гребенщикова Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией истории флота и мореплавания Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. E-mail: inversiya@bk.ru.

Grebenshchikova Galina A. — doctor of history, professor of history of Saint-Petersburg's State Marine University. Head of Laboratory of fleet and navigation's history. Saint-Petersburg's State Marine University. E-mail: inversiya@bk.ru.

---

with the war at Peter the First, and historians could not explain that. The new archive documents allowed to research the operations of Baltic Fleet and made the some implications.

Key words: St.-Petersburg and Stockholm, expected war, success of Russian landing operations, not active war on sea, undecided Commanders-in-Fleet.

Вторая со времени Петра Великого война со Швецией не стала для России неожиданной и внезапной: за несколько месяцев до ее начала российский представитель в Стокгольме М.А. Бестужев-Рюмин регулярно отсылал в Петербург донесения о военных приготовлениях шведов. Особенно можно выделить его весенние секретные реляции 1741 г., в которых он докладывал: «Уведомился, что 6000 человек матросов и 3000 человек солдат [отправлены] для посадки на флот в Карлскрону. [Им] к походу в готовности себя содержать велено. В Финляндии говорят, что между Россиею и Швециею будущею весною до войны дойдет. Войска в Финляндии собирают и артиллерию из Абова к границам перевозят, флот и галеры вооружают здесь, равномерно как и в Финляндии»¹.

В следующей реляции, от 18 апреля, Бестужев-Рюмин уточнял обстановку в шведской столице и характеризовал свое положение там совсем «не в радостных терминах»: «Простой народ, видя все такие приготовления, не иначе рассуждает, как что оные к войне с Россиею разумеются, и чтоб такого великого иждивения, какое к вооружению кораблей и галер потребно, напрасно тратить бы не стали. Сия опасность настоящей войны, которую простой народ за подлинно поставленное дело признает, причиною есть, что никакой швед, ни из моих знакомых и друзей, ниже из простых и индифферентных людей, ко мне в дом ходить не смеет. Чего ради я здесь в таком поведении живу, якобы Россия со Швециею уже в действительной войне находится, и страх от моего дома толь далеко распространился, что и бывшие по ныне в моей службе шведы об апшите просили, и меня оставили».

Говоря о шведах, состоявших у него на службе, а теперь просивших апшита, то есть освобождения от прежних перед ним обязательств в связи с близкой войной, Бестужев-Рюмин имел в виду оплачиваемых осведомителей. В Стокгольме российский дипломат держал штат особых информаторов, в который входили члены Риксдага, влиятельные гражданские и военные лица, поставлявшие ему необходимую информацию. Теперь, судя по донесению, ситуация стремительно переходила в неблагоприятное для него русло. Более того, он подчеркивал: «Ненавистные внушения против России» привели к тому, что шведы уже начали печатать листовки и воззвания, которые «по улицам продаются, и даже от малых ребят читаются. И ежели б кто либо такие лжи опровергнуть похотел, то его тот час изменником отечества или русским называют. Последнее слово между простыми людьми за бранное постановляется»². К наступлению лета шведы планировали в дополнение к рейтарским и гусарским полкам дислоцировать вдоль морских границ с Россией корпус вольных стрелков³.

В Зимнем дворце реляции из Стокгольма воспринимали с особой тревогой и беспокойством. Прошло совсем немного времени после того, как в 1739 г. кабинет Анны Иоанновны завершил тяжелую войну с Турцией (1736—1739), подписав в Белграде мирный договор.

Одной из причин выхода России из войны на крайне невыгодных условиях стала угроза вторжения шведов в Финский залив. В Петербурге осознавали, что вести кампанию на двух театрах военных действий (ТВД) — на Балтике и на юге — государству будет уже не под силу. Четыре года спустя, Швеция намеревалась воспользоваться непопулярным регентством Анны Леопольдовны при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче и совершить нападение на Россию.

После объявления войны, 13 августа 1741 г. кабинет Анны Леопольдовны обнародовал указ: «С подданными шведской короны никакой коммуникации, пересылок коммерции и корреспонденции не иметь, и от всякого неприятельского нападения от шпионов и других подобных неприятельских людей и предприятий быть всегда во всякой твердой осторожности»⁴. За неисполнение или нарушение высочайшего указа виновный подлежал «жестокому наказанию». Несколько дней спустя 10-тысячный корпус русских войск под командованием фельдмаршала П.П. Ласси двинулся в Финляндию.

В конце августа российский дипломат Бестужев-Рюмин выехал из шведской столицы в Гамбург и, не прерывая связи со Стокгольмом, продолжал информировать руководство о ситуации в Швеции. Судя по всему, не все его осведомители прекратили контакты с ним, и по мере возможности поставляли ему важные сведения. В частности, в реляции от 6 сентября 1741 г. в Петербурге узнали об активной концентрации и развертывании шведских войск, кавалерии и артиллерии на границах с Россией, а также о дополнительном выделении королевским банком одного миллиона талеров «для военных приготовлений»⁵. В той обстановке надо отдать должное российскому руководству, которое упредило противника на суше: за три дня до получения этого известия, 3 сентября 1741 г. корпус фельдмаршала П.П. Ласси наголову разбил шведские войска под Вильманстрандом, овладев этой важной крепостью.

Месяц спустя, Бестужев-Рюмин переправил в Петербург новые сведения, полученные им из шведской столицы. Эти донесения он сгруппировал в «Экстрактах с писем, писанных в Стокгольме 6 и 13 октября 1741 года», в которых сообщал: «Бывшего во флоте секретаря Мещлера за арест посадили, имея на него подозрение, что он с неприятелем корреспонденцию производил, а другие говорят, будто он зло мысленно в матрозские яства мышьяк мешал, от чего множество оных померло». Шведы «намерение имеют кого нибудь в Польшу отправить, дабы тамошнюю нацию противу России возбудить. Граф Левенгаупт под опасением жестокого штрафа запретил о том, что в Финляндии происходит, в Швецию писать»⁶.

Действительно, в кампании 1741 г. шведский флот участия не принял по причине, как стало известно в Зимнем дворце, большого количества больных матросов и их высокой смертности. Ранним утром 22 мая 1741 г. противник России на пяти линейных кораблях и четырех фрегатах вышел из главной базы Карлскроны, а 6 июня усилился еще пятью кораблями. Корабли назывались: «Ulrika Eleonora» (76 орудий), «Prince Carl Fredric» (72), «Gotha» (72), «Stockholm» (68), «Finland» (60), «Frihet» (66), «Bremen» (60), «Hessen-Cassel» (64), «Skane» (62), «Werden» (54). Войдя в Финский залив, шведы заняли позицию у Аспе между Гогландом и Фридрихсгамом, но оставались

там без движения почти три месяца после объявления войны; 25 октября шведский флот вернулся в Карлскрону ⁷.

Глубокой осенью 1741 г. в столице Российской империи произошли важные события: 25 ноября на престол вступила дочь Петра Великого императрица Елизавета Петровна, и тогда, по выражению дореволюционного историка А. Соколова, «шведы поспешили мириться. Но так как они требовали уступки Финляндии и части Карелии, а Елизавета не хотела ничего уступать», то стороны прекратили переговоры, «и война возобновилась» ⁸.

На будущую кампанию для сухопутных операций в Финляндии кабинет Елизаветы Петровны предоставил в распоряжение П.П. Ласси 35-тысячную армию. Подготовку морских сил императрица возложила на президента Адмиралтейств-коллегии Н.Ф. Головина, начальствующим Балтийским флотом назначила вице-адмирала З.Д. Мишукова, а резервной архангельской эскадрой (10 судов, 2905 чел. команды вместе с корпусом артиллерии) — вице-адмирала П.П. Бредаля ⁹.

Кронштадтская эскадра представляла собой значительную боевую силу. В ее состав вошло 14 линейных кораблей: один 70-пушечный («Св. Александр», флагманский З.Д. Мишукова), шесть 66-пушечных кораблей, один 60-пушечный, четыре 54-пушечных и два 50-пушечных корабля. Фрегатов подготовили три 32-пушечных, бомбардирских корабля тоже три («Юпитер», «Самсон» и «Доннер»), правых по 36 пушек два («Элефант» и «Дикий Бык»), брандеров два («Митау» и «Бриллиант») и пакетботов три. Всего Балтийский флот насчитывал 27 вымпелов, но начальствующий флотом вице-адмирал Мишуков не реализовал свое весомое преимущество.

Захарий Мишуков, сподвижник Петра Великого и супруг племянницы светлейшего князя А.Д. Меншикова, вместе с государем принимал участие в значимых морских и сухопутных операциях первой трети XVIII в. — таких, как Гангутская баталия (1714) и Персидский поход (1722). К началу новой кампании со шведами Мишукову исполнилось 58 лет, что по меркам того времени означало уже почтенный возраст. «Проведя последние пятнадцать лет в береговых, большей частью ничтожных занятиях и вдруг сделанный начальником значительного флота, Мишуков явился нерешительным и слабым, — пишет упоминавшийся историк Соколов. — Таким он оставался до конца жизни, но императрица не изменяла к нему доверия» ¹⁰. Подмеченные Соколовым качества, присущие Мишукову, самым неблагоприятным образом отразятся на кампании 1742 года.

Тем временем, Петербург готовился к обороне. В частности, к наступлению зимы положение дел с маяками сложилось (по архивным источникам) следующее: три главных островных маяка — один на Сескаре и два на Гогланде — сгорели, и восстанавливать их по причине соблюдения осторожности на случай прорыва шведского флота в Финский залив Адмиралтейств-коллегия не планировала. «На Кокшерском маяке фонарь разобрали, а корпус маяка остался не разобран за опасность от прибывших к тому острову шведских кораблей». Окончательно 1 марта 1742 г. коллегия постановила: Кокшерский маяк «оставить без действия и впредь до точного указа разобрать, содержать при том острове, а не зажигать. Когда время допустит, и от

неприятельских кораблей и протчих судов опасности не будет, в то время оной маяк зажечь»¹¹.

Сотрудники кабинета Елизаветы Петровны предприняли ряд других оборонительных мер: организовали брандвахтенную службу, на подступах к Кронштадту затопили купеческие суда, на фарватере выставили заградительные рогатки и составили планы Финского залива с обозначением мелей¹². Стоит заметить, что эти планы, достаточно подробные и превосходно выполненные, выдали не только начальнику флота Мишукову, но и передали на каждый корабль и крейсирующий фрегат.

20 марта 1742 г. был опубликован указ императрицы о строжайшем запрете своим подданным пересекать государственную границу: «Для пресечения и удержания в Финляндии, Карелии и Ингермонландии всякого из за границ Ея Императорского Величества в шведскую сторону перебежства, наикрепчайшее о том подтвердить, дабы никто не дерзал из за границ Ея Императорского Величества в шведскую сторону перебегать, или с неприятелем какой письменный или словесной пересылки и коммуникации ни под каким видом иметь. Но всякому вести себя так, как верному Ея Императорского Величества рабу и подданному принадлежит, и пристойно есть. А ежели кто из подданных Ея Императорского Величества в перебеге на шведскую сторону и в пересылках и коммуникациях с неприятелем явится, за то без всякого упущения смертию казнен будет»¹³.

Пока заканчивали подготовку флота к боевым операциям, 2 апреля 1742 г. Елизавета Петровна направила указ «из Адмиралтейской коллегии господину вице адмиралу Мишукову о действиях в будущую кампанию корабельного флота». В этом высочайше опробованном секретном указе обозначены инструкции начальнику флота при возникшей расстановке сил. Так, например, если флот противника будет на одну треть меньше российского, то Мишукову следовало над шведами «с помощью Божиею всякие поиски чинить по морскому обыкновению». В указе имелась оговорка: «Однако ж силу неприятельского флота против здешнего в разсуждении располагать по препорции кораблей и по числу калибрам пушек, и содержать сие в вящем секрете»¹⁴.

Бросается в глаза слабая сторона этого указа, которой впоследствии не замедлит воспользоваться Мишуков, а именно: всякий раз, уклоняясь от сражения со шведами, он объяснял это их численным превосходством. Хотя, как явствует из вахтенных журналов, в ходе кампании силы противоборствующих сторон зачастую складывались в примерно равном соотношении. Необходимо добавить факт, хорошо известный из истории морских держав: преимущество противника в силах не останавливало решительных и предприимчивых флотоводцев, стремившихся к атаке и разгрому неприятеля. И наоборот, пассивные и нерешительные адмиралы оправдывали отказ от вступления в сражение классическими причинами, существовавшими в эпоху парусных флотов: либо коварным ветром, мешавшим настигнуть противника, либо его численным превосходством.

Британский исследователь начала XX в. Р.Ч. Андерсон, изучив шведские и российские источники, пришел к выводу, что в целом Россия оказалась более подготовленной к войне, чем Швеция, а шведский флот имел лишь незначительное преимущество над своим против-

ником. По данным Андерсона, корабельный Штат шведов от 1734 г. предусматривал в составе флота 27 линейных кораблей, но к началу кампании налицо оказалось 23 ¹⁵. В марте 1742 г. российский представитель в Копенгагене барон И.А. фон Корф доложил, что, по имеющимся у него сведениям, с матросами у шведов дело обстояло «совсем сложно: будут набирать даже ремесленников и сапожников», но в отличие от нижних чинов, офицерский состав в шведском флоте самый отборный ¹⁶.

С открытием навигации из Кронштадта для крейсерских операций и несения боевого дежурства фрегаты вышли в море: «Россия» проследовал в район между Гогландом и Соммерсом, «Гектор» занял позицию между Соммерсом и Сескаром, «Воин» — между Сескаром и Березовыми островами. Командир фрегата «Гектор» князь Василий Урусов получил из Адмиралтейств-коллегии «Инструкцию о секретном Ея Императорского Величества деле», в которой говорилось:

«1. Когда передний фрегат Россия, крейсирующий к весту, увидит какое неприятельское судно или фрегат, или два, и усмотрит, что оные будут вам под силу, и покажет вам данный от вас ему сигнал, то призвав Всемогущего Бога в помощь, над оными поиск чинить по Морскому Уставу и по морскому обыкновению со всяким прилежанием, дав сигнал и прочим фрегатам, чтоб к вам немедленно в помощь шли, и купно отаковать. И для того командующих фрегатами определить вам надлежащими сигналами, точию смотреть и наблюдать накрепчайшее, чтоб в азард себя не отдать, и для того вышепказанное вам исполнять при благополучном ветре от зюйда и благополучной погоде, чтоб можно было от нечаянного от неприятеля нападения назад ретираду иметь.

2. Ежели вам время и случай допустит, то всемерно как возможно стараться наведываться от арендатора островов Зейтара, Левенсара и Пени о движении, силе, числе и великости кораблей неприятельского флота. И когда вы от него какие известия получать будете, то немедленно во флот или в Кронштадт обстоятельно репортовать, посылая на шлюпке от фрегата до фрегата, даже и до брант вахты, не упуская ни малейшего времени» ¹⁷.

Единая инструкция командирам всех трех крейсирующих фрегатов содержала следующие наставления: «Крейсирующим фрегатам смотреть и накрепко наблюдать:

1. Когда завидит первый от веста фрегат Россия какое одно военное судно, корабль или фрегат, то накрепко доведываться, что за корабль или судно, смотря по состоянию корабля или фрегата силе его. Тогда учинить сигнал, выпалая из одной пушки, чтоб другому ближнему от него фрегату Гектору дать, а Гектору дать же знать фрегату Воину, чтоб к фрегату России как возможно старались ближе подойти.

2. Когда же завидит четыре или пять военных кораблей или фрегатов, тогда сделать сигнал поднятием красный флаг на фор стеньге, опустя марсель до половины стеньга, и выпалить из трех пушек, опускающая и поднимая оный флаг столько раз, сколько кораблей и фрегатов увидит. А на Вест Инджи шлюпе оной флаг поднимать на грот маште, понеже фор стеньга на нем не имеется. А в случае ночи при той же пушечной пальбе дать знать вспышками из феер бликаров.

3. А когда завидит более пяти военных кораблей или фрегатов до осмии, десяти или выше числом, то сделать сигнал поднятием синий флаг на грот стенгге, опустя марсель до половины стенгга, и палить из пяти пушек. Тако же опушая и поднимая оный флаг столько раз, сколько кораблей и фрегатов увидит. В случае ночи при той же пушечной пальбе дать знать вспышками из феер бликаров.

4. Смотреть накрепко, куда оные корабли и фрегаты курс будут иметь, и как возможно домогаться проведывать как о числе оных, так и о величине их, и какой нации.

5. Буде же оные корабли и фрегаты пойдут от Гогланта прямым фоватером к осту, и усмотрено будет, что оные будут военные и неприятельские, то немедленно ретироватца к осту же, чиня сигналы палением чрез каждые минуты из пушек, чтоб как кораблям, фрегатам и прочим судам Ея Императорского Величества, будущим в море, так и в Кронштате заблаговременно можно уведать. А сколько неприятельских кораблей вами усмотрено будет, чинить вам те ж сигналы, как показано во 2м и 3м пунктах. И как возможно те сигналы с пушанием и подниманием флагов чинить хотя и не что боком поворотясь, чтоб можно было другому ближнему от тебя фрегату или судну свободно видеть»¹⁸.

В целом, роль Балтийского флота на ТВД оставалась оборонительной и в самой малой степени — наступательной. Согласно архивной статистике, в зимне-весенние месяцы 1742 г. недостаток во флотских командах по всем судам был примерно вдвое ниже положенного по Штату комплекта. Так, на корабли 66-пушечного ранга полагалось 487 чел. всех флотских чинов, а числилось от 209 до 247 чел.; на фрегатах из положенных по Штату 389 чел. в наличии имелось от 181 до 192¹⁹. Однако к концу мая ситуация с личным составом значительно улучшилась, о чем наглядно свидетельствует «Табель, коликое число по Штату положено содержать в корабельном флоте морских, артиллерийских и солдатских двух полков, и в то число сколько где имеется налицо, и к тому сколько потребно вдобавок». Так, по Штату лейтенантов полагалось 155 чел., а налицо было 144; мичманов — 117, налицо — 87; штурманов полагалось 89, налицо — 43; боцманматов — 273 чел., налицо имелось 243²⁰.

27 мая (6 июня) 1742 г. шведский флот в составе 15 линейных кораблей и пяти фрегатов вышел из Карлскроны и через десять дней подошел к Аспе. Русский флот заканчивал подготовку, и 23 июня на флагманский корабль командующего Балтийским флотом вице-адмирала Мишукова «Св. Александр» прибыл гренадер лейб-гвардии Измайловского полка с приказом президента Адмиралтейств-коллегии графа Н.Ф. Головина — «Не упуская благоприятного ветра», немедленно выходить в море²¹. На следующий день флот в количестве 10 линейных кораблей, трех фрегатов, трех бомбардирских судов, двух прамов и двух брандеров вышел в море; план кампании предусматривал его соединение с архангельскими судами вице-адмирала П. Бредаля. «С оными судами не только себя оборонять, но и с помощью Всевышнего над неприятелем сильный поиск надежно учинить можно», — докладывал императрице Головин. Но «чинить сильного поиска над неприятелем» Мишуков не стал.

26 июня 1742 г. командир дозорного фрегата «Россия» лейтенант С. Вышеславцев доложил: «Сего июня 25 дня пополудни во втором часу прошел от веста к осту аглицкой нации купецкий фрегат, имянуемый Аланд. Шхипер на нем объявил, что видел неприятельских военных судов, стоящих на якоре в шхерах больших и малых двадцать один, а в восьмом часу оногo числа в бытность мою в крейсерстве, проходя близ Соммерса, мною усмотрено неприятельских кораблей и фрегатом, стоящих на якоре у острова Аспо токмо десять»²².

Таким образом, в сложившихся условиях шведы не превышали в силах своего противника — десять линейных кораблей против примерно такого же количества российских и, как представляется, в данном случае катастрофически недоставало твердого намерения начальника русской эскадры вступить в бой.

Момент действительно отличался особенной остротой, когда очень важно было не только воспользоваться паритетом сил, но и осуществить взаимодействие морских и сухопутных сил в условиях, когда русские войска заняли Фридрихсгам, и фельдмаршал Ласси крайне нуждался в огневой поддержке с моря. Он посылал Мишукову депеши с настойчивыми просьбами без промедления атаковать шведский флот и прикрыть гребную флотилию, которая подошла к Фридрихсгаму для оказания содействия войскам и доставки им провианта. Но что в этих условиях предпринял Мишуков? Он созвал консилиум из флагманов, которые вместо решительной атаки вынесли обтекаемое постановление: идти к Аспе «для подлинного осмотра сил неприятеля». В течение недели Мишуков «подлинно осматривал» силы неприятеля, стоя на якоре у Сескара и высылая к Аспе разведывательные фрегаты. В документе указано: «июня 30 числа из Кронштата пришел корабль Нептунус, тогда состоял флот в числе линейных 13 кораблей, в том числе 76 пушек — 1, 66 пушек — 5, 54 пушки — 7. Фрегатом 3, брандеров 2. Итого 18»²³.

6 июля, находясь между островами Лавенсари и Нерва, Мишуков доложил Головину, что флот противника у Аспе увеличился до 20 единиц больших и малых судов. В тот день в вахтенном журнале корабля «Ингерманланд» флагманского контр-адмирала Я. Барша в 1 час пополудни сделали запись: ветер O t W. «Погода облачная с просиянием солнца. Ветер брамсельный. На корабле С: Александре отдали марсели с выстрелом ис пушки, что учинено и у нас. Пошли курсом WNW. У нас парусы имели марсели, зеили и фок на гитовах. В исходе 3 часа на корабле С: Александре поднят был сигнал с выстрелом ис пушки, чтоб флоту лечь в линию де боталии. Таков и у нас и на корабле Ревеле был учинен, а потом легли в линию. В 4 часу к NW слышна была пальба ис пушек, а палили не часто. В 8 часу спустили на корабле С: Александр означенной линейной сигнал».

На следующий день, 7 июля, при ветре от W, Мишуков вновь сигналом приказал флоту лечь в линию и приготовиться к бою. Этот сигнал на его флагманском корабле висел четыре часа, но до самого боя дела не дошло: сигнал спустили, и флот мирно лег на якорь²⁴. Адмирал собрал военный совет, который постановил: «Ежели ветер и благоприятная погода допустят, немедленно всему флоту следовать к острову Соммерсу, и ежели возможно будет, то и далее к весту для осмотру оногo, как оный ясно видим нам быть может в такой дис-

танции, дабы от нечаянного сильного неприятельского нападения ретираду иметь было можно. А ежели неприятельский флот Ея Императорского величества флоту будет по силе, тогда учиня генеральный консилиум, на оный всякие поиски чинить со всевозможным старанием»²⁵. Однако сняться с якоря русским кораблям не позволили сильные встречные ветры, продолжавшиеся до 12 июля.

Шведский командующий также уклонялся от боя, продолжая стоять у Аспе, а 13 июля медленно двинулся к Гангуту, что дало основание историку Р. Андерсону вполне справедливо назвать это «губительным шагом» по отношению к армии, терпевшей сокрушительные поражения в Финляндии²⁶. Проще говоря, шведы бросили свои войска, оставив их без поддержки с моря, и отошли к Гангуту. Ситуация как в зеркальном отражении повторяла поведение командующего Балтийским флотом, который действовал точно так же, оставляя без поддержки армию Ласси.

Адмирал Мишуков, получив сведения о следовании шведов к Гангуту, отрядил к трем крейсирующим кораблям еще два — «Основание Благополучия» и «Азов» с приказом «идти хотя и до Коо Шхера и догнав неприятеля, иметь в виду, а флот за ними следовать имеет немедленно»²⁷. Но немедленного следования не произошло, и вместо этого Мишуков перешел с флотом к Кокшерскому маяку и приказал ложиться в дрейф. Далее оба начальника противоборствующих флотов совершали действия, не объяснимые ни здравым смыслом, ни логикой, а тем более военной необходимостью.

В документе под названием «Экстракт из журнала командующего в Российском флоте кораблем “Основание Благополучия” капитана (и полковника) Макария Баранова в кампании 1742 году» значится, что 14 июля, во втором часу пополудни, командир крейсерского корабля «Северный Орел» А.В. Дмитриев-Мамонов просигналил флоту «бликс феерами и пушками» о близости противника. На рассвете остальные отряженные Мишуковым дозорные корабли также увидели шведов и, как записано в журнале, «находились мы тогда в виду меж обоих флотов, своего и неприятельского, и к своему флоту послали на шлюпке о неприятеле обстоятельный репорт и сверх того, указанным сигналом уведомляли. В 6м часу видно было в нашем флоте по сигналу собрание господ флагманов, а в 7м часу зделан сигнал, чтоб гнать перестать, и от оных кораблям ко флоту притгить. Однако ж мы по данному ордеру до полудни неприятеля в виду имели, а по возврате нашего флота к О фордевинтом, и мы с кораблем Азовом, оставя неприятеля из виду и по учиненному сигналу за своим флотом следовали»²⁸. Другими словами, сражения между русскими и шведами — на этот раз на параллели Гангута — вновь не произошло и, более того, Мишуков сигналами не только прекратил преследование противника, но и отозвал ко флоту крейсеров. Поистине, странные военные действия!

Утром 18 июля на корабле «Северная Звезда» сломалась бизань-мачта, и Мишуков под предлогом отправления «Северной Звезды» в Ревель приказал всему флоту следовать в обратном от Гангута направлении, о чем и доложил в Адмиралтейств-коллегию. После ремонта корабля он намеревался не возвращаться к Гангуту, а зачем-то идти к Гогланду. В коллегии же резонно усомнились в правдивости

такого объяснения, так как адмиралу было достаточно отправить поврежденный корабль в порт в сопровождении фрегата. Поэтому коллегия потребовала ответа: не имел ли командующий каких-либо «других причин удалиться за Гогланд?».

У Гогланда русский флот под предлогом множества больных, которых на самом деле насчитывалось 1033 человека, оставался до 3 (14) августа, однако вместо заболевших из Ревеля прибыло 1013 чел. здоровых, но это обстоятельство не поторопило Мишукова возвращаться к Гангуту. Начав медленное движение, русский флот 7 (18) августа стал на якорь между Наргеном и Сурупом и только 10 (21) числа проследовал к Гангуту, куда подошел в тот же день, в 4 часа пополудни. В журнале капитана М. Баранова записано: «Подходя к Гангуту, в близости оного увидели 3 неприятельских крейсера, из которых один был пушек в 70, другой в 50, третий фрегат, которые увидев нас, немедленно ретировались к своему флоту, в Гангуте лежащему. И отрезать оных за шхерами и подводными камнями никак было не можно, а неприятельский флот видим был в Гангуте кроме помянутых крейсеров в 14 больших и малых кораблях. Командовали оным вице адмирал, контр адмирал и капитан командор, но над оным неприятельским флотом, на якорях лежащем в таком месте как Гангут, поиску учинить было не можно. А определено капитанам Баранову и Полянскому старатца о усмотре силе неприятельской обстоятельно, почему 11 числа оные и старались, но до того неспособные ветры не допустили. И флот наш около полудня поворота шел несколько фордевинт к Осту».

С подходом к Гангуту отремонтированного корабля «Северная Звезда» в распоряжении адмирала Мишукова стало 14 кораблей, два фрегата и 6 мелких судов. Шведский флот также насчитывал 14 единиц, и при способном россиянам ветре сложилось оптимальное соотношение сил. Но решающего сражения не состоялось, и по этому поводу историк Андерсон иронично констатировал: «Такое впечатление, что никто и не думал атаковать. Шведы, вытянув линию, ожидали нападения, но русские вновь исчезли и 25го ретировались обратно к Наргену», где и простояли до окончания кампании, высылая в море крейсеров²⁹. Российские источники подтверждают это высказывание, но для конкретизации обстановки стоит отметить некоторые детали.

В вахтенном журнале корабля «Ингерманланд», младшего флагмана контр-адмирала Я. Барша, отмечено, что 11 (22) августа заметили два крейсирующих шведских корабля, «которые побежали к Ангуту», то есть к Гангуту. А через несколько часов увидели там стоящий на якоре шведский флот, «ис которого в зрительные трубы сочтено 14 кораблей». В 5 час. пополудни при марсельном ветре от WNW, «малооблачной погоде и сиянии солнца» уже был «усмотрен стоящий у Ангута на якоре швецкой флот в числе 12 больших караблей и еще к ним идущих под парусами 3 карабля, да малых одномачтовых судов на якоре 2. Всего 17, в числе которых можно было видеть флаги 1 вице адмирала, 1 контр адмирала и капитана командора». Российские дозорные суда намеревались отрезать крейсирующие шведские корабли и не допустить их соединиться с главными силами, но, как зафиксировано в вахтенном журнале, «видимых от швецкого флота крейси-

рующих караблей нашим крейсерам отрезать было никак не можно, понеже имелись близ шхер и шли в Ангут, и на корабле С. Александре был сигнал, чтоб возвратитца крейсерам ко флоту»³⁰.

Таким образом, располагая достаточными силами, адмирал Мишуков мог при желании поспешить от Гогланда к Гангуту, не задерживаясь у Наргена, и разбить шведов, пока дули благоприятные ветры. Но когда задули встречные ветры от WNW (как по журналу), то Мишуков просигналил флоту ложиться в дрейф, а 14 (25) августа приказал сниматься с якоря и отходить обратно к Наргену. Вполне подходящее объяснение для уклонения от атаки — дул коварный противный ветер.

Пока длился этот «морской балет» адмирала Мишукова, фельдмаршал Ласси направил ему депешу с требованием поспешить с флотом к Гельсингфорсу. Обстановка на сухопутном ТВД складывалась следующая. 19 (30) августа Ласси воспрепятствовал шведским войскам передислоцироваться из района Гельсингфорса к Або, так как шведы намеревались на судах флота переправиться на территорию Прибалтики и высадиться в Эстляндии и Лифляндии. Ласси предложил шведскому командующему графу К.-Э. Левенгаупту капитуляцию, но для этого требовалась поддержка с моря.

23 августа (2 сентября) Мишуков выслал к Гельсингфорсу только три корабля — «Святого Петра», «Город Архангельск» и «Нептунус» — и доложил коллегии, что по причине темных ночей и отсутствия лоцманов следовать к Гельсингфорсу с флотом он не может. Историк Соколов, комментируя нелогичное поведение начальника флота в кампанию 1742 г., резюмировал: «Мишуков около месяца простоял за противными ветрами, а теперь стоял за попутными. В донесении в коллегию от 10 сентября он писал: «Хотя оными, S и SW ветрами к стороне Гельсингфорса иттить можно, точию весьма опасно, ибо вышереченными ветрами, со всем флотом, ежели ветер не переменится, отойти будет не можно. И к тому, ночи темные и немалые, а фарватер узкий, и не приключилось бы флоту гибели?»³¹

Отметим, что в великобританском королевском флоте подобное поведение начальников вверенных им эскадр или флотов расценивалось как трусость или предательство интересов отечества и, как правило, адмиралов ожидали военные суды и суровые приговоры. Но иное дело в России, когда неучастие в сражении по неясным причинам или уклонение от него сходило командующим с рук. Подчеркнем однако, что такие случаи происходили в основном в период боевых действий со шведами на море, чего нельзя сказать о войне с Турцией, когда русские флотоводцы смело и решительно атаквали противника.

Несмотря на фактическое несодействие Мишукова сухопутным частям, капитуляция шведской армии, тем не менее, состоялась, и русские войска заняли всю Финляндию. Успешные операции россиян на суше вынудили шведов согласиться на мирные переговоры, местом проведения которых стороны предварительно планировали Або. В архивном документе указано: «Сентября 3 числа 1742 года. Получено известие о благополучном успехе армии Ея Императорского Величества, и что шведская армия оставила княжество Финляндское и полевую артиллерию, и чрез капитуляцию отпущена морем в Швецию, и о пропуске их судов даютца пашпорты»³².

10 октября Балтийский флот вернулся на базу в Кронштадт, а 19-го на корабле «Св. Александр» адмирал Мишуков спустил свой флаг. Корабли предстояло разоружить, отремонтировать, и пока не подписан мир — подготовить их к следующей кампании. В ноябре в Кронштадте собрались ведущие корабельные мастера — Ричард Броун, Гаврила Окунев и Иван Рамбург, которым Адмиралтейств-коллегия поручила освидетельствовать суда на предмет выявления дефектов для исправления. На этом вопросе необходимо остановиться подробнее в силу его большой значимости.

Освидетельствование судов и составление дефектных ведомостей являлись важной составной частью на протяжении всего существования парусного флота. Как правило, в ходе такой процедуры выявляли типовые для деревянных судов дефекты, которых набиралось достаточно много особенно после активной военной кампании, когда флот участвовал в боевых операциях и вступал в сражения. Деревянные корабли в той или иной мере были подвержены течи, а наличие незначительного уровня воды в трюме являлось нормой. Кроме того, во время штормов и под воздействием сильного ветра ломались верхние части рангоута — стенки, а иногда даже образовывались трещины и в нижних мачтах, что также являлось типичным фактом для деревянных судов. В целях исправления повреждений прямо в море на каждом корабле и фрегате имелись запасной рангоут, такелажные веревки, паруса и другие принадлежности для проведения аварийного или боевого ремонта. А на эскадре в кампании всегда находился корабельный мастер с подмастерьями, тимерманом (главным корабельным плотником) и другими мастерами. Поэтому, увязывать выявленные дефекты с плохим техническим состоянием судов, как это делают отдельные авторы, неправомерно, равно как и делать выводы в целом об отсутствии флота.

После возвращения в порт командиры составляли дефектные ведомости, и согласно этим сведениям в течение зимне-весенних месяцев проводили ремонтные работы и готовили корабли к следующей кампании, при необходимости вводя их в доки. Например, в ноябре-декабре 1742 г. при освидетельствовании обнаружили типовые для деревянных кораблей дефекты, в основном гнилость в деревянных частях набора — в гон-дек бимсах и клямсах. Так, в ведомости по флагманскому кораблю адмирала Мишукова «Св. Александру» записали: «Надлежит починить гон дек бимс один, надлежит переменить при килевании клямсы, вырубить и новые вставить мидель дек бимсов четыре», заменить планшири, пяртнерсы мачт и другие части корпуса³³. Это обычная работа по ремонту корабля и его подготовке к боевой или практической кампании.

В кампанию 1743 г. в Петербурге приняли решение для вынуждения шведов пойти на переговоры действовать по опыту Петра Великого и перенести войну к берегам Швеции, как он сделал это перед Ништадтским миром. Поэтому, открывать военные действия следовало со стороны Ботнического залива и как можно раньше. С этой целью генералу Д. Кейту, находившемуся в Або, было приказано посадить войска на галеры, оставленные в Гельсингфорсе, Борго и Фридрихсгаме, и, соединившись с галерным отрядом (с посаженными на галеры войсками) фельдмаршала Ласси, начинать военные действия

в районе Або. Корабельному флоту предстояло прикрывать галерный отряд Ласси, а архангельской эскадре следовать в Балтику для совместных операций с главными силами. Так, в Кронштадте подготовили 10 кораблей (один 100-пушечный, два 70- и семь 66-пушечных), в Ревеле — семь кораблей, в основном 54-пушечного ранга. Всего вместе с архангельскими судами в составе Балтийского флота находилось 23 корабля.

Упомянутый историк Соколов писал: адмирал «Мишуков, так несчастливо стоявший на якоре в прошлом году, теперь был сделан Главным командиром Кронштадтского порта, а начальство над всем флотом поручено президенту Адмиралтейств-коллегии графу Николаю Фёдоровичу Головину». Прошлую кампанию Головин назвал «бесчестием», а теперь намеревался «доставить славу флоту Ея Императорского Величества»³⁴.

Итак, вместо Мишукова главнокомандующим корабельным флотом Елизавета Петровна назначила Головина, которому 24 апреля 1743 г. направила указ: следовать к Гельсингфорсу и взаимодействовать с галерным флотом, дав галерам возможность безопасно пройти мимо Гангута к Або, а если у Гангута будут шведы, то разбить их. Главной на морском ТВД в 1743 г. стала задача не допустить блокирования шведами главных портов базирования русского флота — Ревеля и Кронштадта — и пресечения русским судам морской коммуникации от Кронштадта до района Або. В соответствии с этой задачей Балтийскому флоту вновь предстояло занять важную позицию у мыса Гангут, где Головин намеревался дать шведам решающее генеральное сражение.

7 мая 1743 г. Адмиралтейств-коллегия доложила Елизавете Петровне о выведении на рейд семи кораблей и других судов, «кои такелажем, как настоящим, так и запасным удовлетворены, кроме некоторых мелочей. Провианты на четыре месяца кроме брандеров и бомбардирских на всех кораблях погружены. Морских служителей всякого звания по Штату определено кроме самого малого числа заболевших. Жалование дано сполна»³⁵. Другими словами, важно подчеркнуть, что ситуация к началу кампании сложилась вполне благополучная. Да и сама императрица воочию смогла в этом убедиться, так как в тот день, 7 мая, лично присутствовала в Кронштадте и инспектировала флот. Этот факт отражен в журнале флагманского корабля Головина «Св. Пётр».

По тому же журналу как важному первоисточнику проследим дальнейшее развитие событий. 22 мая флот в составе 22 единиц, включая 13 линейных кораблей, от острова Наргена направился в сторону Гангута³⁶. На следующий день командир крейсирующего корабля «Северный Орел» отправил Головину донесение о том, что видел там двенадцать шведских кораблей и несколько других судов. 24 мая эту информацию подтвердил командир другого корабля, сообщив следующее: «Сего числа пополуночи в два часа снявшись с дрейфу пошел прямо к неприятельскому флоту», перед которым на расстоянии полумили лавировал их фрегат. «Увидя нас, идущих к себе, ретировался к своему флоту, а я с порученным мне кораблем дошед оног неприятельского флота расстояние с небольшим два пушечных выстрела и оборотив овер штаг, высмотрел» неприятелей. Шведский флот лежал на якоре «в подобие линии де баталии в самом проходе по фарватеру

вест зюйд вест и ост норд ост между острова на котором маяк, и кряжу Гангутского. И по мнению моему, оные лежат тут на якоре не для чего другога, токмо для препятствия проходу галерного Ея Императорского Величества флота. А во время того нашего осмотра неприятель никакова препятствия нам не чинил. Кроме того, как стали к нему приближатца, то с адмиральского корабля выпалено было из одной пушки для сигнала, а нижние порты на всех кораблях были закрыты. Того ради точно окуратность числа пушек описать не можно. Флота капитан Андрей Полянский»³⁷.

Таким образом, шведы, хотя и находились в боевой готовности («наподобие линии баталии»), но никаких действий против русских не предпринимали.

На состоявшемся военном совете мнения офицеров разделились: двенадцать капитанов и два контр-адмирала высказались за отклонение атаки шведов до прибытия галер, так как в таком узком месте атаковать линейным флотом нельзя. Головин вынужден был подчиниться мнению большинства и держаться в море под парусами вблизи Гангута, отправив донесение фельдмаршалу Ласси. После этого флот лавировал напротив шведского, и обоюдное пассивное противостояние продолжалось до 7 июня.

4 июня флот шведов у Гангута увеличился до 21 вымпела, а 7 июня 1743 г. два русских корабля — «Ингерманланд» и «Азов» — открыли огонь по двум вышедшим вперед шведским кораблям. Затем еще три корабля и фрегат шведов «имели движение. И как оные стали подходить к нам ближе, то с наших наперед стоящих бомбардирских из гаубиц, також с посланных двух кораблей Ингермонландии и Азова ис пушек по неприятельским стреляли. От которой стрельбы неприятель поворотясь к своему флоту ретировался, стреляя ис пушек же, токмо вреда никакого у нас не учинено», записано в вахтенном журнале флагманского корабля Н.Ф. Головина³⁸.

9 июня оба флота вновь выстраивались в боевые линии, и шведы впереди своей линии ставили брандеры — зажигательные суда, которые могли бы пустить прямо на линию русских, воспользовавшись ветром, но не сделали этого. Отказ начальствующего шведским флотом от атаки во время своего преимущественного положения на ветре можно называть вторым загадочным эпизодом русско-шведской войны 1741—1743 годов. А русский командующий Головин отметил в журнале: «Хотя в бой вступить все офицеры и морские служители охотно желали, но по случаю имевшего неприятелю авантажа» не решились рисковать. Головин сослался на указ Елизаветы Петровны, в котором говорилось, что если противник окажется в превосходных силах или в преимущественном положении, то от атаки можно уклониться. На этом военные действия на море закончились.

Также как и в 1742 г., в кампании 1743 г. не произошло генерального сражения со шведами. Но корабельный флот выполнил одну из своих главных задач — обеспечил прикрытие галерному флоту, который безопасно прошел мимо шведов на параллели Гангута в Ботнический залив. Известный автор «Жизнеописаний российских адмиралов» В.Н. Берх лаконично отметил: «Граф Головин не хотел вступить в сражение с неприятельским флотом. Причины нехотения его от нас сокрыты»³⁹. «Причины нехотения» обоих командующих,

Мишукова и Головина, разбить шведский флот «сокрыты» от нас до сих пор. 7 (18) августа 1743 г. в Або состоялось подписание мирного договора России со Швецией.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (АВПРИ), ф. 96, сношения России со Швецией, оп. 96/1, 1741 год, д. 5, л. 572—574.
2. АВПРИ, ф. 96, оп. 96/1, 1741 год, д. 5, л. 587.
3. Там же, д. 6, л. 242.
4. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 212, оп. 5, д. 62, л. 8.
5. АВПРИ, ф. 96, оп. 96/1, 1741 год, д. 7, л. 15—16.
6. Там же, л. 175—176. Граф К.-Э. Левенгаупт — командующий шведскими войсками в Финляндии.
7. Данные по: ANDERSON R.CH. *Naval Wars in the Baltic*. L. 1910, p. 215.
8. СОКОЛОВ А.П. Морские походы против шведов 1742 и 1743 годов. В кн.: Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства. Ч. 5. СПб. 1847.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 21, оп. 1, д. 48, л. 21—21об., 24об.
10. СОКОЛОВ А.П. Ук. соч., с. 260.
11. РГАВМФ, ф. 212, 1742 год, д. 6, л. 2—3.
12. Там же, л. 11об.
13. Там же, д. 2, л. 32.
14. РГАДА, ф. 21, оп. 1, д. 48, л. 1—2.
15. ANDERSON R.CH. *Op. cit.*, p. 215.
16. Материалы для истории русского флота (МИРФ), ч. 9, с. 125. Донесение Корфа от 23 марта 1742 года.
17. РГАВМФ, ф. 230, оп. 1, д. 19, л. 7—8об.
18. Там же, л. 9—12.
19. Там же, ф. 212, 1742 год, д. 4, л. 16.
20. РГАДА, ф. 21, оп. 1, д. 48, л. 12—14.
21. Вахтенный журнал корабля «Св. Александр», 1742 год. РГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 276б.
22. РГАВМФ, ф. 230, оп. 1, д. 19, л. 70об.
23. РГАДА, ф. 21, оп. 1, д. 48, л. 186 об.—187.
24. Вахтенный журнал корабля «Ингерманланд», 1742 год. РГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 269а.
25. РГАВМФ, ф. 230, оп. 1, д. 19, л. 71—71об.
26. ANDERSON R.CH. *Op. cit.*, p. 217.
27. РГАВМФ, ф. 230, оп. 1, д. 19, л. 459.
28. Там же, л. 456—463об.
29. ANDERSON R.CH. *Op. cit.*, p. 218.
30. Вахтенный журнал корабля «Ингерманланд». 1742 год. РГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 269а, л. 30, 33об.
31. СОКОЛОВ А.П. Ук. соч., с. 286.
32. РГАВМФ, ф. 230, оп. 1, д. 19, л. 453.
33. Там же, л. 307—307об.
34. СОКОЛОВ А.П. Ук. соч., с. 294 — 297.
35. РГАВМФ, ф. 230, оп. 1, д. 25, л. 7— 7об.
36. Там же, ф. 870, оп. 1, д. 291. Представляют интерес наименования российских судов. Это корабли «Св. Александр», «Св. Пётр», «Слава России», «Ингерманланд», «Основание Благополучия», «Город Архангельск», «Кронштадт», «Астрахань», «Азов», «Нептунус», «Св. Андрей», «Северная Звезда». Фрегат «Воин», пакетбот «Новый Почтальон», бомбардирские суда «Юпитер» и «Самсон», бригандеры «Митау» и «Бриллиант», госпитальное судно «Новая Надежда».
37. РГАВМФ, ф. 230, оп. 1, д. 26, л. 36, 40—40об.
38. Там же, ф. 870, оп. 1, д. 291.
39. БЕРХ В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или опыт истории Российского флота. СПб. 1831, с. 138.

Алексей Александрович Стахович

Л.И. Савельева

Аннотация. Цель данной работы — показать роль Алексея Александровича Стаховича в создании и деятельности Московского Художественного театра. Автор идет по стопам документальной прозы исследователя МХТ О.А. Радишевой и ее труда «Станиславский — Немирович-Данченко. История театральных отношений» (М. 1999), в котором впервые А.А. Стахович как меценат по праву занимает место в одном ряду с С.Т. Морозовым. Трагичность судеб обоих тесно связана с историей Российского государства.

Ключевые слова: К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, А.А. Стахович, Московский Художественный театр.

Abstract. The aim of this work — to show the meaning of Alexei Alexandrovich Stakhovich in the creation and existence of the Moscow Art Theatre. The author goes through the footsteps of documentary prose of the researcher of the Moscow Art Theatre O.A. Radisheva with her work “The Stanislavsky — Nemirovich-Danchenko. The History of theatrical relations” (M. 1999), where for the first time A.A. Stakhovich as a philanthropist right fully occupies a place along side S.T. Morozov. The tragic fate of both is associated with history of the Russian State.

Key words: K.S. Stanislavsky, V.I. Nemirovich-Danchenko, A.A. Stakhovich, Moscow Art Theatre.

В центре внимания данного исследования находится судьба русского аристократа из рода Стаховичей, пережившего события октября 1917 г. и оставшегося в России, испытавшего слом традиционных вековых устоев людей своего круга, сменившего военный мундир не только на штатское платье, но и на театральный костюм актера профессионального театра.

Любительские театры в России с 1880-х гг. получили распространение во всех слоях образованного общества. Увлечение театральным искусством размывало границы между сословиями.

Привязанность Алексея Александровича Стаховича к Московскому Художественному театру объяснялась его симпатией к демократической направленности искусства, провозглашенной как манифест

Савельева Людмила Ивановна — театровед. E-mail: 095history@mail.ru.

Savelyeva Ludmila I. — theater critic. E-mail: 095history@mail.ru.

при открытии нового театрального предприятия. Лейтмотивом же этой многолетней любви стала материальная поддержка — русский аристократ продолжил традицию меценатства русского купечества.

Род дворян Российской империи — Стаховичи — происходит от Андрея Стаховича, бывшего в 1691 г. сотником Городничким в Черниговском полку. «Род Стаховичей внесен в I часть родословных книг Полтавской, Черниговской, Московской и Орловской губерний»¹.

«Стаховичи — польского происхождения, вышли с середины XVII века в Россию и, вероятно, записались в казаки.

При гетмане Скоропадском Пётр Великий обратился к Андрею Стаховичу со словами: “А гетманом-то следовало быть тебе”. Сельцо Рогинцы Раменского уезда — родовое их имение. Стаховичи были коренными полтавскими дворянами и до 19 века в Орловской губернии не были известны»².

Отец Алексея Александровича (21 января 1856—27 февраля 1919) Александр Александрович Стахович (1830—1913), по семейным воспоминаниям, «был крупным помещиком, выводил орловских рысаков, служил в лейб-гусарах». Награжден орденом Св. Анны I степени и Св. Станислава I степени. Член Государственного Совета, Главный управляющий государственного коннозаводства, шталмейстер Двора.

В статье «О дворянстве» А.С. Пушкин писал: «Что такое дворянство? Потомственное сословие народа высшее, то есть награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его представителями. С какой целью? С целью иметь мощных защитников или близких к властям и непосредственных представителей». «Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли они качества природные? Так: но образ жизни может их развить, усилить — или задушить. Нужны ли они в народе, так же, как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они (*la jeune garde*) трудолюбивого класса, которому некогда развивать эти качества»³.

Потомок великого князя литовского Гедемина князь Александр Дмитриевич Голицын вспоминал о годах своей молодости и студенчества в Петербургском Университете во времена императора Александра III, приверженца русской старины, при котором в искусстве получил широкое распространение «новый русский стиль»: «...роскошь, красота и величие столичной жизни проявлялись не только на приемах высшего петербургского общества, где они становились достоянием очень ограниченного круга лиц, но ими можно было восторгаться и любоваться, и это было уже доступно более широкому кругу столичных жителей на представлениях во всех императорских театрах.

Тот, кто бывал на спектаклях Мариинского или Михайловского театров, не мог не сохранить до конца своей жизни память о том блеске и красоте, которые представляли из себя эти спектакли именно с внешней стороны. Действительно, ни один театр мира не мог дать такого зрелища публике, ибо нигде не было того разнообразия и красоты форм нашей гвардии и ни в одном театре мира ложи не блистали столь величавой красотой женщин, украшенных родовыми драгоценностями».

«Огромную роль в Петербургском обществе играли, конечно, и военные круги, но они были вкраплены решительно во все слои.

Военный мундир преобладал почти везде. Но наша аристократия комплектовала некоторые определенные полки гвардии. Таковыми в первую голову были в это время: Преображенцы, Кавалергарды, Лейб-гусары, Конногвардейцы и Гвардейский экипаж. В этих полках обыкновенно начинали свою службу Наследник Цесаревич и все Великие Князья. Следующие по значению своему в этом смысле считались: Лейб-казаки, Стрелки Императорской фамилии, Уланы Ее Величества, в особенности после назначения Императрицы Александры Фёдоровны шефом этого полка, и Гвардейская артиллерия»⁴.

Увлечение театром, великосветские любительские и домашние спектакли были одной из форм дворянского быта. Такое проведение досуга имело просветительский характер и отражало традиции русского царского двора. Своего апогея театральные постановки в высшем дворянском обществе достигли к 1889—1890 годам. В 1890 г. в Эрмитажном театре была поставлена пьеса графа А.К. Толстого «Царь Борис», где роль Бориса Годунова исполнял Александр Александрович Стахович.

«Не знаю, как другие, а я никогда не мог без волнения входить в Эрмитажные залы. Сквозь дымку современности, невольно чудились картины прошлого. Здесь Великая Екатерина впервые слушала “Недоросля”. Здесь впечатлительный Павел решал судьбу “Ябеды”. Величественный амфитеатр, одно из последних творений Гваренги, как-то располагает к уюту. В этих стенах легче воспринимаются поэтические образы. Официально режиссировал “Царя Бориса” Александринский премьер Н.Ф. Сазонов, но неофициально душой спектакля был Александр III. По словам участников, он частенько присутствовал на репетициях, давал ценные указания, как касавшиеся стиля пьесы, так и общего ее характера. Интерес спектакля увеличивался еще участием в нем Высочайших особ. Покойный Великий Князь Сергей Александрович играл царевича Феодора, Великий Князь Павел Александрович — Христиана Датского, принц Пётр Александрович Ольденбургский — маленькую роль стольника. Особенно примечателен был Великий Князь Павел Александрович. Его дикция, умение держаться на сцене, теплый тон игры изобличали в нем недюженного артиста. Выделялся еще князь С.М. Волконский (Миранда, папский нунций) и И.В. Вельяшев — Лев Сапега. Слабее других был А.А. Стахович, игравший Бориса. У старика, когда-то прекрасного любителя, не хватало голоса. Держался он на сцене вяло, безжизненно, без всякого намека на царское величие... Обставлена трагедия была необыкновенно роскошно. Достаточно сказать, что костюмы свиты иностранных послов обошлись чуть ли не в 700 р. каждый. Кроме того, на сцене, в качестве бутафории красовались вещи из эрмитажных коллекций... “Царь Борис” повторялся множество раз, пока весь Петербургский свет не перевидал его сполна»⁵.

Спектакль в Эрмитажном театре вспоминал и его участник, князь Сергей Михайлович Волконский, который в 1889 г. на домашнем представлении в доме своего отца, сына декабриста М.С. Волконского, сыграл роль царя Фёдора Иоанновича в одноименной трилогии графа А.К. Толстого, до того времени находившейся под запретом духовной цензуры: «Наш пример оказался заразителен: пошла в петербургском обществе полоса любительства на широкую ногу. В разных домах давались “Власть тьмы” Л. Толстого, “Борис Годунов”

А.С. Пушкина. На Эрмитажной придворной сцене поставили “Царя Бориса”. Это был спектакль блистательный — для глаз; было на сцене больше бриллиантов, нежели талантов. Царя Бориса играл Александр Александрович Стахович, отец Алексея Александровича, который впоследствии играл в Художественном театре и был так популярен по Москве в роли дяди Мики в “Зеленом кольце”. Старик Стахович был известный театрал, хороший чтец, но роль Бориса ему совсем не удалась; его читка была вязкая, тягучая. Все вместе было удручающе скучно и бесконечно длинно. В спектакле участвовали Великие князья, так несчастно кончившие: Сергей Александрович и Павел Александрович. Павел почему-то считался хорошим актером; он играл царевича Христиана Датского, по-моему, бездушно, однообразно — тепленькая водица».

Волконский писал и об участии в спектакле Алексея Стаховича: «...я отходил в сторону и садился на один из табуретов, приготовленных для отдыха послов; мой табурет был рядом с табуретом Алексея Стаховича, бывшего в свите английского посла; мы обменивались поклонами и делали вид, что “разговариваем о москалях”. С Алексеем Стаховичем я был в то время мало знаком. Впоследствии он стал свояком моего брата Александра (оба были женаты на Васильчиковых), мы виделись чаще; он приманил меня к Художественному театру; проездом из Петербурга в деревню и обратно я останавливался у него на Страстном бульваре, в доме другой его свояченицы, княгини Ливен. Всегда находил в нем ровность отношения, интерес к тому, что меня интересовало, и готовность содействовать мне, когда то было ему возможно. Но окончательно я сблизился с ним и совсем узнал его только в последние месяцы его жизни»⁶.

Еще один участник постановки «Царя Бориса» В.Ф. Джунковский вспоминал спектакль, состоявшийся в год смерти Александра Александровича Стаховича, по своим дневниковым записям 1913 года: «А.А. Стаховичу было 82 года, когда он скончался. Он хорошо был известен артистическому и коннозаводческому миру. Страстно любя театр, он сам много играл на сцене. Ему пришлось играть Хлестакова, когда в Петербурге в Пассаже был поставлен “Ревизор” в пользу Общества имени Островского, с участием И.С. Тургенева в роли купца Абдулина и А.Ф. Писемского — Городничего. А в Эрмитажном театре Зимнего дворца А.А. Стахович играл царя Бориса в присутствии Александра III и всей царской семьи. Я очень хорошо помню этот спектакль, в котором и я принимал участие в одном действии в свите австрийского посла. В присутствии же Александра III он читал драму графа Толстого “Власть тьмы”, результатом чего было разрешение на постановку этой пьесы в театре.

Покойный много работал по земству в своем родном Елецком уезде в Орловской губернии. Это был очень хороший человек, правдивый, увлекавшийся и интересный собеседник. 2 марта его отпевали, и я проводил его тело до Николаевского вокзала, откуда оно было перевезено в Орловскую губернию в имение Пальна для погребения»⁷.

О мастерстве Стаховича-чтеца записала в своем Дневнике Т.Л. Толстая-Сухотина: «...сосед по имениям А.А. Стахович был в Ясной Поляне 26 октября 1886 г. и... отлично читал нам Островского. Гостил он в Ясной Поляне с 20 по 24 октября 1886 г. и читал драму А.Н.

Островского “Не так живи, как хочется” и произведения Гоголя. К его второму приезду Толстой сказал ему: “Вашим чтением вы расшевелили меня. После вас я написал драму”»⁸.

Брат Александра Александровича Михаил Александрович Стахович (1820—1868) избирался предводителем дворянства Елецкого уезда Орловской губернии. Он был писателем, драматургом (его пьеса «Ночное» была популярна и даже входила в репертуарные планы Московского Художественного театра). Разделял взгляды славянофилов, был дружен с А.С. Хомяковым. Под влиянием П.В. Киреевского начал собирать народные песни в Орловской, Тамбовской, Рязанской и Воронежской губерниях и издал четыре сборника собранных песен. Писал стихи и занимался переводами, входил в круг литераторов редакции «Москвитянина». Как человек великодушный ратовал за освобождение крестьян с землей.

Из большой семьи Александра Александровича Стаховича воинскую службу несли его сыновья Павел Александрович и Алексей Александрович, поступивший юнкером в Николаевское кавалерийское училище в 1875 году. 16 апреля 1878 г. он был переведен из взводных в корнеты Кавалергардского полка.

18 августа 1890 г. был назначен полковым адъютантом, а 21 апреля 1891 г. — адъютантом великого князя Сергея Александровича, который указом императора Александра III получил должность московского генерал-губернатора.

Служивший в Преображенском полку Джунковский, назначенный адъютантом великого князя Сергея Александровича, вспоминал: «Дежурным адъютантом был Стахович — кавалергард, женатый на Васильчиковой. Я его довольно хорошо знал, так как был дружен со всем семейством Стаховичей, младший его брат Павел был даже одного выпуска со мной из Пажеского Корпуса».

В обязанности адъютанта великого князя входило сопровождение его в поездках, на парадах и во время смотров полков и частей Московского военного округа, а также выполнение отдельных поручений. В 1892 г. Стахович был на пожаре в Бабьем городке: «Это был положительный ад. Великий князь пробыл на пожаре до 8 часов вечера, обходя место пожарища и утешая несчастных, потерявших все свое имущество».

Во время неурожая 1892 г. и сбора пожертвований Стахович был направлен в Тулу, откуда сообщал телеграммой: «Качество прибывшей в Тулу и Богородицкий уезд кукурузы превосходное: достаточно суха, специальной сушки не требуется. Распределение по уезду сделано общим собранием попечителей, раздача началась (Московские ведомости. 30 января, № 30, с. 3)»⁹.

Увлечение театром и в столицах, и в провинции затронуло различные слои общества. Не только дворянство, но и купечество, гимназисты принимали участие в этом наиболее демократичном виде искусства. Быть «театралом» считалось как бы обязанностью культурного человека.

По воспоминаниям директора Императорских театров В.А. Теляковского, «...при дворе Великого Князя Сергея Александровича были настоящие любители театра, посещавшие его не только в дни присутствия в театре Великих Князей. Самым ярким театралом был адъю-

тант Великого Князя Алексей Стахович, который впоследствии так увлекся театром Станиславского, что вышел в отставку и сам сделался актером этого театра. Так же любили и посещали театры и два других адъютанта Великого Князя — граф Л.Н. Игнатъев и В.Ф. Джунковский.

Все эти лица, как и секретарь Великой Княгини Н.А. Жедринский охотно посещали все театры, как Императорские, так и Художественный, были в курсе всего происходящего, знали почти всех артистов, художников и других ответственных служащих»¹⁰.

В феврале 1989 г. Стахович вел переговоры с В.И. Немировичем-Данченко и К.С. Станиславским, с которым к этому времени был знаком лично, о постановке любительского спектакля в доме Московского генерал губернатора. Спектакль был задуман вместо традиционного ежегодного бала, даваемого в честь московского дворянства.

Было известно о планах Немировича-Данченко, дворянина, женатого на баронессе Е.Н. Корф, университетски образованного драматурга, близкого к Императорскому Малому театру, и преподавателя музыкально-драматического училища Московского филармонического общества и потомственного почетного дворянина из купеческого рода Алексеевых, являвшегося режиссером и актером Московского общества искусства и литературы К.С. Станиславского, создать свой театр.

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна приняла под свое покровительство музыкально-драматическое училище при Московском филармоническом обществе, сменив на этом посту великого князя Николая Николаевича (Старшего) (1831—1891), который в 1883 г. преобразовал Общество любителей музыки и драматического искусства в Московское филармоническое общество, включив в него частную музыкальную школу Петра Адамовича Шостаковского. Средства этого учебного заведения, приравненного по правам к консерваториям Императорского русского музыкального общества, складывались из частных пожертвований директоров и членов попечительского совета, состоявшего из дворянской знати и именитых купеческих семей, покровительствовавших искусствам. Благодаря ходатайству Елизаветы Фёдоровны, с 1 января 1898 г. Филармоническое общество стало получать ежегодную правительственную субсидию¹¹.

В 1888 г. Станиславским, А.Ф. Федотовым и Ф.П. Комиссаржевским было основано Общество искусства и литературы как «артистический клуб без карт», имеющий «целью способствовать развитию изящных вкусов, а также давать возможность проявления и развития сценических, музыкальных, литературных и художественных талантов»¹².

В 1891 г. Елизавета Фёдоровна оказала поддержку Обществу, которое из-за финансовых трудностей было на грани закрытия. Ее имя привлекло представителей купечества И.А. Прокофьева, Т.В. Митюшина, Н.Н. Грекова, Н.А. Лукутина, П.В. Голубкова, А.М. Левитского, обеспечивших существование Общества еще почти на десять лет.

Елизавета Фёдоровна посещала занятия классов в Музыкально-драматическом училище Филармонического общества и бывала на спектаклях Общества искусства и литературы. Особенно ей понравился спектакль «Потонувший колокол» по пьесе Г. Гауптмана.

Личное знакомство Стаховича и Станиславского состоялось на спектакле «Уриэль Акоста» К. Гуцкова (1895), за кулисами Охотни-

чьего клуба, в помещении которого шел этот спектакль Общества искусства и литературы, где Станиславский с огромным успехом играл главную роль.

Через много лет Константин Сергеевич вспоминал: «В антракте Великие Князья приходили к нам за кулисы, чтоб благодарить и знакомиться с артистами. Среди свиты выделялся красавец адъютант Стахович. Его изящество, обаяние, любезность, веселость сразу привлекли к нему общее внимание. Великие Князья, как полагалось, оставались недолго, но адъютант их не уходил еще долго. Он смешил, острил, он нас хвалил. А это очень нужно робким, неуверенным в себе любителям, какими тогда мы были. А Алексей Александрович умел восторгаться, хвалить, ободрять.

При следующих посещениях наших любительских спектаклей Великими Князьями, красавец адъютант всегда бывал с ними даже и не будучи дежурным. Он приходил к нам за кулисы и все ближе знакомился с любителями.

Следующие встречи со Стаховичем происходили на приемах у Великого Князя. В ожидании своей очереди мы любовались изяществом красавца адъютанта, его французским языком, умением принять, обласкать, помочь, ободрить или наотрез отказать назойливым посетителям. «Я всю жизнь был на народе, всю жизнь играл роли. Придворный — тот же актер», — говаривал Алексей Александрович, вспоминая о прошлом.

Следующие встречи происходили на репетициях великосветского спектакля»¹³.

Великосветский любительский спектакль в доме Московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича был сыгран 11 февраля 1898 года. Исполнялись: сцена из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (Онегин — камер-юнкер Высочайшего двора, товарищ прокурора Московской судебной палаты Иван Леонтьевич Томашевский, Татьяна — его жена Марина Владимировна Томашевская); одноактная комедия А. Доде «Лилия» (роль маркиза Курсона де Лоне исполнял князь Николай Владимирович Голицын, роль члена Конвента Видаля — камергер, секретарь великой княгини Николай Александрович Жедринский, его дочери Виргинии — фрейлина великой княгини Екатерина Николаевна Козлянинова (в замужестве Струкова), роль Венсана Каде — камергер Двора великого князя Аркадий Петрович Корнилов); в «Песни торжествующей любви» из оперы А.Ю. Симона (либретто Н. Вильде) по одноименной повести И.С. Тургенева роль Муция исполнил А.А. Стахович, Валерии — Софья Сергеевна Трепова (урожд. Блохина), жена московского обер-полицмейстера полковника Д.Ф. Трепова, партию Фабия — Иоанн Николаевич Иловайских, сын командира 1-го Донского казачьего полка Московского округа полковника Николая Петровича Иловайского, роль немого слуги-малайца — солист балетной труппы Императорского Большого театра В.Ф. Гельцер (в этом спектакле он повторил роль, сыгранную в спектакле Большого театра и принесшую ему заслуженный успех); первый акт «Романтиков» Э. Ростана (роль Сильветы исполнила княгиня Зинаида Николаевна Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстон, роль Персине — князь Пётр Михайлович Волконский, Страфореля — камер-юнкер высочайшего Двора Николай

Владимирович Струков, Бергамена — камер-юнкер Двора великого князя Алексей Михайлович Жеребцов, роль Паскино — камергер, секретарь великой княгини Николай Александрович Жедринский.

В спектакле принял участие оркестр Императорского Большого театра под управлением главного капельмейстера И.К. Альтани, в народных сценах были заняты ученики Музыкально-драматического училища и актеры-любители Общества искусства и литературы.

«Успех был полный, и я должен сказать, что хорошо сошло — все так изяшно, — декорации и освещение идеально милы; пальму первенства получили “Романтики” — Зинаида (княгиня Юсупова графиня Сумарокова-Эльстон Зинаида Николаевна. — Л.С.) была амурно мила — все вместе прямо картина Ватто — так и просится на веер» — писал великий князь Сергей Александрович великому князю Павлу Александровичу. В своем дневнике от 8 февраля он записал: «Смотрел все репетиции — Алексеев хорошо руководит», а 10 февраля — «Стахович пел хорошо...»¹⁴

В своих воспоминаниях «Из прошлого» Немирович-Данченко, говоря о предыстории создания Московского Художественного театра, отметил: «Спектакль вышел очень удачным и оказался первой зарницей нашего будущего театра»¹⁵.

Станиславский и Немирович-Данченко задумывали свой театр как частный; вопрос же его финансирования до того, как 10 апреля 1898 г. был подписан договор Товарищества с целью учреждения в Москве общедоступного театра, оставался открытым. Финансирование из личных средств Станиславского Общества искусства и литературы подорвало его финансовое положение, и он не мог стать единственным владельцем задуманного театрального предприятия. Идея акционерного общества, весьма распространенная к этому времени, о которой задумывался Станиславский еще в 1895 г., была отвергнута Немировичем-Данченко, опасавшимся, что среди акционеров могут оказаться люди, ставящие коммерческий интерес выше художественного. В январе 1898 г. Немирович-Данченко подал в Московскую городскую думу докладную записку о необходимости открытия в Москве общедоступного театра¹⁶.

Для создания основного капитала будущего театра пришлось обратиться к директорам и членам Правления Московского филармонического общества и членам Правления Общества искусства и литературы. К.К. Ушков, К.В. Осипов, Д.Р. Востряков, К.А. Гутхейль, Н.А. Лукутин (входивший также в Правление Общества искусства и литературы), В.К. Фирганг и А.И. Геннерт от Филармонического общества, а также П.П. Кознов, братья Савва и Сергей Морозовы, И.А. Прокофьев от Общества искусства и литературы внесли свои паи в Товарищество. «Тут, кажется, немаловажное значение имел спектакль в доме Елисаветы Феодоровны»¹⁷.

Были избраны и утверждены учредители театра — Станиславский и Немирович-Данченко. Одним из условий, оговоренных в пункте 14 Договора Товарищества, было «...предоставление ученикам драматических классов Московского Филармонического Общества упражнений, а по окончании ими курса — занятий в Общедоступном театре. В случае невозможности достижения такого соглашения распорядители должны представить общему собранию Товарищества док-

лад об условиях открытия при Общедоступном театре самостоятельной школы». Условия эти театром были соблюдены, школа открыта; в труппу театра вошли и члены Общества искусства и литературы и ученики драматических классов МФО.

Театр открылся 14 октября 1898 г. спектаклем по пьесе А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович», положившим начало историко-бытовой линии в репертуаре. Участники театральной труппы вместе с художником В.А. Симовым совершили поездки по старинным городам севера, знакомясь с архитектурой, собирая старинные вещи и ткани. Они посетили Ростов Великий, где с 1883 г. при поддержке императора Александра III велись восстановительные работы в Кремле и был открыт музей церковных древностей в Белой и Отдаточной палатах. С Древлехранилищем познакомил их Иван Александрович Шляков, действительный член Императорского археологического общества¹⁸.

В Нижнем Новгороде Андрей Осипович Карелин, знаменитый художник-фотограф и собиратель русской старины, подарил им вещи из своей коллекции. Его сын Андрей Андреевич Карелин являлся основателем и хранителем Нижегородского городского художественного и исторического музея, почетным вольным общником Императорской Академии художеств.

Великий Князь Сергей Александрович предоставил театру рисунки-эскизы Евгения Петровича Пономарёва, окончившего курс Академии художеств, занимавшегося историей костюма и в 1887 г. поступившего на службу в дирекцию Петербургских операторских театров. Художник подготовил их для постановки «Царя Бориса» в Эрмитажном театре. Станиславским был приглашен копиист рисунков, тексты-пояснения художника Пономарёва на обороте каждого листа скопированы самим Станиславским. На обложке альбома, в который вошли эскизы, стоит дата «7 августа 1898 года».

В отчете Театра за первый год работы среди особо важных событий отмечено, что «1 декабря театр был удостоен чести посещения Их Императорских Высочеств, присутствовавших на трагедии “Царь Фёдор Иоаннович”. Вторично великая княгиня посетила театр 22 декабря, когда шел спектакль в пользу нуждающихся учеников Музыкально-драматического училища Филармонического общества»¹⁹.

Постоянно увеличивавшиеся расходы вынудили первых пайщиков отказаться от дальнейшего финансирования театра и в 1901 г. расторгнуть договор Товарищества. В 1902 г. договор вновь был подписан при активном участии Саввы Тимофеевича Морозова, выкупившего доли первых пайщиков, а также сделавшего реальный шаг в демократизации управления театром: он субсидировал на $\frac{1}{3}$ группу актеров. Пайщиками стали А.П. Чехов, художник Симов и Стахович.

На несовершенство договора в части возможности привлечения в число пайщиков актеров, людей близких театру обратил внимание Чехов. В письме к жене от 10 февраля 1902 г. он писал: «Театр на паях — это хорошо, но устав их ни к черту не годится. Почему пайщиками Стахович, Я, а нет Мейерхольда, Санина, Раевской? Нужны тут не имена, а правила: нужно установить, чтобы пайщиком делался всякий, прослуживший не менее 3 или 5 лет, получивший жалованье не меньше такой-то цифры. Повторяю, нужны не имена, а правила, иначе все полетит»²⁰.

В 1902 г. В.Э. Мейерхольд, а также режиссер А.А. Санин с группой артистов ушли из Театра. В частных письмах Чехов также писал о намерении уйти из пайщиков, ссылаясь на отсутствие в данный момент необходимых средств.

В §17 Договора говорилось, что избранный большинством голосов председателем Товарищества Морозов «имеет контроль за всем ходом дела». «Порядок и распределение занятий среди членов правления и равно управление хозяйственной частью могут быть изменены только по постановлению собрания большинством голосов, но с неперемennого согласия на сей предмет С.Т. Морозова. Если С.Т. Морозов не найдет возможным изменить существующий порядок, то таковой должен оставаться в силе даже вопреки постановлению собрания»²¹. Голосовавший против этого пункта Договора Немирович-Данченко увидел в нем наступление на права учредителей Театра.

В письме О.Л. Книппер-Чеховой в июле 1902 г. в имение Станиславского Любимовку, где отдыхали Чехов и его жена, Немирович-Данченко писал: «Итак, Вы живете в Любимовке... К Вам бывают Морозов и Стахович и незаметно, даже, может быть, полусознательно стараются втягивать Вас во вкус того театра, в какой, по их самому искреннему убеждению, должен выродиться наш Художественно-Общедоступный театр»²².

Речь в этом письме идет о необходимости выбора художественного направления театра после того, как наряду с «Тремя сестрами» Чехова, определявшими лицо театра, в его репертуаре появились и пьесы М. Горького, дружившего с Морозовым, который материально поддерживал революционеров.

Естественно, что это отдаляло великих князей от театра. Стахович же оставался соединяющим звеном. Будучи пайщиком Товарищества по договору, он имел право голоса в собрании пайщиков.

Когда в 1904 г. Морозов отказался финансировать Театр, поставив его в безвыходное материальное положение, он сослался на нарушение Договора с театром в той его части, где речь шла об условии постановки пьес, «имеющих общественное значение», «а не имеющих такового, даже имеющих коммерческих успех, не могут входить в состав репертуара». К этому времени театр обратился к символистским пьесам М. Метерлинка, а предложенная к постановке пьеса Горького «Дачники» подверглась критике со стороны Немировича-Данченко как пьеса тенденциозная в показе русской интеллигенции. Критическое отношение к пьесе привело к резкому разрыву театра с драматургом на многие годы.

Отвечавший за репертуарную политику театра и имевший как драматург право литературного вето, закрепленного за ним еще по первому Договору, Немирович-Данченко расходился во вкусах со Станиславским, предпочитая драмы идей от Г. Ибсена до Ф.М. Достоевского. Резким контрастом представлялся ему великосветский спектакль в доме великих князей.

«Театр изящных статуэток никогда не захватывал меня. Константин Сергеевич, блестящий режиссер для спектаклей с великой княгиней и Стаховичем, интересовал меня постольку, поскольку можно было воспользоваться его талантом, чтобы его театр перестал быть забавой для богатых людей и сделался крупным просветительным учреждением... Все вы люди со вкусом, вернее с сильно развитой самокритикой,

увидели, что прекрасно делать можете только маленькое дело, что все вы, включая сюда и Вас, и Москвина, и Станиславского, — большие мастера на маленькие задачи, и истинное художественное удовлетворение получаете только от статуэток, вами сотворенных»²³ — писал он Качалову в 1906 г. после гастролей театра по городам Европы.

События в стране 1905 г. вынудили Театр уехать на гастроли, заняв деньги у Литературно-художественного кружка. Огромный успех не решил финансовых проблем, и только поддержка купца Н.Л. Тарасова и его родственника Н.Ф. Балиева, также оказавшихся в это время в Европе, дали возможность коллективу вернуться в Россию.

В 1906 г. в неотправленном письме Станиславский обращался к Стаховичу: «Если тебе дорога судьба Художественного театра, приезжай скорее, пока еще не поздно. Мы вернулись в Москву с большим багажом славы и регалий. Иностранцы дали нам патент первого театра мира, нас принимали как представителей русской культуры. Иностранные артисты с Кайнцем во главе приходили к нам учиться, лучшие представители литературы пишут для нас пьесы, политики на наших спектаклях впервые познакомились с русским народом, а у нас едва хватает денег на текущие расходы. Театр находится в большой опасности из-за материальных причин. Мы с Немировичем не можем взять на себя ответственность за его судьбу, и потому приезжай скорее разделить ее с нами. Вот почему ответственность так велика. Напоминаю тебе, об какой ответственности я говорю:

1). Художественный театр — это не случайно сошедшаяся труппа. Она подбиралась с любовью, коллекционировалась в течение 20 лет. Актеры для этого театра воспитываются, а не нанимаются. Труппа может разойтись в один день, но вторично собрать ее невозможно ни за какие деньги.

2). Шесть месяцев назад о закрытии театра пожалели бы и скоро забыли. Теперь об этом узнает Европа, и ее упреки и насмешки обрушатся на нас.

3). Если бы где-нибудь на горизонте был замечен какой-нибудь проблеск зарождающегося сценического искусства, я бы относился менее страстно к судьбе нашего театра. Что делать: не у нас, так в другом месте явится обновление нашего искусства. Но ты не назовешь мне ни одного учреждения, ни одного человека, на которого можно было бы понадеяться в данном случае. Все серо и пусто, ни одного ничтожного намека. А ведь искусство не создается одним лицом. Нужна целая группа. Нужны десятки лет, чтобы народились новые люди, а до тех пор театры будут проповедовать пошлость. Говорю совершенно убежденно: с закрытием Художественного театра русское искусство останавливается и замирает на много лет.

Неужели это может случиться с наиболее жизненным учреждением из-за каких-то 30—50 тысяч в самый момент пробуждения русского общества и накануне расцвета России.

Я знаю, что через годы придут и будут предлагать большие деньги, чтобы восстановить погибший театр, но должен буду ответить: «Поздно. Надо начинать сначала, а для этого я недостаточно молод».

Теперь все те, кто отвлечены более важными делами, не хотят нас слушать, а через год они будут упрекать нас, говоря: отчего же вы не предупредили нас тогда, когда еще не было поздно.

Я и предупреждаю тебя и всех, кого могу. Предупреди и ты тех, кто понимает значение нашего театра, верит в наш театр»²⁴.

В желании помочь театру Стахович обратился, в частности, к старшему сыну княгини З.Н. Юсуповой Николаю, который, следуя своему знаменитому предку, имел в Петербурге любительскую труппу актеров. Юсупова писала своему второму сыну Феликсу 24 июля 1907 г.: «Твое впечатление о Стаховиче очень верное. Он — ловкий болтун, увлекается очень быстро и еще быстрее остывает к своим делам! Доверять ему нельзя ни на грош. Он недурной человек, но страшно поверхностный, избалован жизнью и, как все Стаховичи, позер и фразер. Теперь его забрал Станиславский, которому нужны капиталы для процветания его труппы. Поэтому он и старается завлечь Николая»²⁵.

Возможно в этом письме Юсупова, давая характеристику Стаховичу, имела в виду его братьев Михаила или Александра. Михаил Александрович (1861—1923) Стахович — юрист, либеральный земский деятель, Елецкий предводитель дворянства (1892), Орловский губернский предводитель дворянства (1895), депутат I и II созывов Государственной думы, сторонник кадетов, потом один из организаторов партии октябристов, затем мирнообновленец. После 1917 г. занимал должность генерал-губернатора Финляндии; перед падением Керенского был назначен послом в Испанию. Талантливый оратор, в 1902 г. осенью прочитал на миссионерском съезде в Орле доклад о свободе вероисповедания. Князь Волконский вспоминал: «Его речь прокатилась по всей земле русской»²⁶. Был дружен с семьей Л.Н. Толстого. Князь А.Д. Голицын отметил в «Воспоминаниях», относящихся к периоду 1917—1920 гг., противоречивость общественно-политических взглядов М.А. Стаховича: «В дни моего пребывания в Петрограде я продолжал посещать в клубе общественных деятелей заседания нашей выборной группы членов Государственного Совета, и потому не могу не отметить более чем странного предложения М.А. Стаховича о том, чтобы объявить циркулярно всем Губернским Земствам признать сосуществование с Временным Правительством Совета Солдатских и Рабочих депутатов. Вот до чего может довести аберрация ума под влиянием развивающихся событий. Это, конечно, вызвало дружный отпор и предложенная им циркулярная телеграмма была отвергнута»²⁷.

Александр Александрович Стахович (1858—1915) — земский деятель, предводитель дворянства Елецкого уезда Орловской губернии, член «Союза освобождения», депутат II Государственной думы был одним из основателей партии кадетов. Как оратор привлекал слушателей в том числе своей необычайно красивой наружностью.

К 1906 г. стараниями Алексея Александровича Стаховича, выполнившего просьбу-призыв Станиславского, пайщиками Товарищества стали представители дворянской знати: князь Пётр Дмитриевич Долгоруков, его брат Павел Дмитриевич, граф Алексей Анатольевич Орлов-Давыдов, находившийся в родстве с женой Стаховича, графиня Софья Владимировна Панина. В Доме графа С.В. Орлова-Давыдова, перешедшего затем к Долгоруковым, на Волхонке в Б. Знаменском переулке после переезда в Москву жила семья Стаховича. Среди новых пайщиков встречались не только крупные землевладельцы, но

и деятели либеральной оппозиции с радикальными взглядами. Графиня Софья Владимировна Панина (1871—1957) — член Конституционно-демократической партии, товарищ министра общественного призрения (август 1917), князь Павел Дмитриевич Долгоруков (1866—1927) — предводитель дворянства Рузского уезда (1898), член ЦК Конституционно-демократической партии, лидер и основатель партии народной свободы (1906). За «слишком легкое отношение к явной революционной пропаганде среди крестьян Рузского уезда» был подвергнут осуждению собрания предводителей дворянства Московской губернии (1905), в 1906 г. лишен звания камергера Императорского двора; князь Пётр Дмитриевич Долгоруков (1866—1945) — председатель Суджанской земской управы Курской губернии, один из лидеров «Союза земцев-конституционистов», товарищ председателя I Государственной думы; за «распространение» путем составления «Выборгского воззвания» был привлечен к ответственности и осужден; граф Алексей Анатольевич Орлов-Давыдов (1872—?) — депутат IV Государственной думы, член Прогрессивного блока.

В письме к И.М. Москвину (конец июля 1910 г.) Немирович-Данченко, говоря о боязни привлечения в Театр драматургов, «отражающих... живые, бодрые, боевые силы, не боящихся смотреть в глаза ужасу», писал: «Я получил письмо от Константина Сергеевича с опасениями насчет “Мизерере” (пьеса С.С. Юшкевича. — Л.С.). Его писал человек вконец переутомленный. Как же можно доверяться в идейном направлении репертуара такому утомленному духу?! А можно ли доверяться Алексею Александровичу — такому убежденному октябристу?»²⁸

После трагической гибели великого князя Сергея Александровича Стахович служил на Кавказе в Гвардейской кавалерии. В 1907 г. в чине генерал-майора вышел в отставку и вернулся к театру.

Осложнявшаяся общественно-политическая обстановка в России, семейные обстоятельства, связанные с болезнью жены, требовавшей лечения за границей, вели к поиску спасительной ниши, которой мог стать для Стаховича «художественный скит». Это образное определение театра принадлежит Немировичу-Данченко. Под впечатлением от спектаклей Малого театра он 20 октября 1909 г. написал жене: «...я, как никогда, думаю о том, что надо огородиться непроницаемой стеной, создать свой художественный с к и т, любить друг друга в строгости и преданности и служить своему Богу, не позволяя себе даже прислушиваться к тому, что делается за стеной, где царит какая-то вакханалия всего серединного, жалкого, ничтожного».

В январе 1911 г. Стахович, Станиславский, Немирович-Данченко встретились в Берлине, чтобы договориться об условиях перезаключения финансового соглашения и обсудить переустройство и состав Товарищества на 1911—1914 годы. Внезапная болезнь Станиславского изменила репертуарные планы. Была приостановлена работа над «Гамлетом» с приглашенным английским режиссером-новатором Э.Г. Крэггом, а вместо него Немирович-Данченко поставил спектакль «Братья Карамазовы» по Достоевскому, упрочив свой авторитет режиссера, утверждавшего в Театра литературное направление.

Предложение Немировича-Данченко о привлечении пайщиков из числа людей театра — Москвина, Качалова, Лужского, Леонидова,

Вишневого и Румянцева — Стахович не поддерживал. Не то, чтобы он не доверял лично этим людям, но был против самого принципа расширения демократического управления, предпочитая четкую вертикаль и подчинение театра единоличной власти. Он видел себя единственным директором, дающим простор творческим экспериментам Станиславского.

Задела Стаховича и фраза Немировича-Данченко: «Пожалуйста, отнесись же к капиталу вкладчиков не как меценат, а как о т е ц». Еще встретившись со Стаховичем в июне 1910 г. на курорте в Карлсбаде, Немирович-Данченко писал жене: «Стахович все глубже убеждается в моей силе в театре, и, видимо, опирается на меня во всех своих желаниях. Кончится тем, что совершенно будет следовать за мной»²⁹.

После берлинской встречи в январе 1911 г. по приглашению Стаховича Станиславский поехал в Рим и попал в круг русских аристократов, родственников Стаховича по жене Марии Петровне Васильчиковой: князя Сергея Михайловича Волконского и его брата князя Александра Михайловича, светлейших князей Ливен, Урусовых.

Князь Сергей Михайлович Волконский (1860—1937) принадлежал к древнейшему аристократическому роду. После отставки от должности директора императорских театров он посвятил себя теории и преподаванию оперного и драматического искусства, учитывая опыт системы пластики ритма школы Жака Далькроза. «Втянутый», по его выражению, Стаховичем в Художественный театр, с 1910 г. он читал там лекции по актерскому мастерству, в частности, голосоведению.

Как и Станиславский Волконский увлекался новаторскими идеями Э.Г. Крэга, связанными со сценографией, заменяющей живопись в театре архитектурно-пространственными геометрическими формами. В своих «Художественных откликах» в статье «Аппиа и Крэг» он писал о решении Станиславским сцены IV действия «Гамлета» в Художественном театре: «...стоит вспомнить удивительную группу воинов и придворных в IV действии “Гамлета” — одно из поразительнейших созданий гения Станиславского, — когда, перепуганные появлением неистового Лаэрта, они как живая лавина, высыпают на сцену и, после картины смятения и ужаса, мгновенно застывают — живой панцирь вокруг тревожной королевы. На каком ином фоне, кроме безразличного, “безвременного”, геометричного фона Крэговских ширм, эта группа могла бы выделиться во всей полноте горячей человеческой красоты? Только холодные камни и морской горизонт Аппиевских картин могут с ними поспорить»³⁰.

В своих воспоминаниях Волконский писал: «Станиславский в начале относился к моим приемам преподавания с недоверием. Он опасался почему-то, что я буду прививать приемы ложного пафоса, который у нас называется “французским”... Но уже к концу первого года Станиславский смилоствился; а второй год он уже говорил на репетициях своим актерам: “Ступайте к Волконскому, потому что я не могу тратить семьдесят пять репетиций из ста, чтобы учить вас читать”».

Поворот Станиславского в сторону техники очень знаменателен... О значительности этого поворота могу судить, когда вспоми-

наю предостережения покойного моего приятеля Алексея Александровича Стаховича, который был близкий друг Станиславского и мне передавал его суждения. Он всегда мне говорил: “Не обольщайся: в этом году на тебя мода, в будущем году к тебе охладуют, а на третий год тебя забудут”»³¹.

Разрабатывая свою систему сценических искусств, Волконский учитывал принципы художественно-физического воспитания Дельсарта, писавшего: «Искусство есть знание тех внешних приемов, которыми раскрываются человеку жизнь, душа и разум, — умение владеть ими и свободно направлять их. Искусство есть нахождение знака, соответствующего с у щ н о с т и »³².

Совпадая во многом с Крэггом и Волконским при создании своей системы актерского творчества, Станиславский оговаривался: «Всякое отвлечение, стилизация, импрессионизм на сцене достижимы утонченным и глубоким реализмом»³³.

Волконский преподавал в Художественном театре и после революции: «Я взял на пробу акт “Лазурного царства” из “Синей птицы”. Но после первых же попыток я должен был отказаться. Эти актрисы понятия не имеют о движении голоса... они не знали, что значит повышение и понижение голоса, а когда узнали, то не могли исполнить... Эти люди, которым Станиславский с утра до вечера повторяет о “мышечном ослаблении”, выходят на сцену такими связанными, напряженными, с такой фальшью в напряженном голосе и в способе давать его, что получается не “Лазурное царство”, а какая-то санатория... Нельзя учить людей, которые думают, что они умеют, нельзя прививать хорошие привычки людям, которые укореняются в дурные, — это напрасная трата сил... Всего этого мой покойный друг Стахович не видел»³⁴.

В 1911 г. в Риме Станиславский читал свои записки. В письме к жене (31 января 1911 г.) он сообщал: «В самом начале Волконский и Стахович скисли. Говорят, скучно; потом со второй главы захватило, и до конца Волконский был внимателен и говорил, что интересно, а Стахович, когда речь зашла об аффективных чувствах, пошел в другую комнату и начал постепенно раздеваться. Снимет галстук — вернется, послушает, опять уйдет, снимет куртку и т.д. Словом на умные слова и психологию не поддается».

Скептически относясь к теориям, с их научным подходом и философствованием, Стахович на практике применял законы движения, когда в дальнейшем преподавал в молодежи 2-ой Студии МХТ, одним из основателей которой он был, уча «хорошим манерам».

«Стахович учит нас итогам — веков. Дело в том, что не нужно так кланяться, а в том — почему надо так кланяться, как от первого дикаря к тому поклону — пришли. От раздирания друг друга зубами — до дуэли. Этому Стахович нас не учит... — у нас времени нет — на и с т о р и ю жеста, нам нужен... жест, прямая выгода и мгновенный результат; войду и поклонюсь, как Стахович, выйду — и подерусь как Стахович — но этому я сам учусь, прохожу его уроки — вспять, к истоку... Для меня его поклон и бонтон — не ответ, а вопрос современности — прошлому, мой вопрос тем, и я сам пытаюсь на него ответить, потому что... эти поклоны даны были отродясь, это был дар его предков — ему в колыбель...»

И я уже многое понял... и скажу, что это меньше всего форма, и больше всего — суть. Стахович нас учит б ы т ь. Это уроки бытия. Ибо — простите за грубый пример — нельзя, так поклонившись, заехать друг другу в физиономию — и даже этих слов сказать нельзя, и даже их подумать, нельзя, а если их подумать нельзя — я уже другой человек, поклон этот у меня уже внутри»³⁵.

14 октября 1911 г. был подписан Договор Товарищества на вере «Московский Художественный Театр». В состав «полных товарищей, именуемых пайщиками», из числа артистов и служащих вошли уже 20 человек, «вкладчиками» стали Станиславский, перешедший из пайщиков во вкладчики, оставаясь как и Немирович-Данченко учредителем, а Немирович-Данченко стал пайщиком. Стахович, графиня Панина, граф Орлов-Давыдов, князь Волконский, М.А. Конюс, урожденная святейшая княжна Ливен, князь Вяземский, действительный статский советник В.В. Якунчиков, князь Долгоруков, светлейший князь П.А. Ливен, З.Г. Рейнбот, жена генерал-майора в отставке, наследница С.Т. Морозова были вкладчиками. В число вкладчиков предполагалось также включить наследников Николая Лазаревича Тарасова — его сестер.

При минимальном вкладе в 5 тыс. руб. Стахович внес максимальную сумму в 23 тыс. 500 руб., став представителем вкладчиков с правом совещательного голоса.

Капитал Товарищества позволял по Договору иметь запасный капитал, учредить пенсионный фонд, выпустить спектакль «Гамлет», стоивший театру 43 тыс. руб., выплатить гонорар английскому режиссеру Крэггу в размере 14,4 тыс. руб. — сумму, превышавшую затраты на спектакль «Братья Карамазовы», шедший два вечера. «Гамлет» выдержал 47 представлений, «Братья Карамазовы» — 83³⁶.

Директором-распорядителем на общем собрании большинством голосов был избран Немирович-Данченко сроком на один год. По Договору Товарищества (§ 24) «директор-распорядитель управляет всеми делами Товарищества... Он имеет право... кредитоваться от имени Товарищества, выдавать и принимать векселя, открывать всякого рода счета в кредитных учреждениях и заключать всякие договоры, в частности, с артистами и служащими Театра...», а также (§ 27) получает особое вознаграждение в размере, определенном на год общим собранием»³⁷.

Получив полномочия директора-распорядителя, Немирович-Данченко обратился с докладной запиской к Совету МХТ, Станиславскому и Стаховичу, имевшим по договору 1911 г. право совещательного голоса, как перешедшие во вкладчики. В ней Немирович-Данченко развивает мысль Стаховича о том, что рознь его со Станиславским не только «рознь художественная», но и отражающая кризис доверия между основателями: «Как управляющий театром, я пришел давно к убеждению, что без доверия к окружающим, начиная с а в т о р а пьесы... и продолжая режиссером, актером, электротехником и т.д. нельзя совсем вести дело театра». Здесь он как бы отвечает на желание Стаховича, чтобы он и Станиславский всегда оставались вместе: «сложить с себя ответственность за будущее... или быть уверенным в м о р а л ь н о й поддержке как Совета, так и Константина Сергеевича... Без такой поддержки я предвижу, что в свое время мне п р и д е т с я явить себя несостоятельным»³⁸.

Бескорыстное стремление Стаховича стать единоправным директором вызывало подозрение Немировича-Данченко, занявшего этот пост, и подталкивало Станиславского к сближению с Немировичем: «Время пришло. Созовите всех пайщиков. Они должны управлять сами всем (кроме вопросов представительства и художественных, конечно, утверждающихся), а мы с Вами должны быть в стороне и плотно вместе». «Только Вы и я, без всякого третьего... Непременно и во всем — вновь скорее возбуждать к жизни уснувшую инициативу и не бояться одного — большого сезонного убытка...», — писал 10 августа 1916 г. Станиславский к Немировичу. Это было ответом на предложение Стаховича стать директором, как и в 1910 г., обещая материальную обеспеченность вкладчиками и, служа и Театру и Станиславскому, который все более уходил от административных дел, стараясь оградить себя для занятий «системой», нужной для воспитания молодого поколения актеров, а также материальной ответственностью перед семьей: в случае ухода Стаховича неминуемо будут нужны средства при ликвидации Товарищества.

Охлаждение к нему со стороны Станиславского, подверженного мнительности характера, и амбициозность Немировича-Данченко, искавшего других возможностей сохранения Театра (продажа или аренда фирмы МХТ или частичное соединение с Малым театром), подталкивали Стаховича к уходу из Театра.

Отодвинутый от дел обоими учредителями, Стахович официально предупредил, что с 15 июня 1916 г. перестает «принимать участие в деловой жизни МХТ» и отказывается от звания Почетного члена Театра и артиста. «Буду просить у К.С. позволения остаться “актером Студии”, в которой условия игры более подходящие к моему сценическому опыту и подвинутому возрасту... — писал он Немировичу-Данченко ³⁹.

Стахович становился все более одиноким: утрата дочери (1909), смерть жены (1912), отца (1913), фактическая потеря друга, каким он считал Станиславского.

Прямодушный, лишенный дипломатических способностей, чему могла способствовать профессия военного, он как-то назвал Станиславского «эгоистом». Причиной охлаждения к нему Станиславского он считал то, что не принимал всерьез его увлечения теоретической системой актерского творчества и говорил об этом открыто.

Состоя в актерской труппе Театра, Стахович играл роли второго плана, так называемые «костюмные», тогда как эталоном для него была роль Вершинина в «Вишневом саде». Тем не менее, Стахович гордился званием артиста МХТ и писал слово с прописной буквы: 6 мая 1916 г. он сообщал Немировичу-Данченко: «Я старею, я легко устаю, я боюсь грудной жабы; ни класть поклонов, ни падать, ни драться на дуэли я больше не могу, п.ч. в первых двух случаях у меня начинаются головокружения, а в третьем — одышка. Талант драматический у меня весьма средненький, и даже ниже среднего, и тысячу раз была права моя покойная жена, когда говорила, что с таким запасом дарования не особенно стоит ломать всю свою жизнь, т.е. менять службу, привычки, общество, местожительство и проч. и проч.».

Сделав выбор в пользу театра, Стахович должен был приспособиться и к новой социальной среде, и к специфически особой среде актер-

ства. «Интеллигентность тона» труппы Театра, подмеченная Чеховым, еще не гарантировала единодушного приятия личности нового его члена.

Не все разделяли впечатление художника М.В. Добужинского, вспоминавшего время своей работы в МХТ над постановкой «Месяца в деревне» Тургенева и «Николая Ставрогина» Достоевского: «Я сразу же был очарован Алексеем Александровичем Стаховичем... А.А. был одним из самых замечательных шармеров, каких мне приходилось встречать в жизни, был он “барин” с головы до ног и прост и ровен со всеми... Он бывал душой собраний у Станиславского и рассказчик был талантливейший... Когда он побрился по-актерски, со своим орлиным носом, черными бровями и круглым лицом, он стал совершенный римлянин... Помню его с бородкой — таким и с монограммой в руке он и запечатлен на портрете Серова... Я иногда жила у него на квартире и мог вдосталь послушаться его всевозможных воспоминаний, особенно из придворной, светской и театральной жизни Петербурга времен его молодости»⁴⁰.

Свой портрет Стаховича оставил сын артиста Художественного театра Василия Ивановича Качалова, который был с Алексеем Александровичем в приятельских отношениях: «Он очень дружил с Константином Сергеевичем, был с ним даже на “ты”... Константин Сергеевич ценил его бескорыстную преданность театру и ему лично, вернее, ему как учителю. Ценил его безукоризненную светскость и тактичность, его действительно хороший тон, так не похожий на “бонтон изысканно воспитанной буржуазии”... Стахович же мог в изысканно-вежливой форме дать понять застенчивому человеку, что он не умеет себя вести и этим окончательно смутить его и надолго уничтожить его веру в себя. Расстроить женщину, высмеяв ее туалет или прическу, когда сменить их уже нельзя, даже невозможно, а от ее вида и веры в его удачность, может быть, зависит ее судьба — например, в день показа молодой актрисы новой роли, и т.д.

Как актер Стахович был... вернее, он просто не был актером. Это была маска аристократа, живое амплуа. Лучше всего он играл Степана Верховенского в “Николае Ставрогине” — там он был самым собой. В Репетиловле он был тем же Стаховичем. В Дон Карлосе (“Каменный гость”) он был ужасен — вялый барин, петербургский лев, а не сжигаемый пламенем любви и ненависти испанский гранд.

Мы (дети, и юноши и девушки) ненавидели его за постоянную фразу: “Это не для молодых ушей” — после чего нам приходилось оставлять комнаты. Могли же другие отложить рассказ, дождавшись, когда мы сами уйдем или завуалировать его. Прислугу он умел не замечать или “дружить” с ней так, что это получалось обиднее хамства. Он считал, что великолепно умеет обходиться с “людьми”, что они его любят и преданы ему, а те ему блестяще показали в апреле 1917 г., разгромив имение в Орловской губернии»⁴¹.

Усадьба Пальна (Михайловка) Елецкого уезда Орловской губернии в конце XVIII столетия принадлежала Михаилу Васильевичу Перваго. Его дочь Надежда Михайловна вышла замуж за полтавского помещика и капитана артиллерии Александра Ивановича Стаховича. По ее завещанию Михайловка перешла к сыну — Александру Александровичу Стаховичу-старшему, а Алексеевка — его брату Михаилу, который жил там безвыездно. После смерти Михаила Александровича

ча Алексеевку присоединили к Пальне и основали конный завод по выведению лошадей орловской породы.

С семьей Стаховичей был знаком и бывал здесь Л.Н. Толстой, художник К.Е. Репин писал здесь портреты Н.А. Огаревой-Стахович, Софьи Александровны, К.Н. Рыздзевского. По преданию, здесь останавливался А.С. Пушкин, по дороге на Кавказ захвативший к генералу Ермолову, жившему в Орле.

В 1908 г. деревянный господский дом сгорел и в 1908—1910 гг. на фундаменте левого корпуса был возведен каменный, по архитектуре напоминавший деревянный, выстроенный по проекту известного архитектора А.Л. Витберга. В усадьбе был сад, огромный парк и церковь Михаила Архангела, построенная по проекту Д.И. Жилярди.

В 1902 г. перед постановкой «Власти тьмы» Л.Н. Толстого с Алексеем Александровичем Стаховичем сюда приезжали Станиславский, художник Сапунов, костюмер М.П. Григорьева для изучения быта крестьян, сбора костюмов и предметов крестьянского быта.

В июле 1915 г. Станиславский приезжал в Пальну, где гостил его сын Игорь, а также один из организаторов 2-ой Студии МХТ В.Л. Мчедлов, актеры И.Н. Берсенев и Л.М. Коренева.

Станиславский писал жене 30 июля из Пальны: «У нас холодно, дождь... Тем не менее русская деревня — хорошая вещь, Пальна — очаровательная красавица».

Стараясь быть объективным к личности Стаховича, Немирович-Данченко отметил в своих воспоминаниях: «Это был типичный “придворный”, красивый, один из самых элегантных мужчин, то, что называлось, чрезвычайно воспитанный, но раб и своего воспитания и своего аристократизма. Он отдал себя театру, а все-таки родовитость, связи с высшим светом ставил выше театра»⁴².

На несправедливость в оценке Немировичем-Данченко первых пайщиков Художественного театра не мог не откликнуться Сергей Александрович Попов, выходец из семьи фабрикантов-компаньонов фирмы Алексеевых, участник Общества искусства и литературы, основанного Станиславским, один из организаторов студии Станиславского-Мейерхольда на Поварской (1905 г.). Он написал: «...в речи (Немировича-Данченко. — Л.С.) на 40-летнем юбилее МХАТа в 1938 г. прозвучала такая фраза “Буржуазные пайщики нас угнетали и нам мешали работать”... на самом деле не отвечала действительности... “Пайщики, заключившие в марте 1898 г. договор как юридическую основу Товарищества для учреждения общедоступного театра в Москве, предоставили Станиславскому и Немировичу-Данченко полную свободу, бесконтрольное распоряжение всеми делами и никак в него не вмешивались”... Пайщики из буржуазии были только вначале, а с устройством нового Товарищества в 1902 г. их уже не было, а пайщиками вошли артисты, которых аккредитовал С.Т. Морозов, взяв с них векселя... Владимиру Ивановичу, на мой взгляд, как-то неприятно вспоминать, что его деятельность протекала в учреждениях, поддерживаемых буржуазным капиталом, то есть в Училище Филармонического общества и в Художественном театре»⁴³.

О великодушии Стаховича и его готовности помочь, в том числе и «связями с высшим обществом», знали все. Чехов обращался с просьбой ходатайствовать перед министром просвещения о принятии

«одного еврея» в ялтинскую гимназию. В ответ на очередную его просьбу о протезировании Стахович писал 27 марта 1904 г.: «Вас также поздравляю с праздником... Просьбу Вашу постараюсь исполнить точно, аккуратно и по возможности безотлагательно.

Соберу все нужные сведения относительно подачи прошения о поступлении в Смольный институт и сообщу Вам их. С великой благодарностью и таковою же радостью принимаю “Каштанку”... Смутили Вы меня известием о намерении Вашем ехать на войну в качестве врача. Не рискованно ли это предприятие? Кто знает, м.б., мы с Вами там встретимся, и Вы будете меня лечить от тифа»⁴⁴.

Постепенно занятость Стаховича-актера шла на убыль. В театральном сезоне 1915—1916 гг. он сам отказался от роли Кубанина в пьесе Д. Мережковского «Романтики», что вызвало недовольство Немировича-Данченко, считавшего эту роль подходящей именно для Стаховича. Прототипом Кубанина был Михаил Александрович Бакунин, один из основателей анархизма, приобретающий в пьесе Мережковского романтические черты. Дворянское воспитание и привычка военного подчиняться старшему не позволяли Стаховичу принять идеи разрушения и хаоса.

«Романтики» не были поставлены в Художественном театре, спектакль же по пьесе Мережковского «Будет радость» не имел ожидаемого успеха.

Стахович не скрывал своего отрицательного отношения к литературному таланту Мережковского и высказывал его Немировичу-Данченко. Не скрывал он и своего скептического отношения к философско-религиозным взглядам четы Мережковских.

Фактически отстраненный от деятельности в Товариществе МХТ, ощущая недоверие к себе большинства актеров, для которых он так и не стал своим, Стахович уехал в Пальну. Горечь прощания с Художественным театром была скрашена его участием в организации с помощью учащихся частной школы актеров Театра 2-ой Студии, открывшейся 24 ноября 1916 г. спектаклем по пьесе З. Гиппиус «Зеленое кольцо» о взаимоотношениях молодежи и старшего поколения. Стахович от имени студии вел переписку с автором и играл роль дяди Мики.

Спектакль имел в Москве громкий успех. В дальнейшем многие студийцы вошли в труппу МХТ, составив его второе поколение. Радевший за расширения студийного движения Станиславский провел репетиции спектакля, обеспечивая покровительство студии со стороны Театра.

Марина Цветаева в «Моих встречах со Стаховичем» писала: «Потом он (Мчедлов) (актер МХТ и режиссер “Зеленого кольца”. — Л.С.) повел меня на Стаховича — “Зеленое кольцо”. О пьесе не сужу. Голос — большой обаятель. Единственный случай, когда я не верю ушам своим. (Театр). Перевести фразу с голоса на мысль — осмыслить, осознать произносимое — не всегда успеваешь: плывешь по голосу. Голос — и чувство в ответ, вне промежутка слов. В театре слова не нужны, не важны — актер скользит по словам... Бессмысленное а-а-а-а, о-о-о-о может целую толпу повергнуть в прах, повести на приступ.

Стахович: бархат и барственность. Без углов. Голосовая и пластическая линии непрерывны. Это я о пятью чувствами воспринимае-

мом. Духовно же — некое свысока. Совсем не важно, что это по пьесе. Ясно, как зеркало, что играет себя»⁴⁵.

Марш Бетховена, исполненный на панихиде Стаховича, дал возможность Цветаевой провести исторические параллели: «Стахович — XVIII век, Бетховен — вне всякого. Что-то соединило два имени? — Смерть. — Случайность смерти... Смерть Стаховича, вызванная 19 годом и старостью, не соответствует сущности Стаховича — XVIII веку и молодости... Нет умения жить, без умения умирать».

Вспоминая оду А.С. Пушкина «К вельможе», Цветаева пишет про «сложную лирико-цинико-стойко-эпикурейскую сущность», которую никто из говоривших на панихиде не отметил⁴⁶.

В октябре 1918 г. князь Сергей Михайлович Волконский приехал в Москву и «позвонил у двери Алексея Александровича Стаховича в доме № 8 на Страстном бульваре». «Стахович предоставил мне диван в своем кабинете. Но через два месяца холод выгнал нас из наших комнат и загнал в кухню. Через месяц присоединился к нам другой наш квартирант, режиссер Художественного театра Мчедлов... Стахович заболел, а недели через три заболел и я. У меня оказался сыпной тиф; меня вынесли и увезли на автомобиле в больницу. Я пролежал месяц. Когда выписался, я уже поехал на другую квартиру, где была мне комната и уход. Мне сказали, что Стахович уехал в санаторию, а через три недели поведали, что он повесился в тот самый день, когда я выписался из больницы.

Его страшный конец не удивил меня... он весь оставался в себе и уходил в себя все дальше и дальше. Его обычная обходительность ему не изменяла; его навещали, дамы Художественного театра приносили ему гостинцы, он, как всегда, рассыпался перед ними; но я чувствовал, что это лишь давнишняя привычка, превратившаяся в пустую форму. Его ничто уже не интересовало. Он был загнан, затравлен жизнью... У него не было ничего. Я делил с ним расходы по топливу, электричеству, продовольствию, но уж давно, бедный, только записывал в тетрадку свою долю участия в общем хозяйстве: все, что зарабатывал, шло на содержание его камердинера и жены его, а без них он не мог существовать, больной, на шестьдесят четвертом году жизни? Его сын был за границей, его дочь была на Кавказе, где скрывалась в горах. Ему ничего не оставалось на земле, ничего, кроме великого презрения к людям. Чем больше окружающая жизнь вызывала в нем омерзение, тем больше замыкался он в своем высокомерном одиночестве... Он все больше и больше напоминал мне римлянина... Страшная пустота была вокруг него, и в этом одиночестве, между опустевшей землей и небом, которое, кажется, всегда было для него пусто, он стоял как высокомерный страдалец, презрительный судья. Презренье — вот чего больше всего в его самоубийстве; а затем — хладнокровной обдуманности... Его смерть совсем была лишена того характера отчаяния... он был в самоубийстве аристократичен еще больше, чем в жизни; он ушел из жизни, как человек уходит из комнаты, в которой дурно пахнет... За полчаса до смерти он телефонировал на мою квартиру, чтобы осведомиться, как я доехал из больницы... Через пятнадцать месяцев после его смерти приходили на квартиру, чтобы его арестовать...

Стахович был талантливой натурой в том смысле, что чувствовал искусство, но он не был выдающимся актером. Его родовитость, его

осанка, конечно, вносили на сцену то, чего на ней было так мало и чего будет все меньше... он начал слишком поздно; он не имел никаких технических основ... Я думаю что в хороших руках и с более раннего возраста Стахович мог бы вырасти в прекрасного актера; он мог бы стать типом, утвердить школу... Этих скрытых его способностей окружающие люди театра не замечали; я думаю, и не догадывались о них. Он был страшно одинок в Художественном театре, где занимал видное место в управлении и где так расточал свою приветливую обходительность... но кто отдавал себе отчет, сколько под этим безупречным обращением было презрения к людям? Ах, как он их презирал! да ведь и знал же он их хорошо, но никогда не изменял обворожительной ровности своего с ними обхождения. Для него это было вопросом чести, личного достоинства, а не вопросом долга и признания... Перед каждым случаем самоубийства, мы, живые, испытываем хотя далекую, но все же ответственность; при воспоминании об Алеше Стаховиче это чувство осложняется ощущением стыда перед его никогда не высказанным укором»⁴⁷.

Запоздалым откликом, холодным по своей рациональности, звучат слова Немировича-Данченко в письме к О.Л. Книппер-Чеховой от 27 июня 1924 г. из Карловых Вар: «Хорошо бы только не пропустить, когда действительно перестану быть нужен, стану лишним; в тягость, да еще знаменитым — возитесь со мной! И поступить, как высокоумно поступил А. Стахович».

За веселостью, общительностью, шармом у Стаховича скрывалась семейная наследственная склонность к меланхолии, русской хандре, скептицизму. Его брат Михаил умер от тоски и невозможности приспособиться к жизни не в России, «...не от болезни, а от переживаний»⁴⁸, а он не нашел себе места в новой России.

Примечания

1. БРОКГАУЗ Ф.А., ЕФРОН И.А. Русский биографический словарь. М. 2007.
2. СТАХОВИЧ М. Ушедшее. Музей МХТ.
3. Цит. по: ТОМАШЕВСКИЙ Б.В. Пушкин: работы разных лет. М. 1990, с. 160.
4. ГОЛИЦЫН А.Д. Воспоминания. М. 2008, с. 111.
5. ДРИЗЕН Н.В. Великосветские спектакли в Петербурге. — Столица и усадьба. 1916, № 49.
6. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Мои воспоминания. Т. 1. М. 1992.
7. ДЖУНКОВСКИЙ В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М. 1997, с. 1.
8. СУХОТИНА-ТОЛСТАЯ Т.Л. Воспоминания. М. 1980, с. 178, 444.
9. Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. 4. М. 2001, с. 380.
10. ТЕЛЯКОВСКИЙ В.А. Воспоминания. Л.-М. 1965, с. 70.
11. Отчеты Музыкально-драматического училища Московского Филармонического Общества 1892—1902 гг.
12. ВИНОГРАДСКАЯ И.Н. Жизнь и творчество К.С. Станиславского. Т. 1. М. 1971, с. 96.
13. СТАНИСЛАВСКИЙ К.С. Собр. соч. в 8 томах. Т. 6. М. 1959.
14. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II. Документы и материалы. СПб. 2000, с. 419.
15. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В.И. Из прошлого. М. 2003, с. 97—98.
16. ОРЛОВ Ю. Московский Художественный Театр. Легенды и факты Опыт хозяйствования. М. 1993.
17. СОБОЛЕВ Ю. Владимир Иванович Немирович-Данченко. Пг. 1918, с. 75.

18. Очерк по восстановлению Ростовского Кремля. Ярославль. 1897.
19. Художественно-Общедоступный театр: Отчет о деятельности за 1-ый год. М. 1899, с. 1.
20. ЧЕХОВ А.П. Полн. собр. соч. Т. 19. М. 1950, с. 244—245; Цит. по: НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В.И. Избранные письма. Т. 1. М. 1979, с. 530—531.
21. Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. М. 1938, с. 682.
22. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В.И. Избранные письма. Т. 1. М. 1979.
23. Там же, т. 1, с. 446.
24. СТАНИСЛАВСКИЙ К.С. Собр. соч. Т. 8. М. 1998, с. 16.
25. Река Времен. Книга истории и культуры Эллис Лак. М. 1995; Из семейной переписки Юсуповых. Публикация Н.Б. Стрижовой (ОПИ ГИМ).
26. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Воспоминания. М. 2002, с. 98.
27. ГОЛИЦЫН А.Д. Ук. соч., с. 386.
28. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В.И. Избранные письма. Т.2. М. 1979, с. 16.
29. Там же.
30. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Художественные отклики. — Аппиа и Крэг. 3.III.1912, с. 124.
31. ЕГО ЖЕ. Воспоминания, с. 360.
32. ЕГО ЖЕ. Художественные отклики, с. 46.
33. СТАНИСЛАВСКИЙ К.С. Собр. соч. Т. 7. М. 1960, с. 414.
34. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Воспоминания, с. 361.
35. ЦВЕТАЕВА М. Господин мой — Время. М. 2000, с. 400.
36. ОРЛОВ Ю. Московский Художественный Театр. Легенды и факты. В кн.: Опыт хозяйствования. М. 1993, с. 79.
37. Договор Товарищества на вере «Московский Художественный Театр», подписанный 14 октября 1911 г. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М. 2000, с. 157.
38. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В.И. Избранные письма, т. 2, с. 83.
39. Стахович к Немировичу-Данченко. Цит. по: БРОДСКАЯ Г. Сонечка Голлидей. Жизнь и актерская судьба. М. 2003, с. 81.
40. ДОБУЖИНСКИЙ М.В. Воспоминания. М. 1987, с. 247.
41. ШВЕРУБОВИЧ В. О людях. О театре. И о себе. М. 1976, с. 78.
42. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В.И. Из прошлого, с. 104.
43. Суконщики Поповы. Записки о московской жизни и не только М. 2010, с. 330.
44. ЧЕХОВ А.П. Собр. соч. Т. 12. М. 1978, с. 263, 509—510.
45. ЦВЕТАЕВА М. Ук. соч., с. 295.
46. ЕЕ ЖЕ. Сочинения в двух томах. Т. 2. М. 1981, с. 288.
47. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Мои воспоминания.
48. БЕРБЕРОВА Н. Люди и ложи. В кн.: Русские масоны XX столетия. М. 1997, с. 201, 308.

Роль германской угрозы в политике мурманских властей 1917—1918 гг.

Д.А. Герасимов

Аннотация. В статье рассматривается период революции 1917 г. и начало гражданской войны в 1918 г. во время первой мировой войны. Отличительной особенностью края в 1917 г. была значительная роль военных властей. Учитывая социальный состав населения края, большинство которого стали составлять приезжие, основной формой самоуправления стали Советы, которые в основном сотрудничали с военными властями, понимая необходимость единения всех сил перед лицом военной опасности.

Ключевые слова: Мурман, первая мировая война, военные власти, революция, гражданская война, политическая ситуация, компромисс, социальная структура, Мурманский краевой Совет, германская угроза.

Abstract. This article studies the revolution of 1917 and the beginning of the civil war in 1918 during the First world war. A distinctive feature of the region in 1917 was a significant role of the military authorities. Given the social composition of the population of the region, most of which have to be visitors, the main form of self-government in region steel the Soviets. On the Murman the Soviets, mainly cooperated with the military authorities, realizing the need for the unity of all forces before the war danger.

Key words: Murman, 1-st World War, military authorities, revolution, civil war, political situation, compromise, social structure, Murmansk Regional Soviet, German threat.

Первая мировая война привела к кардинальным изменениям в мироустройстве, вызвав внутренние потрясения во многих странах — участницах войны. При этом революционные процессы в России начались раньше, чем в других странах. В результате революция 1917 г. и начавшаяся затем гражданская война были осложнены первой мировой войной. В условиях распада государства возросла роль местных органов управления. В данной работе рассматривается влияние германской угрозы на внутреннюю и внешнюю политику мурманских властей в 1917—1918 годах.

Первая мировая война оказала решающее влияние на развитие Мурманского края. На Кольском Севере появились железная дорога, связавшая его со столицей, порт Романов-на-Мурмане (с 1917 г. — Мурманск), через который

Герасимов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент филиала Российского государственного социального университета в г. Мурманске. E-mail: dagerasimoff@yandex.ru.

Gerashimov Dmitry A. — PhD (History), associate professor of the branch of The Russian State Social University in Murmansk. E-mail: dagerasimoff@yandex.ru.

Россия наладила связь с союзниками по Антанте. Германия пыталась воспрепятствовать перевозке грузов. В 1915 г. в Белом море немцы установили мины, на которых подрывались иностранные и русские суда, а с 1916 г. в северных водах стали действовать подлодки Германии ¹.

Антанта в 1915 г. для защиты морских коммуникаций от немцев отправила военную флотилию в Баренцево и Белое моря ². В июле 1916 г. была создана Флотилия Северного Ледовитого океана (ФСЛО), большая часть которой сосредоточилась в Мурманске. 26 августа 1916 г. местные вооруженные силы были подчинены начальнику Кольского района и Отряда судов обороны Кольского залива (это была нова должность). С декабря 1916 г. им стал контр-адмирал А.И. Бестужев-Рюмин ³.

Общая численность сухопутного и флотского гарнизона Мурманска весной 1917 г. достигала 14 тыс. человек ⁴. Деятельность сухопутных частей, в основном, ограничивалась участием в строительных работах. Из военнослужащих только матросы, обладая корпоративным сознанием, проявляли активность. Правда, матросы из других флотов, пополнявшие экипажи кораблей, часто были из числа проштрафившихся, от которых хотели избавиться ⁵. Так закладывалась основа для будущих конфликтов. Строительные работы на железной дороге, морских базах, в порту привели к тому, что в начале 1917 г. в Кольском крае насчитывалось до 15—18 тыс. рабочих. При этом большинство работавших обладали малой квалификацией и, прежде всего, стремились избежать фронта. Эти люди просто следовали господствовавшим в крае настроениям. Организовать деятельность работавших в тылу в первую мировую войну, как это будет сделано в 1941—1945 гг., было в принципе невозможно ⁶.

Доминировавшее до войны местное, в основном, поморское население, в количестве 15—16 тыс. чел., стало меньшинством, так как численность населения в 1917 г. доходила до 50 тыс. человек. В отличие от пришлого населения, поморы жили своими интересами, в том числе обеспечением продовольствием края и его обороной.

Социальной основой патриотической идеологии в крае стали городские средние слои, заинтересованные в стабильности. Гарантией этого было продолжение войны совместно с союзниками. Городские средние слои, правда, были немногочисленны. Так в 1917 г. чиновники, служащие, члены их семей составляли одну тысячу человек из 12,5 тыс. жителей Мурманска ⁷, но при политической апатии задавали просоюзнический и антигерманский настрой в крае.

Февральская революция привела к активизации местной общественной жизни. 4 марта 1917 г. в Романове-на-Мурмане на митинге после объявления о происшедшем в стране, был создан Совет рабочих и солдатских депутатов ⁸. В марте 1917 г. Советы также появились, например, в Александровске, Кандалакше, Шонгуе, Имандре. Создание Советов привело к реорганизации местного управления, которая однако не приобрела всеобщего характера. Все недовольство было выплеснуто против полиции и жандармов, которые были арестованы. Вместо полиции была создана милиция. Это отличало Мурманск от Архангельска, где главноначальствующий городом и водным районом Белого моря также формально обладал военной и гражданской властью в Архангельской губернии, но фактически ее лишился ⁹.

Временное правительство уравнило военнослужащих вне строя в правах, разрешив создание комитетов в воинских частях. 5 мая 1917 г. было введено Положение о военной организации Кольского района, по которому избирались делегаты в центральные комитеты солдат, матросов, кондукторов флота, офицеров флота и армии ¹⁰. Эти комитеты формировали Соединенный Совет делегатов флота и Соединенный Совет армии, на основе которых было создано

Общее Собрание делегатов армии и флота Кольского гарнизона, выбиравшее Военный Совет при начальнике Кольского района. Военный Совет должен был решать внутренние вопросы в частях и участвовать в подготовке к выборам в Учредительное Собрание. В то же время на Мурманской железной дороге образовался профсоюз железнодорожников с центром в Петрозаводске¹¹. Крупные станции становились центрами районов во главе с Советами железнодорожников (Совжелдор). В Кольском крае появились Мурманский и Кандалакшский районные Совжелдоры. В качестве альтернативы Советам Временное правительство стремилось распространить земскую систему самоуправления на всю страну. В Архангельской губернии земства были введены Положением от 17 июня 1917 года¹².

В условиях продолжавшейся войны взаимоотношения военной администрации с населением во многом зависели от руководителя края. Лояльный новым веяниям Начальник Кольского района Бестужев-Рюмин умер 23 марта 1917 года. Кольский район возглавил капитан I ранга М.С. Рошаковский¹³, который часто вступал в конфликт с матросами, солдатами и рабочими¹⁴. Не выдержав такой ситуации, он покинул Мурманск. 5 июня 1917 г. его сменил генерал-майор А.А. Рыбалтовский, уделявший мало внимания выполнению своих обязанностей.

Уменьшение власти военного руководства не означало, что возросло значение того же Мурманского Совета. Так, в мае 1917 г. уехало много рабочих, что привело к снижению численности Совета. Функции ликвидированного исполкома передали президиуму¹⁵, а активность Совета спала.

При этом мурманские общественные организации участвовали и в политической жизни. 22 мая 1917 г. на I Всероссийский съезд Советов был выработан «Наказ делегатам», в котором объявлялось о доверии Временному правительству, одобрялась политика Петроградского Совета, призывавшего к борьбе «с оружием в руках против милитаризма Германии»¹⁶. Схожими были взгляды мурманских военных организаций: в своем «Наказе» Соединенный Совет делегатов флота объявил о «полном доверии» Всероссийскому съезду Советов и о «доверии под контролем» Временному правительству, призвав: «Прекратить братание. Наступление в связи со стратегическим положением фронтов»¹⁷. Таким образом, Советы в крае, поддерживая Временное правительство, не выступали против военной власти, признавая необходимость войны с Германией. Поэтому выборные организации края осудили антивоенные выступления в Петрограде 18 июня и 3—4 июля 1917 года.

В начале августа 1917 г. в Советах прошли перевыборы, показавшие рост радикальных настроений среди населения. Так Кандалакшский Совет возглавил большевик Н.Д. Курасов. Совет делегатов флота переименовал себя в Центральный комитет Мурманской флотилии (Центромур), который объявил о ликвидации отдельных комитетов и новых выборах без учета должностей и званий¹⁸. В результате в Центромур также прошли большевики, один из которых (М.И. Седнев) стал его первым председателем. Однако появление большевиков в выборных организациях не разрушило коалицию разнородных политических сил.

В Мурманском Совете воссоздали исполком и организовали две секции: рабочую (из депутатов Совета) и военную (из делегатов Центромура), которые собирались совместно, только решая общие вопросы¹⁹. В результате единая военно-морская организация повысила свое значение, оказывая влияние через Мурманский Совет, чего нельзя сказать о представителях сухопутных частей, армейская организация которых ранее мало, чем себя проявила. Военный Совет при начальнике Кольского района в итоге прекратил свое существование.

Временное правительство, обеспокоенное сложившейся ситуацией, бесхозяйственностью и злоупотреблениями, учредило 11 сентября 1917 г. пост глав-

ного начальника Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов (гланамур)²⁰. Гланамуру была подчинена вся местная администрация на территории северной части Кольского полуострова и Мурманской железной дороги до Званки (ныне Волховстрой). Новое должностное лицо должно было заменить начальника Кольского района. Гланамуром стал контр-адмирал К.Ф. Кетлинский, ранее командовавший крейсером «Аскольд», а начальником штаба стал старший лейтенант Г.М. Веселаго.

18 октября 1917 г. Кетлинский издал приказ о создании совещания при гланамуре из 10 представителей от демократических организаций и местного самоуправления — как Советов, так и земств Мурманского района²¹. Председательствовать на совещании должен был гланамур, и решения вступали в силу после его утверждения. Так Кетлинский решил прислушаться к мнению выборных организаций, сумев сохранить компромисс политических сил.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. мог дестабилизировать обстановку на Мурмане. Ведь большевики объявили о формировании своего правительства, что лишало легитимности власть гланамура — ставленника Временного правительства, а также Декретом о мире провозгласили окончание войны, что означало разрыв с союзниками.

26 октября 1917 г. Кетлинский объявил о признании новой власти. В тот же день об этом же заявило объединенное собрание президиумов организаций Мурманска²². 27 октября из президиумов организаций Мурманска был образован Временный революционный комитет, под контролем которого Кетлинский исполнял обязанности гланамура.

Германская угроза и неясность исхода политической борьбы в Центре способствовали коалиции местной военной власти и демократических организаций. 4 ноября 1917 г. адмирал Кетлинский и председатель Временного ревкома Т.Д. Аверченко выступили с совместным обращением ко всей стране, требуя прекратить гражданскую войну и создать центральную всенародную власть, которая должна заключить мир с учетом «тесного единения с союзниками»²³. Примером следования интересам государства называлось сотрудничество ревкома и гланамура. Так, если в центре продолжалась поляризация политических сил, то на Мурмане речь шла о сохранении компромисса.

Однако сложившееся согласие не смогло сохраниться в неизменном виде. Вернувшиеся в середине ноября 1917 г. в Мурманск делегаты II Всероссийского съезда Советов, включая председателя Мурманского Совета Архангельского, стали активно агитировать в поддержку политики большевиков²⁴. На популярность радикальных лозунгов указывали и результаты выборов по Мурманскому району в Учредительное собрание, в которых $\frac{3}{4}$ голосов досталось большевикам²⁵. 16 ноября Центромур возглавил большевик С.Л. Самохин. 19 ноября состоялись перевыборы Мурманского Совета, после чего Временный революционный комитет, утративший свою легитимность, был ликвидирован.

Хотя адмирал Кетлинский сотрудничал с новой властью, многие в экипаже «Аскольда» не могли простить ему событий 1916 г. в Тулоне, когда по его приказу были расстреляны 4 матроса по обвинению в диверсии. 28 января 1918 г. Кетлинский был смертельно ранен. Член Центромура П.И. Коваленко вспоминал, что адмирал успел сообщить, что в него стреляли аскольдовские матросы²⁶. Тем не менее, следственная комиссия, созданная при Совете, не нашла виновных.

Руководство демократических организаций и администрации решило создать Народную коллегию, передав ей функции гланамура. В ее состав вошли: представитель Мурманского Совета, председатель Центромура и представитель Главного железнодорожного комитета из Петрозаводска²⁷. Новый орган должен был способствовать организации краевой власти, так как влияние Мур-

манского Совета ограничивалось только Мурманском. При Совете и Народной коллегии из штаба гланамура создали управление из отделов во главе с заведующим делами управления Веселаго. Его соратники возглавили: генерал-майор Н.И.Звегинцев — военно-сухопутный отдел, а В.М. Брамсон — гражданский. Управление Мурманским отрядом судов взял на себя Центромур.

Народная коллегия, состоявшая из представителей крупнейших общественных организаций, представляла собой стремление к компромиссу в новых условиях, подкреплявшееся необходимостью сохранения военного аппарата в войне с Германией. При этом, большая часть местных политических сил была лояльна Советскому правительству, однако выступала против мира с Германией. 30 января 1918 г. противники большевиков Веселаго и Звегинцев встретились с английскими контр-адмиралом Т. Кемпом и консулом Т.Х. Холлом, договорившись о сотрудничестве²⁸.

Сохранение коалиционного характера местной власти было возможно в связи с низкой эффективностью Брестских переговоров, что по-прежнему сохраняло в России военное положение. Более того, в обстановке, когда 18 февраля 1918 г. немцы начали наступление по всему фронту, Советский центр требовал дать отпор германскому нашествию²⁹. Помимо этого тревогу в крае вызывала Финляндия, претендовавшая на Печенгу для выхода в Арктику, независимость которой в декабре 1917 г. признало Советское правительство. Гражданская война, начавшаяся в Финляндии в конце января 1918 г., привела к тому, что белые финны, ориентирующиеся на Германию и имевшие планы на Карелию и Мурман, взяли под контроль северную Финляндии.

Мурманский Совет 1 марта 1918 г. запросил Совнарком о возможности принять помощь союзников из-за угрозы финских белогвардейцев и «партизанских отрядов немцев»³⁰. В тот же день наркоминдел Л.Д. Троцкий, выступавший за сотрудничество с союзниками, телеграфировал в Мурманск о грозном положении под Петроградом и об обязанности «принять всякое содействие союзных миссий»³¹.

2 марта 1918 г. состоялось совещание представителей Народной коллегии, Мурманского Совета, Центромура и комиссара Л.И. Грохотова от народных комиссариатов по морским и иностранным делам с британцами — адмиралом Кемпом и консулом Холлом — и французом капитаном Шерпантье. Было выработано соглашение, утвержденное в тот же день Мурманским Советом³². «Словесное соглашение, дословно запротоколированное, о совместных действиях англичан, французов, русских по обороне Мурманского края», хотя и объявило в § 1, что высшая власть в пределах Мурманского района принадлежит Мурманскому Совдепу, но по § 2 высшее командование всеми вооруженными силами района осуществлял военный совет из трех лиц: по одному от советской власти, англичан и французов. В этих условиях выполнение § 3, говорившего о том, что англичане и французы не вмешиваются во внутреннее управление районом, и § 4 о снабжении населения и вооруженных сил района всем необходимым, зависело от желания англичан и французов следовать своим обязательствам.

Таким образом, Мурман оказался под политическим и военным влиянием Антанты, наглядным доказательством чего стало занятие береговых казарм 6 марта 1918 г. морскими пехотинцами с английского крейсера «Глори». В советской историографии это рассматривалось как начало интервенции Антанты на Севере России³³.

Конечно, «Словесное соглашение» было заключено с санкции Совнаркома. Однако уже 3 марта 1918 г. Брестский договор вступил в противоречие с данным соглашением, что давало новые возможности антибольшевистским си-

лам, сосредоточивавшимся на Мурмане. В то же время сами большевики, опасаясь как полной зависимости от Германии, так и возможного противодействия со стороны Антанты, проводили политику лавирования между воюющими блоками. Такая политика Совнаркома делала вероятным сохранение компромисса между Мурманом и Центром. Местные власти выдвинули идею создания Мурманского края, чтобы установить прямой контакт с центром, выйдя из состава Архангельской губернии³⁴.

23 марта 1918 г. Мурманский Совет объявил о своем преобразовании в Краевой Совет с дальнейшим добавлением представителей от железнодорожников со всей Мурманской железной дороги, крестьян Кемского и Александровского уездов и всех Советов края³⁵. Так, мурманские деятели решили распространить свои притязания и на Кемский уезд Архангельской губернии.

Первое заседание Мурманского Краевого совета открылось 18 апреля 1918 г. в Мурманске под председательством Архангельского³⁶. 22 апреля Совет принял конституцию Мурманского Краевого Совета, по которой он объявлялся высшим органом власти в Мурманском крае³⁷.

Управление Народной коллегии было включено в состав органов Краевого Совета. У антибольшевистски настроенных Веселаго и его сторонников не было другой опоры, кроме союзников, что, как указывал Брамсон, способствовало тому, что целью Краесовета было «не стать в видимое противоречие с декретами Советской власти»³⁸. Неудивительно, что его конституция признавала власть Совета народных комиссаров. Поэтому антибольшевистские силы в Мурманске разворачивали свою деятельность в рамках советской системы. Так, в крае ликвидировали Александровское уездное земство и Кольскую городскую думу, заменив их на Советы³⁹.

Сам способ формирования и организация деятельности Краесовета не выходили за рамки, принятые в Советской России⁴⁰. Образование Краевого Совета позволило сохранить коалицию на Мурмане. Для сил, не противостоявших большевикам, создание Краесовета было проявлением стремления наладить с Центром взаимодействие напрямую, чтобы получить ресурсы для развития. Для врагов большевиков учреждение краевого управления имело целью выйти из под контроля все больше большевизировавшегося губернского центра⁴¹. Однако их объединяла идея необходимости нахождения сил Антанты в крае из-за внешней угрозы.

В то же время Совнарком для поддержки красных финнов 1 марта 1918 г. подписал договор с правительством Финляндской социалистической рабочей республики, передав ей район Печенги⁴². Известие о передаче Финляндии приграничной части Западного Мурмана вызвало негативную реакцию в крае. Например, на собрании жители Печенги 20 марта 1918 г. заявили протест против передачи их местности Финляндии⁴³.

Тем временем, в начале апреля 1918 г. в Финляндии высадились немецкие войска, с помощью которых белофинны 14 апреля взяли Хельсинки. Ввиду этого еще 9 апреля И.В. Сталин объявил Мурманскому Совету, что из-за несомненной победы белофиннов вышеупомянутый договор можно считать упрядненным, разрешив при этом принять против финских белогвардейцев помощь англичан⁴⁴.

Между тем, мурманское руководство размещало в «Известиях Мурманского Совета» статьи о правах России на спорную территорию. В конце апреля 1918 г. продолжались публикации о протестах жителей приграничных районов против передачи Печенги Финляндии⁴⁵. Учитывая, что красные финны были разгромлены, нельзя не заподозрить мурманские власти в определенном умысле, чтобы скомпрометировать Совнарком.

Имевшие крупномасштабные планы белофинны весной 1918 г. в нескольких местах перешли русско-финскую границу. Бои последовательно разверну-

лись в районе Кеми, Кандалакши и Печенги. Поддержка белофиннов Германией привела к активизации сил союзников. 10 апреля 1918 г. в Кандалакшу из Мурманска был отправлен бронепоезд смешанных сил в составе англичан, французов и русских ⁴⁶. Правда, основное бремя борьбы на границе выпало отряду красных финнов, прибывших в Кандалакшу в марте 1918 года. Непосредственное участие в боях с белофиннами союзники приняли в районе Печенги, где с помощью орудий и десанта английского крейсера «Кокрейн» вторгнувшиеся финны были разгромлены ⁴⁷.

Необходимость присутствия сил Антанты на Мурмане местные власти доказывали именно тем, что Финляндия была союзницей Германии. При том, что реальных доказательств вторжения немцев через границу не было, присутствие их войск в Финляндии давало мурманским «Известиям» повод использовать тему немецкого участия в нападениях белофиннов. Финнов-белогвардейцев называли «германофиннами», а агитацию в пользу Финляндии — «германофильской» ⁴⁸.

Немцы совершали нападения на море. Так, в середине мая 1918 г. германскими подлодками было потоплено три русских судна, у Вайда-губы обстреляны тральщик и наблюдательный пост ⁴⁹. В Москву ушла телеграмма главы Краесовета Архангельского: «протестуем и настаиваем на принятии решительных мер и спешно готовимся к борьбе» ⁵⁰. Так население соглашалось с участием союзников в защите края.

Пробольшевистская же база в крае была ослаблена. Из-за прекращения строительных работ уехали рабочие, прошла демобилизация матросов и солдат. При этом в крае появилось много антибольшевистски настроенных беженцев из Советской России ⁵¹. В таких условиях возросло значение городских средних слоев Мурманска. Ранее радикальный Центромур во главе с матросом М.А. Ляуданским весной 1918 г. стал более умеренным. Разногласия Центромура и Совжелдора с Краесоветом касались продовольствия и материального обеспечения, которые Совет хотел контролировать, а также исключения Центромура из Совета и отказа железнодорожникам в требованиях иметь больше человек в президиуме Краесовета ⁵².

Тем временем, Москва согласилась с отделением Мурманска от Архангельска и созданием Краевого Совета, назначив чрезвычайного комиссара Мурманского края ⁵³. 24 мая 1918 г. назначенный на эту должность С.П. Нацаренус прибыл в Мурманск. В ходе переговоров с союзниками комиссар поставил в качестве условия для сотрудничества с ними признание Советского правительства. При этом он признал меры Центромура по ремонту миноносцев союзниками и формирование их смешанными командами, а также возможную совместную деятельность для борьбы с немцами ⁵⁴. 2 июня Нацаренус уехал в Москву, легитимизировав власть Краесовета и его сотрудничество с союзниками.

Антанта, приняв решение об интервенции на Севере России, постоянно увеличивала численность своих сил ⁵⁵. Под предлогом активизации белофиннов на границе усилили кандалакшский союзный гарнизон, послали войска в Кемь ⁵⁶. 7 июня 1918 г. англичане договорились с красными финнами в Кандалакше, создав Финский легион, а 14 июня объявили о создании Славяно-британского легиона для борьбы с немцами и белофиннами.

В чехословацком мятеже, поддержанном антибольшевистскими силами, Совнарком увидел происки Антанты. Большевистский центр выступил против продолжения сотрудничества Краесовета и союзников. В итоге ночью с 25 на 26 июня 1918 г. произошел телеграфный разговор Юрьева с В.И. Лениным и Г.В. Чичериным ⁵⁷. Москва требовала протестовать против нахождения союзников на Мурмане. Юрьев же старался получить согласие СНК на совместную с союзниками организацию действий по обороне края от «финно-германцев».

Ввиду того, что Антанта сделала ставку на интервенцию, подобное соглашение было, конечно, неосуществимо.

30 июня 1918 г. состоялось заседание Краесовета, Центромур и Совжелдора, на котором приняли резолюцию отклонить протест Совнаркома против пребывания союзников на Мурмане ⁵⁸. Таким образом, Краесовет сохранив сотрудничество с Антантой, разорвал отношения с Совнаркомом. Местные жители не оказали противодействия разрыву с Москвой, так как считали, что лучше обещающие помощь союзники, чем лояльность далекому Советскому правительству.

Разрыв Мурманского Краесовета с большевиками сохранил Советы в крае, но лишь как форму власти в политической борьбе. В качестве юридического оформления разрыва 6 июля 1918 г. было подписано соглашение Краесовета с представителями Англии, Франции и США ⁵⁹. Соглашение из 14 статей было ратифицировано 7 июля на совместном заседании Краесовета, Центромур и Совжелдора.

Формально соглашение носило антигерманскую направленность. Так, в статье 1 целью объявлялась «оборона Мурманского края». Согласно статье 3 русские вооруженные силы находились в подчинении командования, назначенного Мурманским Краесоветом. По статье 5 Краесовету принадлежала вся власть во внутреннем управлении. Союзники, согласно статье 7, должны были предоставлять продовольствие всему населению. При том, что соглашение оставляло Мурманский Краевой Совет в качестве органа власти, дальнейшие действия Совета способствовали снижению его влияния.

Так, 7 июля 1918 г. «ввиду опасности вторжения финно-германцев» в крае было объявлено осадное положение ⁶⁰. В ходе перераспределения полномочий между Краесоветом и командующим русскими вооруженными силами Мурманского края Звегинцевым в распоряжении Краесовета сохранилось гражданское управление. Командованию напрямую были подчинены органы государственного строительства, железная дорога, Мурманская флотилия, морские базы и порты края, а также милиция.

1 августа 1918 г. вышел приказ о формировании на добровольной основе Мурманской армии, которая содержалась британцами ⁶¹. Однако Славяно-британский легион сохранялся, продолжался набор в Финский легион, а также в Карельский полк. При таком распылении местных призывных ресурсов к ноябрю 1918 г. в Мурманской армии сформировали только два батальона и три роты. Новые приказы Мурманского Краесовета противоречили сложившейся системе управления, в которой большое значение играли организации моряков и железнодорожников. В рамках нового режима, где даже права Совета были ограничены, Центромур и Совжелдор были не нужны.

Приказы Краесовета вызывали возмущение в Центромуре и в Совжелдоре, но, кроме как апеллировать к союзникам, они ни на что не решились ⁶². Союзники однозначно поддержали Краесовет, организовав репрессии против военных моряков и железнодорожников, поводом для которых послужило покушение на Веселаго 12 июля. В тот же день были арестованы члены Центромур, Совжелдора и многие из тех, кто был известен отрицательным отношением к Краесовету и союзникам ⁶³.

После ликвидации Центромур 21 июля 1918 г. по приказу Мурманского Совета был распущен личный состав Мурманской флотилии ⁶⁴. Также были ликвидированы Совжелдоры. Таким образом, матросы и железнодорожники перестали играть политическую роль.

Интервенты открыто перешли на антибольшевистские позиции, поддержав свержение Советской власти в Архангельске, где 2 августа 1918 г. было сформировано Верховное Управление Северной области (ВУСО) под председа-

тельством Н.В. Чайковского. ВУСО объявило об упразднении всех советских органов власти. Вместо них возвращались городские и земские управы⁶⁵. 6 августа 1918 г. ВУСО постановило, что Мурманский край включается в состав Северной Области⁶⁶. Представители Мурманского Совета и ВУСО должны были вместе подготовить особый акт об инкорпорации Мурманского края. Исходя из записей журналов заседаний ВУСО, на них действительно присутствовали Звегинцев и Брамсон⁶⁷. Однако договориться насчет предполагаемого акта не удалось.

В итоге, 5 октября 1918 г. Чайковский постановил упразднить Мурманский Краесовет и восстановить земства Кемского и Александровского уездов⁶⁸. Новый пост помощника генерал-губернатора по управлению Мурманским районом получил В.В. Ермолов. Британский представитель Ф. Линдлей в письме Чайковскому от 17 октября подтвердил действие договора от 6 июля 1918 года⁶⁹. Когда в ноябре 1918 г. закончилась первая мировая война, оставшиеся на Русском Севере союзники приняли активное участие в антибольшевистской борьбе, поддержав белое движение.

Таким образом, мировая война, изменившая жизнь Мурманского края, продолжала влиять на нее и после начала революции. В условиях нового социального состава населения края основной формой самоуправления стали Советы. На Мурмане Советы в 1917 г. в основном сотрудничали с военными властями, понимая необходимость единения всех сил перед лицом германской угрозы. В рамках сотрудничества местных организаций весной 1918 г. был создан Мурманский Краевой Совет, сосредоточивший в своих руках всю власть в крае. Германская угроза и связанная с ней угроза белофиннов сделали возможным сотрудничество местной Советской власти с Антантой. Отсутствие в крае противодействия разрыву с Советским центром явилось результатом разочарования местного населения в большевиках. После свержения большевиков в Архангельске Мурман вошел в состав Северной Области. Роспуск Советов на Севере привел к ликвидации и Мурманского Краевого Совета. После окончания первой мировой войны и исчезновения германской угрозы стал ясен не только антибольшевистский, но и антисоветский характер новой северной власти.

Примечания

1. ТРОШИНА Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск. 2014, с. 62—63.
2. ЛОНГ ДЖ.У. Американский историк об интервенции на Русском Севере. В кн.: Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. Архангельск. 1997, с. 13.
3. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 378, оп. 1, д. 12, л. 8.
4. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917—1920 гг.). Сб. документов. Л. 1982, с. 4.
5. ЖАЛНИН Д.Е. История строительства и боевой деятельности флотилии Северного Ледовитого Океана (1914—1920 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Мурманск. 2005, с. 80.
6. ЛОБЧЕНКО Л.Н. Спецтрудпоселенцы Северного края в тылу и на фронте 1941—1945 гг. — Вопросы истории. 2010, № 3, с. 140—143.
7. УШАКОВ И.Ф. Кольская земля. В кн.: УШАКОВ И.Ф. Избранные произведения. Т. 1. Мурманск. 1997, с. 605.
8. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. Сб. документов и материалов. Мурманск. 1960, с. 12—13.
9. НОВИКОВА Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917—1920. М. 2011, с. 49—50.
10. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере... , с. 34—37.

11. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с.15—16.
12. ВОРОНИН А.В., ФЁДОРОВ П.В. Власть и самоуправление: Архангельская губерния в период революции (1917—1920 гг.). Мурманск. 2002, с. 70.
13. Государственный архив Мурманской области (ГА МО), ф. и-134, оп. 1, д. 24, л. 31, 36.
14. ШИШКОВ А. Мое третье пребывание на Кольском полуострове. 1916—1923 годы. В кн.: Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Мурманск. 2006, с.150.
15. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 14.
16. КИСЕЛЁВ А.А., КЛИМОВ Ю.Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск. 1977, с. 45—47.
17. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере..., с. 39—40.
18. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 53, 60—62.
19. Там же, с. 63.
20. ГА МО, ф. и-134, оп. 1, д. 23, л. 180—181.
21. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 68—69.
22. Там же, с. 76—77.
23. Там же, с. 82—84.
24. РГАВМФ, ф. р-129, оп. 2, д. 1, л. 47об., 92об.
25. КИСЕЛЁВ А.А., КЛИМОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 105—106.
26. КОВАЛЕНКО П.И. Из воспоминаний о перевороте в Мурманске 21 февраля 1920 года. В кн.: Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев, с. 232—233.
27. ВЕСЕЛАГО Г.М. Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917—1918 годы. Там же, с. 93.
28. Там же, с. 92.
29. ГА МО, Библиотека, № 1235. Материалы по истории интервенции и гражданской войны на Кольском полуострове, л. 88.
30. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 145.
31. Там же, с. 146—147.
32. КЕДРОВ М.С. Без большевистского руководства. Из истории интервенции на Мурмане. (Очерки). Л. 1930, с. 32.; Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 147.
33. См., например: Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987, с. 231—233.
34. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 136—138.
35. КЕДРОВ М.С. Ук. соч., с. 72.
36. Известия Мурманского Краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов. 21.IV.1918.
37. Там же. 25.IV.1918.
38. ГА МО, Библиотека, № 1204, Материалы по истории интервенции и гражданской войны на Кольском полуострове, л. 59.
39. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 318—319; ГА МО, Библиотека, № 1204, л. 56—58.
40. ГИМПЕЛЬСОН Е.Г. Формирование советской политической системы: 1917—1923 гг. М. 1995, с. 27—28.
41. ГОЛДИН В.И., ЖУРАВЛЁВ П.С., СОКОЛОВА Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск. 2005, с. 61.
42. Декреты Советской власти. Т. 1. М. 1957, с. 503—511.
43. ГА МО, ф. р-919, оп. 1, д. 2, л. 92.
44. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 134—135.
45. Известия Мурманского Краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов. 12, 25, 28.IV.1918.
46. ВЕСЕЛАГО Г.М. Ук. соч., с. 100—101.
47. ГА МО, ф. р-919, оп. 1, д. 2, л. 120—123.
48. Известия Мурманского Краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов. 12.IV, 10.V.1918.
49. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере, с. 141—142; Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 177—180.

50. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 174—175.
51. КЕДРОВ М.С. Ук. соч., с. 90—92.
52. ВЕСЕЛАГО Г.М. Ук. соч., с. 109—111, 123.
53. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 138.
54. ВЕСЕЛАГО Г.М. Ук. соч., с. 114—115.
55. ГОЛДИН В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918—1920. М. 1993, с. 37—41.
56. КИСЕЛЁВ А.А., КЛИМОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 143—144.
57. КЕДРОВ М.С. Ук. соч., с. 115—117.
58. ВЕСЕЛАГО Г.М. Ук. соч., с. 118—124.
59. Там же, с. 126—129.
60. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 221—225.
61. ГА МО, ф. р-919, оп. 1, д. 3, л. 42.
62. ВЕСЕЛАГО Г.М. Ук. соч., с. 135.
63. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере..., с. 181—182; БЖЕЗИНСКИЙ В.Л. Вооруженная интервенция на Мурмане: Воспоминания председателя Центромюра о событиях 1917—1918 гг. Мурманск. 2012, с. 180—181.
64. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане..., с. 226.
65. Вестник Верховного управления Северной Области. 10.VIII.1918.
66. ВЕСЕЛАГО Г.М. Ук. соч., с. 138.
67. Государственный архив Архангельской области, ф. р-1073, оп. 1, д. 4, л. 1.
68. Вестник Временного правительства Северной Области. 11.X.1918.
69. ГА МО, Библиотека, № 1235, л. 194.

Турецкие купцы в России в XVI в.

А.М. Некрасов, М.Б. Некрасова

Аннотация. Работа посвящена русско-турецкой торговле в XVI в. и основана на дипломатических документах русских и османских архивов. Важнейшей статьёй торговли с Турцией были закупки мехов для султанского двора. Организация торговли была обычной для того времени — купцы отправлялись вместе с посольскими караванами, часто сами турецкие послы имели поручения о закупке русских товаров (в первую очередь мехов). Визиты османских послов и купцов в Москву были регулярными, проживали они в центре Москвы — Китай-городе — и торговали также в некоторых других городах. Торговые связи создавали основу для политических отношений России и Турции, которые вплоть до конца XVII в. оставались мирными.

Ключевые слова: русско-османская торговля, турецкие послы и купцы, статьи торговли, дипломатическая переписка, торговые пути, проживание османских купцов и послов в Москве.

Abstract. The article is devoted to Russian-Turkish trade in 16th century and based upon diplomatic documents of Russian and Ottoman archives. Purchase of furs for sultan's court was the principal item of trade with Turkey. Arrangement of trade was usual for that time — the merchants went together with ambassadors' caravans, and ambassadors themselves were often charged with purchase of Russian goods (first of all furs). It is shown that visits of Ottoman ambassadors and merchants to Moscow were regular, they dwelled in the center of Moscow — Kitay-gorod — and traded also in some other cities. Trade relations formed the basis for political relations of Russia and Turkey that were peaceful up to late in 17th century.

Key words: Russian-Ottoman trade, Turkish ambassadors and merchants, items of trade, diplomatic correspondence, trade routes, dwelling of Ottoman merchants and ambassadors in Moscow.

Одной из важнейших зон политических, культурных и экономических контактов государств и народов Европы и Ближнего Востока на протяжении длительного периода являлся черноморский регион. Для Руси торговый путь через

Некрасов Александр Михайлович — кандидат исторических наук, эксперт ГБУ «Московский дом национальностей». E-mail: alnek58@mail.ru; *Некрасова Мария Борисовна* — кандидат исторических наук, профессор Всероссийской академии внешней торговли. E-mail: alnek58@mail.ru.

Nekrasov Alexander M. — Ph. D., expert of State budgetary institution “Moscow house of nationalities”. E-mail: alnek58@mail.ru; *Nekrasova Maria B.* — Ph. D., professor of All-Russian academy of foreign trade. E-mail:alnek58@mail.ru.

Черное море имел большое экономическое значение уже на ранних этапах существования Древнерусского государства. Тогда активно развивалась торговля с Византией, а впоследствии, после утраты ею доминирующего положения в регионе, ключевые позиции в черноморской торговле вплоть до середины XV в. занимало итальянское (генуэзское и венецианское) купечество.

После покорения османами в 1453 г. Константинополя ситуация резко изменилась. Последовавшие затем османские завоевания в Причерноморье в 70—80-х гг. XV в. привели к превращению части причерноморских территорий в провинцию Османской империи с центром в Кафе (тур. Кефе, совр. Феодосия). Утверждение здесь османской власти повлекло за собой постепенную интеграцию региона в политическую и экономическую систему Османского государства, центром которой был Стамбул.

Торговая деятельность русского купечества в Причерноморье в новой ситуации не прервалась. В течение XV столетия непрерывно шла торговля Руси с Крымом, которая стала особенно интенсивной с установлением в 1474 г. дипломатических отношений Русского государства с Крымским ханством. Проникновение османов в Северное Причерноморье в 70—80-х гг. XV в. создало объективные условия для установления прямых русско-османских торговых связей.

Имеющиеся архивные материалы, в первую очередь дипломатические источники, позволяют осветить многие проблемы. Речь идет о сохранившихся «посольских книгах» («турецких», в меньшей степени «крымских», «греческих»), а также опубликованных за последние полвека документах из архивов Турции.

В XVI столетии торговля с Османской империей стала одним из важнейших — наряду с европейским — направлений внешней торговли России. Основными предметами русского экспорта в Турцию стали меха, охотничьи птицы (соколы, кречеты и ястребы), так называемый «рыбий зуб» (моржовая кость), воск, в меньшей степени кожи. Привозились из Турции как русскими, так и османскими купцами ткани — особенно шелк, атлас, бархат. Они использовались на Руси не только для пошива дорогой одежды, но и для раздачи жалованья служилым людям. Также ввозились драгоценные металлы и изделия из них¹. Достаточно редко турецкие купцы закупали другие товары — например, известно, что купец Мехмед Челеби приобрел краску, которую оставил в Москве, и в 1570 г. султан Селим II просил передать ее послу Хаджи-Бустану Челеби. Из письма царя Фёдора Иоановича султану Мураду III от 1586 г. известно, что эта просьба была выполнена². В тексте султанского послания от 31 октября 1574 г. говорится об имуществе умершего купца Джевхери-заде Мехмеда, включавшем синюю краску, и сообщается, что забрать товар в Москву едут купцы Ризван и Мустафа³.

Организация русско-османской торговли была обычной для того времени: купцы, как правило, отправлялись вместе с посольскими караванами. Они двигались разными маршрутами: через Крым и далее степью к русским рубежам; через Дон и Азов; западнее, через Белгород (Аккерман), Очаков, Перекоп и Путивль либо через молдавские и польско-литовские земли — через Киев на Чернигов или через Смоленск (путь к нему шел с юга по Днепру или с запада, точнее юго-запада, от низовьев Дуная)⁴. Выбор маршрута определялся политической ситуацией. Столкновения Руси с крымскими ханами, регулярно происходившие со второго десятилетия XVI в., время от времени перекрывали пути через Крым, а конфликты Руси с Польско-Литовским государством блокировали западные направления. Отметим, что каждый из путей имел свои недостатки и был по-своему опасен: так, путь по Дону грозил нападениями донских казаков, по Днепру — запорожских казаков. Наиболее безопасным являлся «молдавско-польский» путь. Он стал использоваться для нужд османской торговли еще с 60-х гг. XV в., когда по нему пошли товары из Польши. Пользова-

лись этим путем преимущественно османские караваны, русские же предпочитали южные пути ⁵.

Особое значение имела такая статья русско-османской торговли, как торговля ценными мехами ⁶. Ей османское правительство уделяло особое внимание, так как меха имели процедурное значение в этикете султанского двора. Пожалованием почетной меховой одежды сопровождалось назначения на государственные должности, мехами украшались парадные одеяния султанов и членов султанской семьи. Ношение меховых одежд было обязательным при определенных придворных церемониях. Кроме того, они использовались для султанских подарков правителям некоторых государств, в частности, крымским ханам ⁷.

Впервые русские меха упоминаются в османских документах вскоре после взятия Константинополя, хотя и не вполне ясно, каким путем они тогда попали в Турцию (возможно, через Крым или Польшу). Установление же регулярной, организуемой государством торговли мехами относится к первой половине XVI века. По-видимому, именно тогда султаном Сулейманом I была официально регламентирована практика использования меховых одежд при дворе ⁸. Сохранилась целая серия османских документов, посвященных меховой торговле с Москвой в XVI в. и относящихся к периоду 1564—1588 годов. Их подробный обзор сделан А. Беннигсеном и Ш. Лемерсье-Келькеже ⁹. Торговля, разумеется, не ограничивалась этим временем — просто более ранние и более поздние документы до нас не дошли. На ряд материалов османского происхождения, также касающихся меховой торговли и хранящихся в польских и румынских архивах, обратил внимание М. Бериндей ¹⁰.

Импорт русской пушнины и меховых изделий был прерогативой султанской казны ¹¹. Речь шла о покупке особо ценных мехов — соболя, горноста, черно-бурой лисицы, а также более дешевой куницы. Для этого снаряжались караваны во главе с султанскими купцами, получавшими официальное поручение приобрести меха в Москве и средства на это из государственной казны. В Москве же государственной монополией была, наоборот, продажа мехов за границу. Они входили в число так называемых «заповедных товаров», на экспорт которых требовалось специальное правительственное разрешение. Кроме мехов, к заповедным товарам относилось, например, оружие ¹². Ведали продажей мехов два московских учреждения — Соболиная казна и Казенный двор, покупка мехов иностранцами в других местах не допускалась. Известно, что самые ценные меха — соболиные — стоили в зависимости от качества от 10 до 300 рублей за сорок ¹³.

Отметим, что основным путем приобретения мехов для нужд османского двора была именно посылка султанских купцов в Москву. Русские же купцы мехов с собой в Турцию не везли, за исключением предназначавшихся в подарок султанам от русских государей. Такой порядок был особенностью русско-османской меховой торговли. Помимо прямых закупок в Москве, определенную роль в поставке мехов в Стамбул играли молдавские купцы, перепродававшие в Турцию закупленные ими в Москве меховые товары ¹⁴.

Необходимо остановиться на происхождении экспортировавшихся Русским государством мехов. Определенная их доля добывалась в лесах центральной части страны, но главным источником на протяжении XVI столетия были окраины — громадные лесные пространства севера и северо-востока Восточной Европы. Регулярный экспорт мехов не случайно начался к концу XV столетия — с продвижением османов в Причерноморье совпало по времени присоединение к Московскому государству Новгорода с его необъятными охотничьими угодьями. Способствовало расширению вывоза мехов и присоединение вятских и пермских земель. Есть мнение, что в своем стремлении овладеть указанными территориями Москва во многом исходила из желания получить территории,

богатые пушным мехом¹⁵. До середины XVI в. меха ввозились на Русь также из Казанского ханства, в известной степени конкурировавшего с Русью в меховой торговле. С завоеванием Казани в 1552 г. в руки московских царей перешел и этот источник¹⁶. В конце столетия, с началом продвижения русских в Сибирь, добавились и поставки сибирских мехов¹⁷.

Среди османских купцов, посещавших Россию, были как мусульмане, так и христиане (греки, армяне). Документы султанского архива (лето 1585 г.) называют посланного в Москву купца Димитрия, христианина (вероятно, грека). То же говорится об умершем в Московии Михаиле и об отправляющемся затем для получения оставшихся после него товаров Георгии (1574—1577)¹⁸. В документах русских архивов среди османских гостей часто фигурируют греки, встречаются и армяне. Скажем, не раз посещавший Москву купец-грек Андрей Халкокондил упоминал, что в Московской земле находились его люди «Синан арменин» и «Мурат арменин»¹⁹. Есть источники, позволяющие говорить о присутствии купцов-армян в Новгороде во второй половине XVI века²⁰. Сохранилось послание султана Селима II (1564), где речь идет о поездке в Москву купца-армянина Дрегыана, а из султанского послания 1565 г. выясняется, что среди ехавших в Москву 13 купцов было 8 мусульман и 5 христиан²¹.

Первые документы русско-османских дипломатических отношений 90-х гг. XV в. касались главным образом вопросов торговли. Официальные межгосударственные контакты между Москвой и Стамбулом (в русских источниках традиционно именовался Царьградом) были установлены при посредничестве крымского хана Менгли-Гирея. В 1492 г. через него султану Баязиду II было передано послание Ивана III с предложением, «чтобы меж нас наши люди ездили», и купцам никаких препятствий не чинилось. В 1495 г. наместником в Кафу был назначен сын султана Мехмед (шахзаде), и вместе с ним в Крым прибыли османские послы к великому князю Ивану. Однако их задержал в Киеве и не пропустил на Русь великий князь литовский Александр Казимирович, опасавшийся сближения султана с московским правителем²². В 1496 г. к султану Баязиду II отправился первый русский посол М.А. Плещеев, а в 1499 г. — посол А.Я. Голохвастов. Еще до возвращения Голохвастова в Москву прибыл посол, которого направил кафинский наместник Мехмед Салык (Салихага)²³. В грамотах великого князя Ивана III, адресованных султану, содержатся многочисленные просьбы урегулировать споры русских купцов с османской администрацией относительно пошлин, имущества, особенно выморочного имущества умерших в поездках купцов. Иван III перечислял жалобы русских купцов на притеснения со стороны таможенных властей, на периодически случавшиеся конфискации товара. Ответные грамоты султана содержали обещания разобрать спорные вопросы²⁴. Хотя в прямых контактах Москвы со Стамбулом после возвращения Голохвастова (1500 г.) наступил перерыв до 1512 г., но переписка по торговым делам с османскими властями Кафы не прекращалась.

Достаточно большое количество упоминаемых в дипломатических документах имен купцов показывает, что торговля Руси с Османским государством была уже тогда довольно активной. Имеются данные конца XV в. о пребывании русских купцов не только на побережье, но и внутри Анатолии. Так, документы этого времени из османских архивов фиксируют присутствие русских купцов (Алексея, Гавриила и Степана) в Бурсе²⁵. Менгли-Гирей в 1498 г. упоминал, что русские купцы «в Токат ходят»²⁶. В отправленной с Плещеевым грамоте Ивана III содержится просьба вернуть имущество купца Самойлы Ярцева, который умер в Бурсе, а в привезенной Плещеевым грамоте султана Баязида II говорится, помимо прочего, о данном им распоряжении отдать имущество умерших в Турции купцов Страха, Офонаса (Афанасия) и Ортема (Артемия). Чуть позже (1500 г.) османскому наместнику Кафы с послом А.С. Кутузо-

вым, отправившимся в Кафу вместе с возвращавшимся Салих-агой, передана просьба о возврате товара умершего в Токате купца Гаврилы Фёдорова сына Селчакова, торговавшего там вместе с зятем Данилом Замалиным. Аналогичная просьба касалась умершего в Токате купца Дмитрия Омосова (Амосова), который был там со своим товарищем Тимоном²⁷. В письме Менгли-Гирея от 1498 г. упомянут и турецкий купец Гортемир (Кёртемир, Куртимур), торговавший в Москве²⁸. Однако османские купцы проявили действительный интерес к торговле с Москвой несколько позднее — в XVI веке.

Вместе с возвращавшимся из Стамбула русским послом М.И. Алексеевым весной 1514 г. в Москву прибыл османский посол, грек Камал (Кемаль-бей) Феодорит — принявший мусульманство представитель прежнего правящего дома завоеванного турками в 70-е гг. XV в. крымского княжества Мангуп (Феодоро). Через год, в марте 1515 г., он был оправлен обратно вместе с русским послом В.А. Коробовым. Во время пребывания османского посла в Москве ему вернули товар умершего купца «Алея Бурсянина» (Али из Бурсы). В это же время в материалах «посольских книг» названы турецкие купцы, торговавшие или стремившиеся торговать в Москве — «Хозя Петрядин» (Ходжа Бедреддин) и «Искендер бурсянин» (Искендер из Бурсы)²⁹.

После миссий русских послов Голохвостова и В.М. Третьяка-Губина к султанам Селиму I и Сулейману I, состоявшихся в 1519—1521 гг.³⁰, в Москву в 1522 г. приехал турецкий посол Скиндер (Искендер), также грек из мангупского княжеского дома. С ним, как сообщал в Москву весной 1522 г. по дороге из Крыма посол Василий Третьяк-Губин, ехало «торговых людей царегородских и кафинцов 16 человек». В отличие от Кемаль-бея, Искендер вез с собой товар для продажи и имел поручение сделать закупки для султана³¹.

С этого времени в грамотах султанов к Василию III и его преемникам появляется постоянно применявшаяся с небольшими разночтениями формула: «приказал бы еси своим людям, которой товар нам пригож, и они б тот товар продавали нашему послу... на наши потребности». Позднее в султанских письмах упоминаются разные «потребные» товары — «неколикия рухляди — белки и соболя», «шубы избранны от соболей и добрые лисицы», «несколько портищ собольих, неколико птиц кречатов», «шуб собольих и иных товаров», то есть непременно присутствует важнейшая статья покупок — соболя³².

Любопытно отметить, забегая вперед, что в наказе отправлявшимся к султану Д. Исленьеву и Т. Аврамову (июль 1594 г.) сказано со ссылкой на предыдущее посольство Г. Нащокина и А. Иванова: мол, пристав Сулейман-чауш заметил послам, что присылают среди поминков (подарков) соболей хоть и дорогих, но у султана в казне соболя есть, а шуб лисьих горлатных черных в казне нет, и государь бы прислал такую. И поэтому в 1594 г. в качестве поминка послана «шуба горлатна лисиц черных»³³.

В наказе отбывавшему в Стамбул весной 1523 г. в ответ на посольство Искендера И.С. Брюхову-Морозову упомянуто, что великий князь велел отдать Искендеру товар умершего на Руси «Ефарбердея» (Джафар-бирди)³⁴ — значит, турецкие купцы в предшествующие годы ездили в Москву.

В 1524 г. Искендер вновь приехал в Москву, теперь уже исключительно в качестве купца — «рухляди купити». Любопытно, что ехавший обратно из Турции одновременно с ним посол Брюхов-Морозов сообщал в отправленном с дороги вперед в Москву письме слух, что якобы вместе с Искендером едет «с торгом гречин, Фёдором зовут, а сказывается Юрью Малому родной брат, Дмитриев жо сын». Речь идет о брате московского придворного и дипломата Юрия Дмитриевича Траханиота³⁵. Отметим, что в бытность в Москве в 1514—1515 гг. с Ю.Д. Траханиотом имел встречу посол Кемаль-бей Феодорит³⁶. Однако никаких упоминаний о приезде Фёдора в документах нет, и мы можем только

гадать, состоялся ли он. Нелишне напомнить, что имеется информация о наступившей опале Юрия как раз в это время, около 1522 года.

Искендер приезжал в Москву еще дважды — в 1527 и 1529 гг. — судя по всему, оба раза в основном по торговым делам. И здесь же умер. После осмотра оставшихся в его вещах бумаг появилось серьезное подозрение, что он выполнял не столько посольские, сколько шпионские функции, к тому же действуя не вполне в соответствии с инструкциями султана³⁷. Имущество Искендера отправили в Стамбул с турецкими купцами, среди которых названы Челеби из Бурсы, Пир-Ахмед, Саиват, Али, другой Али, Бутак, Хаджи-Муса³⁸.

Еще до последнего визита Искендера, в начале 1529 г. в Москву приехал османский купец Андриан Грек (Андрей Халкокондил), подал султанскую грамоту о покупках и, «исторговавшись», в мае того же года отбыл обратно³⁹.

Такой порядок русско-османских отношений сохранялся многие десятилетия — приезжавшие из Турции купцы выполняли также функции послов, передавая по адресу султанские грамоты, в которых, впрочем, обычно говорилось лишь о торговых делах, и отвозя ответные послания московских государей. Так, в ноябре 1532 г. приехал купец Ахмед и отбыл в мае 1533 года⁴⁰. В 1538 г. и с января по июнь 1542 г. в Москве вновь был Андрей (Андреян) Халкокондил, позднее он оставался с февраля по июль 1544 г. и с апреля 1550 по март 1551 год⁴¹. В апреле-ноябре 1549 г., с февраля 1554 по июнь 1555 г. и с февраля 1558 по июль 1559 г. в Москве торговал Мустафа Челеби⁴².

В январе 1562 — марте 1564 г. по торговым делам приезжал Мехмед Челеби⁴³. На обратном пути он был ограблен, и сохранилось письмо от 1564 г. с запросом султана о наказании виновных. Мехмед упоминается также в османских архивных документах 1566—1568 годов⁴⁴.

Мехмеда Челеби следует особо отметить в контексте отношений России и Турции. В 1570 г. он участвовал в приеме русского посла И.П. Новосильцева в Стамбуле, прислал ему в помощь «племянника да толмача», а также официально подтвердил великому визирю Мехмеду Соколлу-паше, что за пропавший в России товар полностью получил компенсацию от царя Ивана и не имеет никаких претензий к русской стороне. Одним из важнейших вопросов, который выяснял русский посол, были обстоятельства недавнего похода турок на Астрахань в 1569 году. Новосильцев узнал, в частности, что тогдашний османский наместник Кафы Касим-паша прислал в Стамбул после похода некий «чертеж астраханский», и именно Мехмед Челеби принес и показал этот «чертеж» (вероятно, карту окрестностей Астрахани) московскому послу⁴⁵. В 1571 г. Мехмеду Челеби был отдельно отправлен из Москвы с послом А. Ищеиным-Кузьминским «поминок» — «шуба лисья нагольная красна без пуху»⁴⁶.

Кроме него, в эти годы в Москву приезжали и другие купцы из Турции — Хаджи-Бустан Челеби (март-август 1571 г.), грек Андрей Свир (январь 1576 — март 1577 г.), Дмитрий Сыренак (март-октябрь 1586 г.)⁴⁷, а также Махмуд Челеби — в 1578 г.⁴⁸, с января 1580 по февраль 1582 г., с января по март 1584 г.⁴⁹, в феврале 1588 — декабре 1589 г., вместе с купцами Халилем и Мехмедом, и в сентябре 1593 года⁵⁰. В 1588 г. в Москве, кроме упомянутых троих купцов, побывал еще купец Рамазан⁵¹.

Отметим здесь, что русские власти, заинтересованные в торговле с Османской Турцией, старались помогать турецким негодьям. К примеру, Хаджи-Бустан Челеби имел все основания быть признательным за заботу властей о своем имуществе: как доносил московскому государю направлявшийся вместе с купцом по Дону в Стамбул посол А. Ищеин-Кузьминский, «твои казаки на мелях Бустан-чилибеев товар на себе носили и уберегли»⁵².

Как можно видеть, купцы обычно проводили в русской столице от нескольких месяцев до одного-двух лет. Когда Махмуд Челеби в очередной раз

приехал в январе 1580 г. и был отпущен только в феврале 1582 г., Иван IV считал нужным направить султану Мураду III специальную грамоту с объяснением причин задержки: «помешкали» из-за войны «с литовским». На церемонии отпуска царем присутствовали, кроме Махмуда Челеби, также другой османский купец — «гречанин Мануйло» и султанский гонец Юсуф, приехавший по поводу задержки Махмуда⁵³.

Отметим, что в посольских книгах разные, но сходно звучащие имена Мехмед и Махмуд часто перепутаны, и Махмуд именуется то «Магмет», то «Магмут», но контекст и сопоставление с османскими документами обычно позволяют понять, о ком идет речь. Кстати, применительно к Махмуду звание «челеби» вполне согласуется с тем, что в посольских книгах он однажды назван «писарем и купцом»⁵⁴. А в письмах султана от 1588 г. отправляющиеся в Москву купцы Махмуд, Халиль и Мехмед даже названы с указанием служебных званий, среди которых весьма привилегированное «мютеферрика» и также высокое «силяхдар»⁵⁵.

Султанский посол без купеческих дел — Ибрагим-чауш⁵⁶ приехал в Москву с султанскими грамотами (в первый раз после отъезда Искендера) только в конце 1585 г. и отбыл обратно в октябре 1586 года⁵⁷. А в ответ на посольство в Турцию Г. Нащокина и А. Иванова (1592—1593 гг.) в Москву вместе с ними прибыл посол Ризван-чауш. Поскольку он был русским уроженцем, некогда попавшим в плен к туркам, русские представители вначале возражали против его отправки послом, но когда выяснилось, что Ризван уведен в плен ребенком и даже не говорит по-русски, возражения отпали. Из Москвы Ризван-чауш отбыл в августе 1594 г. вместе с русскими послами к султану Д. Исленьевым и Т. Аврамовым⁵⁸.

Несмотря на указанную выше утерю «турецких» посольских книг за последующее время, торговля с Турцией, судя по всему, продолжалась и дальше в годы правления Фёдора Иоановича и Б.Ф. Годунова, но затем наступил переворот, продлившийся до конца Смутного времени⁵⁹.

Кроме Москвы турецкие купцы торговали и в других русских городах — Новгороде, Путивле⁶⁰. В «греческих» посольских книгах (по сношениям с восточными патриархами, духовенством и православными монастырями, находившимися на территории Османской империи), в частности, упоминается, что весной 1586 г. торговать в Чернигов, согласно донесению воеводы Петра Хворостинина, приехали «из Царьграда» купец «греченя Юрьи Киров с товарищи»⁶¹.

Поскольку посольские и торговые связи России и Турции в то время все же были не настолько регулярными, как, скажем с Крымским ханством, Польским и Литовским государством, Англией, в Москве в рассматриваемое время не существовало специального Турецкого двора, в отличие от Английского двора в Зарядье, Крымского двора в Замоскворечье, Литовских («Панских») посольского (сначала между Тверской и Никитской ул., затем переведен в район ул. Покровка) и купеческого дворов (с XV в. на ул. Ильинка, в конце XVI в. переведен к Лубянской пл.). Турецкие послы и купцы останавливались во дворах частных владельцев.

Так, посол Кемаль-бей Феодорит в 1514—1515 гг. жил «на Алексееве дворе Бобынина»⁶², купец Мустафа Челеби в 1549 г. — «на Копыловском дворе»⁶³. В 1554—1555 и 1558—1559 гг. Мустафа Челеби был размещен «за Богоявлением на Дмитриеве дворе Самойлова» («у Богоявления за торгом») — в Китай-городе у Богоявленского монастыря. Купца Хаджи-Бустана Челеби в 1570—1571 гг. поместили «на Ильинском хрестце на ангилейского немчина на Рафове дворе Иванова»⁶⁴. Махмуда Челеби в 1584 г. поселили «на Варварском хрестце на дворе Семёна Романова»⁶⁵, в 1589 г. — «на Никольском крестце на княж Иванове дворе Токмакова». В 1585 г. посла Ибрагим-чауша разместили «в Китае городе на Смирновском дворе Араксалимова»⁶⁶. Приехавший в 1593 г. посол Ризван-чауш проживал в Китай-городе «на Иванове дворе Белоборода»⁶⁷.

Разумеется, определенное влияние на характер русско-османских отношений в XVI в. оказывали политические события. Однако, как оказывается, присоединение к Русскому государству в 50-х гг. XVI в. Казанского и Астраханского ханств ухудшило отношения России с крымскими ханами, но политические и экономические контакты с Османским государством оставались интенсивными и взаимовыгодными. Организованный позднее «астраханский поход» крымского и османского войска 1569 г. был не более чем эпизодом и вовсе не доказывал наличия у султана агрессивных планов в отношении Руси: главным было стремление обеспечить стратегически важный контакт со среднеазиатскими союзниками в войне с Сефевидским Ираном⁶⁸. Намечавшийся на 1588 г. новый поход на Астрахань по многим причинам так и не состоялся, и в дальнейшем османы полностью отказались от каких-либо планов в отношении Астрахани⁶⁹. На характере русско-османских отношений астраханские события практически не отразились.

Таким образом, торговля Османского государства с Россией в XVI в. была достаточно интенсивной. Судя по всему, первенство здесь принадлежало русским купцам, которые начали ездить в Турцию еще в XV в., а османские купцы вплотную занялись торговлей с Московским государством несколько позже. Купцы из Турции, среди других иноземных гостей, регулярно бывали в Москве и других русских городах. Закупавшиеся ими товары, в первую очередь меха, составляли значительную часть внешнеторгового баланса Русского государства. Это сказывалось и на характере русско-турецких политических отношений, которые, вопреки долгое время господствовавшему в отечественной историографии мнению, вплоть до конца XVII в. оставались в целом мирными. Как давно отмечено, в это время не враждебность, а торговля и обычная дипломатия отличали отношения России и Турции⁷⁰.

Примечания

1. ФЕХНЕР М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М. 1956, с. 66—71, 76—77, 85—86; СЫРОЕЧКОВСКИЙ В.Е. Гости-сурожане. М.—Л. 1935, с. 53—55.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 89, кн. 2, л. 139—139об., 498.
3. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVIe siècle. — Cahiers du monde russe et soviétique (CMRS). 1970, vol. XI, № 3, p. 368.
4. Подробный разбор маршрутов с картами см.: СЫРОЕЧКОВСКИЙ В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. — Известия Академии наук, отделение общественных наук. 1932, № 3, с. 209—232; ФЕХНЕР М.В. Ук. соч., с. 10—17; BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Op. cit., p. 371—377.
5. Ibid., p. 376; BERINDEI M. Le rôle des fourrures dans les relations commerciales entre la Russie et l'Empire Ottoman avant la conquête de la Sibérie. In: Passé turco-tatar, présent soviétique. P. 1986, p. 92, 96—97.
6. В давней работе Р. Фишера приведен материал о русско-турецкой торговле мехами не ранее XVII века. См.: FISHER R.H. The Russian Fur Trade. 1550—1700. Berkeley-Los Angeles. 1943, p. 134—140. Помимо процитированной книги Фехнер, к настоящему времени за рубежом опубликован ряд работ по данной теме на основе вновь обнаруженных материалов османских архивов XVI века.
7. BERINDEI M. Contribution à l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites. La route moldavo-polonaise. 1453—1700. — CMRS. 1971, vol. XII, № 4, p. 394—397.
8. Ibid., p. 397—399.
9. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Op. cit., p. 377—388.
10. BERINDEI M. Le rôle des fourrures dans les relations commerciales..., p. 89—98.
11. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Op. cit., p. 364—365.

12. ФЕХНЕР М.В. Ук. соч., с. 53.
13. Там же, с. 58—61; BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Op. cit., p. 368—370. Соболей редко продавали «одиночками» или парами — считалось, что «сорока» — связки из 40 шкурок — как раз хватало на боярскую шубу.
14. BERINDEI M. Contribution à l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites, p. 400, 407; EJUSD. Le rôle des fourrures dans les relations commerciales..., p. 95—96.
15. Ibid., p. 90; MARTIN J. Treasure of the Land of Darkness. The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia. Cambridge. 1986, p. 140—145; ФЕХНЕР М.В. Ук. соч., с. 60.
16. MARTIN J. Op. cit., p. 103, 109; СЫРОЕЧКОВСКИЙ В.Е. Гости-сурожане, с. 64—65.
17. MARTIN J. Op. cit., p. 166.
18. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Op. cit., p. 365—366, 385—386.
19. ДУНАЕВ Б.И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Приложение. Документы Архива МИД в Москве, с. 84.
20. ФЕХНЕР М.В. Ук. соч., с. 48—49.
21. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Op. cit., p. 380.
22. Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т. 41. СПб. 1884, с. 162—163, 224—225.
23. Там же, с. 231—236, 242—249, 264—265, 280—282, 289—290.
24. Там же, с. 162—163, 235—236, 244—249, 281—282, 408—411.
25. INALCIK H. Bursa and the Commerce of the Levant. In: INALCIK H. The Ottoman Empire: Conquest, Organisation and Economy. L. 1978, p. 140. См. также: ГАСПАТЯН М.А., ОРЕШКОВА С.Ф., ПЕТРОСЯН Ю.А. Очерки истории Турции. М. 1983, с. 54—55.
26. СИРИО, т. 41, с. 269.
27. Там же, с. 248, 296, 299.
28. Там же, с. 268—269.
29. СИРИО. Т. 95. СПб. 1895, с. 92—99, 125, 237, 336—337.
30. Там же, с. 619—630, 674—706.
31. ДУНАЕВ Б.И. Ук. соч., приложение, с. 33, 40.
32. Там же, с. 38, 83, 85, 91; РГАДА, ф. 89, кн. 1, л. 341об., 367об.; кн. 2, л. 235об., 487 и др.
33. Там же, кн. 3, л. 325.
34. ДУНАЕВ Б.И. Ук. соч., приложение, с. 49.
35. Там же, с. 60, 65. О Траханиотах см.: ЗИМИН А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988, с. 273—275; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI вв. Л. 1989, ч. 2, с. 435—439.
36. СИРИО, т. 95, с. 96.
37. ДУНАЕВ Б.И. Ук. соч., приложение, с. 72—73, 88—89. В литературе высказывалась точка зрения конспирологического характера о том, что грек Искендер пытался спровоцировать войну между Россией и Турцией с целью освобождения Греции от османской власти. Она обычно увязывается с другим предположением — о том, что и в России, и в Турции действовало нечто вроде «греческой партии», выражавшей интересы поработенных турками греков. К этой «партии» сторонники указанной точки зрения причисляли, в частности, Ю.Д. Траханиота, Максима Грека в Москве, а также Искендера в Стамбуле и др. ДУНАЕВ Б.И. Ук. соч., с. 16—17, 20—21, 26—30. Оценку такой версии см.: КАЗАКОВА Н.А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. В кн.: Византийский временник. Т. 28. М. 1968, с. 109—111.
38. ДУНАЕВ Б.И. Ук. соч., приложение, с. 89. Челеби — не имя, а почетное звание, дававшееся в Турции грамотному, образованному человеку.
39. Там же, приложение, с. 84—86.
40. Там же, с. 91—92.
41. РГАДА, ф. 89, кн. 1, л. 341—362, 365—385, 392—395об.
42. Там же, кн. 1, л. 386—391об., 400об.—402об., 406об.—409.
43. Там же, кн. 1, л. 410об.—413.
44. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Op. cit., p. 370, 381—383.
45. Путешествия русских послов XVI—XVII веков. Статейные списки. СПб. 2008, с. 72—73, 86, 94.

46. РГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 195об.
47. Там же, кн. 2, л. 137—206, 227об.—230об., 485—489об.
48. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. *Op. cit.*, p. 385.
49. РГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 233—238об., 241—249об.
50. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. *Op. cit.*, p. 364, 387; РГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 500—512; кн. 3, л. 153. Время отъезда неизвестно ввиду утраты «турецких» посольских книг за конец 1594—1613 год.
51. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. *Op. cit.*, p. 388.
52. РГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 211; ФЕХНЕР М.В. *Ук. соч.*, с. 12.
53. РГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 233—240об.
54. Там же, л. 241.
55. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. *Op. cit.*, p. 364, 387. В официальных русских материалах — текстах султанских посланий, переводы которых включены в посольские книги, описания приемов османских послов и купцов в Москве и др. — чаще всего названы только лица, стоявшие во главе прибывшей миссии. Редкое исключение — под 1589 г. упомянут, кроме Махмуда, также Халиль, но третий купец Мехмед, известный нам по тексту султанского послания из османского архивного хранилища, в посольской книге не значится.
56. Чауш — должность чиновника, чаще всего судебного, при султанском дворе.
57. РГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 468об.—487об., 489об.—498.
58. Там же, кн. 3, л. 152—153, 185е—185з, 248об., 282об., 373.
59. BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. *Op. cit.*, p. 388—389.
60. ФЕХНЕР М.В. *Ук. соч.*, с. 6—7, 48—49.
61. РГАДА, ф. 52, кн. 2, л. 147об.
62. СИРИО, т. 95, с. 95.
63. РГАДА, ф. 89, кн. 1, л. 386. Возможно, принадлежал кому-то из потомков Василия (?) Копыла Спячего, который в 1515 г., вместе с послом в Турцию В.А. Коробовым отправился на Афон «с милостыней» православным монастырям и вернулся в Москву в 1518 г., сопровождая Максима Грека. СИРИО, т. 95, с. 106, 128, 370, 438, 441, 474, 495.
64. РГАДА, ф. 89, кн. 1, л. 400об., 407, кн. 2, л. 137. Имя хозяина-англичанина, предположительно, Раф Джонсон; Ильинский крестец — перекресток ул. Ильинки на месте современной Биржевой площади.
65. РГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 244. Возможно, Семён Романов сын Олферьев, не раз упоминавшийся в то время в разрядных книгах. См. напр.: Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. III. М. 1984, ч. II, с. 161, 167, 171; Варварский крестец — перекресток ул. Варварки в районе современного Рыбного переулка.
66. РГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 500. На дворе князя Ивана Юрьевича Токмакова; Никольский крестец — перекресток Никольской ул. у Никольского греческого монастыря; кн. 2, л. 474об.
67. Там же, кн. 3, л. 263. Иваном Белобородом в России называли купца из Антверпена Яна ван де Валле — одного из самых предприимчивых голландцев, ведших дела в России. У него был двор не только в Архангельске, но и в Москве. ВЕЛУБЕНКАМП Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550—1785. М. 2006, с. 56. Иван Белобород также не раз упоминается в статейном списке посольства Ф.А. Писемского в Англию в 1582—1583 гг. (Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 101—103, 143—144).
68. BENNIGSEN A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 (d'après les Registres des "Affaires importantes" des Archives ottomanes). CMRS, 1967, vol. VIII, № 3, p. 427—446; BENNIGSEN A., LEMERCIER-QUELQUEJAY CH. Le Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire ottoman et l'Asie Centrale en 1552—1556. — Turcica. Revue d'études turques. P.-Strasbourg. 1976, t. 8, № 2, p. 203—236.
69. CARRERE D'ENCAUSSE H. Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan. CMRS, 1970, vol. XI, № 3, p. 412—416; BENNIGSEN A., BERINDEI M. Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587—1588). — Harvard Ukrainian Studies, vol. 3—4 (1979—1980), pt. 1, p. 71—91.
70. FISHER A.W. Muscovite-Ottoman Relations in the 16th and 17th centuries. In: *Humaniora Islamica*. Vol. I. P. 1973, p. 210.

Второй Эриванский поход российских войск 1808 г.

Э. Гараев

Аннотация. Из-за поражения русских войск под командованием П.Д. Цицианова в июле-сентябре 1804 г. военные действия в направлении Эриванского ханства на некоторое время утихли. Но назначенный летом 1806 г. новый главнокомандующий — граф Гудович — вновь возобновил военные действия в направлении Эривани. Работа посвящена второму Эриванскому походу русских войск в сентябре-декабре 1808 года. Подробно описаны своевременная серьезная подготовка ириванцев под руководством Гусейнкули хана и его брата Гасан хана, укрепление Эриванской крепости, провал всех попыток графа Гудовича взять крепость. Таким образом, несмотря на все старания опытного главнокомандующего, похолодание, истощение продовольственных запасов и сильное сопротивление эриванцев и в этот раз стали причиной отступления русских войск.

Ключевые слова: Россия, Эриванское ханство, Гусейнкули хан, граф И.В. Гудович, Гасан хан, наступление, сопротивление.

Abstract. The hostilities in the direction of Irevan Khanate ceased for some time due to the defeat of Russian troops under the command of P.D. Tsitsianov in July-September 1804. But, assigned in summer 1806 the new commander-in-chief — Count Gudovich — again resumed hostilities in the direction of Erivan. The article is devoted precisely to the second Erivan campaign of Russian troops in September-December 1808. The article describes in detail Erivanians timely and serious drill under the leadership of Erivan governor Huseynkuly Khan and his brother Hasan Khan, fortify both military and food supplies of Erivan Fortress, the failure count Gudovich's all attempts encirclement of the Fortress. Thus, despite all the efforts of an experienced commander-in-chief count Gudovich, fall of temperature, exhaustion of food stocks and strong resistance of Erivanians and at this time became the source of retreat of Russian troops.

Key words: Russia, Erivan khanate, Huseynkuly Khan, count Gudovich, Hasan Khan, attack, resist.

Первый Эриванский поход (июнь-сентябрь 1804 г.) по решению российского командования был приостановлен. 2 июня 1806 г. главнокомандующим рус-

---

Гараев Эльчин Теймур оглы — доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана. E-mail: elchin_garayev@mail.ru.

Garayev Elchin Teymur oglu — doctor of philosophy on history, leading researcher of the Institute of History named by A.A. Bakikhanov of National Academy of Sciences. Azerbaijan. E-mail: elchin_garayev@mail.ru.

скими войсками, расположенными на Кавказе, был назначен генерал-фельдмаршал граф И.В. Гудович, который очень скоро возобновил военные действия на этом направлении. Для того, чтобы весной предпринять поход на Эриванское ханство, в течение зимы 1808 г. российское командование разрабатывало план военных действий, но по непонятным причинам этот поход не состоялся.

В начале сентября 1808 г. русские войска, двигаясь к границе Эривани, раскинули лагерь в районе Памбака и Шурагель, где граф Гудович сосредоточил значительные военные силы и 25 сентября двинулся к Эриванской крепости с 6-тысячным войском и 12-ю пушками¹. Из другого источника известно, что в составе русских войск было 240 военных офицеров и 7506 солдат².

Чувствуя, что русские войска в скором времени нападут на Эриванское ханство, Гусейнкули хан (1806—1827) принял меры предосторожности. В частности, начиная с реки Зангичай, углубил окопы вокруг крепости и увеличил состав гарнизона³. После приезда французских инженеров крепость была укреплена по европейским правилам. Граф Гудович писал: «Крепость Иреванская укреплена по всем европейским военным правилам, имея 2 стены и впереди их ров и гласис (небольшая насыпь. — Э.Г.). Во рву поставлены были пушки и действовали картечью, чего прежде никогда иреванцы не делали, также были фугасы и бомбы с подведенными штапенами...»⁴. В укреплении крепости участвовал также беглый русский подполковник Кочнев⁵.

Эриванская власть заботилась и о безопасности имущества крепости. Большая и наиболее ценная его часть была отправлена в город Хой, а оставшаяся сохранена в Эривани⁶.

Когда Гусейнкули хан узнал о том, русские войска раскинули лагерь в Памбаке, он решил проследить за их перемещением. По его указанию, 600 человек из кавалерийских эскадронов в Абаранской степи и 15 человек в Судакендском селе следили за движением войск. Гусейнкули хан посылал своих приближенных в села и деревни для сбора людей, чтобы пополнить свои вооруженные силы. Каждый местный житель, умеющий держать в руках оружие, призывался в армию. В результате проведенных мероприятий в кавалерийских эскадронах числилось уже 6 тыс. человек. Хан решил пригласить в армию и курдов, занимающихся скотоводством. Однако их глава, хотя вначале и дал согласие Гусейнкули хану, впоследствии решил подождать, а потом занять сторону победителя⁷.

Кроме того, Фатали шах Гаджар часть своего войска расположил лагерем в селе Шорлу вблизи Эривани. Сын Фатали шаха Аббас Мирза с 4-тысячным войском прибыл из Хоя в Нахчыван. Гусейнкули хан сообщил о том, что русские войска сосредоточились в Памбаке. Эта новость сильно взволновала местных жителей. Испуганные эриванцы, оставив свои деревни и села, спрятались в крепости, а некоторые ушли в горы или к реке Араз⁸.

Чтобы отвлечь внимание шахской армии от Эривани, русское командование подготовило план похода на Нахчыван. План должен был выполнить генерал П.Ф. Небольсин, находившийся на берегу реки Тертер. В его подчинении насчитывалось 78 военных офицеров и 3062 солдата. К ним присоединились также воины Шекинского правителя Джафаркули хана⁹.

26 сентября русские войска прибыли в опустошенную Абаранскую деревню. Эриванская дивизия численностью 500 чел. после сожжения нескольких деревень и сельскохозяйственных угодий, повернула назад. Узнав о приближении вражеских сил, Гусейнкули хан решил встретить их у границы Эривани. 29 сентября в Аштаракской деревне началась битва между эриванцами и русскими войсками. В этой битве Гусейнкули хан потерпел поражение и повернул назад. На следующий день русские войска двинулись на Эчмиадзин и без труда его захватили¹⁰.

Проиграв первую битву, Гусейнкули хан вернулся в Эриванскую крепость, где задержался недолго. До прихода русских войск он назначил своего брата Гасан хана комендантом крепости, оставив ему 2 тыс. чел. и один гарнизон шахских войск, а с остальным войском, перейдя реку Гарни, отправился в Вединское ущелье ¹¹.

После двухдневного отдыха в Эчмиадзине граф Гудович оставил там военных, артиллерийские части, телеги с продуктами, а также один гарнизон военных и направился к Эриванской крепости. 3 октября русские войска окружили крепость ¹².

Граф Гудович 4 октября написал письма коменданту крепости Гасан хану и жителям, призывая сдаться без боя, обещая в этом случае не трогать их и их имущество. Гудович писал: «Жители Иревани! Не берите пример с давней участи Иреванской крепостью, тогда ситуация была другой, сейчас совершенно другая. Тогда армией руководил не имеющий опыта в военных операциях молодой генерал П.Д. Цицанов. Я счастлив тем, что русскими войсками более 30 лет руковожу я и являюсь командиром непобедимых войск Великого императора. Раньше для победы Иревани было очень мало войск, а сейчас я имею так много войск, что не только могу уничтожить крепость, но и весь Иреван тоже» ¹³. 17 октября было отправлено еще одно письмо лично коменданту крепости Гасан хану. В нем также указывалось на безвыходное положение защитников крепости, на поражение Гусейнкули хана и на то, что на помощь им рассчитывать не приходится, поэтому крепость лучше сдать. В этом случае Гудович обещал обеспечить гарнизону крепости беспрепятственный уход и не трогать имущество жителей. В то же время он старался убедить Гасан хана в том, что эриванцы, которые убежали и скрылись в горах, якобы хотят перейти под юрисдикцию Российской империи. Далее он писал: «...вы, почтенный комендант, если пожелаете вместе с гарнизоном удалиться в Персию, то вам дана будет на сие полная свобода: буде-же захотите остаться, в таком случае я обещаю вам священным именем моего всеавгустейшего и великого Г.И., что я всеподданнейше испрошу вам Высочайше утверждение ханом Иреванским со всеми правами, преимуществами и почестью, сопряженными с сим достоинством, также вся Иреванская область будет отдана под ваше управление, кроме одной Иреванской крепости и города, ибо оные на вечная времена должны будут остаться под владением войск» ¹⁴.

В ответном письме Гудовичу Гасан хан написал: «Вы приказываете, что если я добровольно сдам Иреванскую крепость, то дадите мне Иреванское ханство. Если это правильное решение, и вы согласитесь служить Персидскому повелителю (Гаджар. — *Е.Г.*), то взамен получите Иреван, Табриз и много других ханств... Вы отмечаете, что не надо доводить до гибели людей. Причиной выше указанного будете вы... Затем пишете, чтобы весь иреванский народ и Гусейн ага с курдами пришли к вам, очень хорошо: тогда весь иреванский народ согласен покориться вам. Но для того, чтобы управлять народом, необходимо чтобы они чувствовали заботу и защиту со стороны правителей. Отмечае-те, что у вас много войск. Кто может управлять государством, должен иметь сильную и многочисленную армию. Отмечу, что многие государства имеют сильную армию» ¹⁵. В конце письма хан сообщил, что крепость имеет очень сильный гарнизон и трехгодичный запас продовольствия, и что они не собираются сдаваться.

Узнав о нежелании эриванцев сложить оружие, русское командование, чтобы занять стратегически важные точки вокруг крепости, разделило свои войска на несколько групп. По указанию Гудовича, один отряд расположился с северной стороны крепости. Отряд Боршовина, перейдя р. Занги, остановился в юго-западной части кургана Махтапа, а отряд майора Бухвостовина должен

был захватить Муханнатский курган, окруженный садами. Несмотря на сопротивление местных жителей, в полдень 9 октября указания Гудовича русскими войскам были выполнены. Начался обстрел крепости со всех стратегических высот ¹⁶.

Гусейнкули хан повернул назад, раскинув лагерь в крепости Малый Веди, расположенной в 30 верстах от Эривани, где в это же время находился и грузинский шахзаде Александр Мирза ¹⁷. Цель Гусейнкули хана заключалась в том, чтобы внезапно напасть на русские войска и заставить их отказаться от планов захвата крепости. Чтобы отвлечь внимание русских от крепости, он вместе со своим отрядом устраивал внезапные нападения на их войска, занимавшиеся поисками продовольственных припасов. Для прекращения подобных вылазок граф Гудович решил предпринять решительные меры. По его указанию, отряды под руководством подполковника Подлуцкого были посланы для разгрома армии Гусейнкули хана. К ним примкнула группа, составленная из азербайджанцев Газаха, Шамшаддила и Памбака под руководством генерал-майора князя Орбелянина.

Рано утром 16 октября русские войска внезапно напали на группу войск Гусейнкули хана, расположившихся на берегу р. Гарни вместе с войсками царевича Александра и персидскими войсками в количестве 2 тыс. чел. с конницей. Гусейнкули хан успел отойти к южной части р. Араз. В послании графу Гудовичу подполковник Подлуцкий сообщал, что в этом сражении весь лагерь хана, его коня и 50 тяжело нагруженных вьючных мулов русские войска забрали себе. В этой битве 30 чел. из войска Гусейнкули хана погибли, а 5 близких к нему людей были взяты в плен ¹⁸. Но, по сведениям графа Гудовича, «в этой битве погибло очень много людей из войск Гусейнкули хана, а 60 вьючных мул и 600 драгоценных товаров русские забрали себе» ¹⁹.

Узнав о поражении Гусейнкули хана, на помощь эриванцам Фатали шах послал 5 тыс. чел. под руководством Фараджулла хана. Для русских войск настали трудные дни. Граф Гудович послал на помощь группе Подлуцкого генерал-майора Портнягина с дополнительным войском, которому и было поручено руководство общими военными силами. Однако Гусейнкули хан уходил от открытого боя. Не встретив сопротивления, генерал-майор Портнягин перешел на левый берег р. Араз и раскинул лагерь в селе Шадлы ²⁰.

Генерал-майор Портнягин получил сведения о том, что под руководством генерал-майора Небольсина русские войска начали атаку на Нахчыванское ханство. 1 ноября с помощью сына Нахчыванского повелителя русские войска без боя захватили Нахчыван ²¹. Таким образом, первая часть плана графа Гудовича была выполнена.

Эриванская крепость все еще находилась в окружении русских войск и подвергалась сильным пушечным обстрелам. В результате стенам крепости был нанесен немалый ущерб, а в крепости начался пожар. Однако эриванцы не думали сдаваться. Тогда русское командование решило перекрыть воду, которая поступала в крепость из источника. Эту хитрость русских жители крепости предвидели заранее, поэтому, несмотря на потери, под пушечными ударами ночью смогли взять воду из р. Зангичая ²².

Видя упорство эриванцев, граф Гудович продолжил переговоры с комендантом крепости. В своем письме граф вновь требовал, чтобы они сдали крепость ²³. Но и эта попытка никаких результатов не дала.

Как и во время первого похода, встретив сильное сопротивление и, страдая от нехватки продовольствия, русское командование пыталось привлечь местных жителей на свою сторону. 8 и 10 октября в письмах оно сообщало, что в скором времени русская армия захватит Эриванскую крепость и предлагало жителям Веди вместе со своим имуществом и скотом вернуться назад и жить

под юрисдикцией Русского государства. Спеша обеспечить русские войска продовольствием, Гудович требовал предоставить ему 500 голов мелко рогатого и 100 крупно рогатого скота²⁴. Но вединцы на его письма не ответили.

Тогда Гудович начал вести переговоры с руководителями курдов Гусейн беком и Абдуллой беком, предлагая им перейти под подданство России. Но и эта попытка не увенчалась успехом²⁵.

Тем временем положение жителей крепости с каждым днем ухудшалось. Чтобы выволить Эриванскую крепость из трудного положения, шахское правительство послало французского агента Лежара к графу Гудовичу, однако русское командование отвергло предложение шахского правительства. Миссия французского агента не имела успеха²⁶.

Положение русских войск, окруживших Иреванскую крепость, было плачевным. Холодный климат, заканчивающиеся продовольственные запасы и сопротивление эриванцев вынудили графа Гудовича провести еще одну масштабную атаку на крепость. Она была запланирована на утро 17 ноября. Главное командование разбило войска на 5 групп. 4 группы с разных направлений должны были внезапно напасть на крепость, а Гудович с 5-й группой ждать. На эту атаку были брошены 4645 русских воинов²⁷. Однако начав наступление, русские войска встретили сильный пулеметный огонь эриванцев и вынуждены были отойти назад. Не помогли и заготовленные лестницы для проникновения в крепость.

Граф Гудович вынужден был остановить бой. Русская армия потеряла в бою 17 офицеров и 269 солдат. 64 офицера и 829 солдат были ранены²⁸. По словам П. Буткова, «во время этой военной операции русские войска потеряли 1000 человек»²⁹.

30 ноября русские войска, отказавшись от захвата крепости, повернули назад. Граф Гудович дал распоряжение генерал-майору Небольсину ехать из Нахчывана в Гянджу. 1 декабря русская армия покинула Нахчыван³⁰.

Таким образом, во втором эриванском походе эриванцы под руководством Гусейнкули хана и его брата Гасан хана смогли отстоять Эриванское ханство.

Примечания

1. ПОТТО В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 3. СПб. 1886, с. 412.
2. ДУБРОВИН Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб. 1888, с. 20.
3. Рапорт генерала Розена графу Гудовичу, от 4-го декабря 1806 года, № 1381. АКАК, т. III, д. 424, с. 232; Присоединение восточной Армении к России. Сб. документов. Т. 1 (1801—813). Ереван. 1972, с. 456.
4. Всеподданнейшее донесение гр. Гудовича от 11 декабря 1808 года, № 13. АКАК, т. III, д. 467, с. 254.
5. Присоединение восточной Армении к России....., с. 463.
6. Там же, с. 462—463.
7. Там же, с. 453—454.
8. Там же.
9. Письмо гр. Гудовича коменданту Эриванской крепости Хасан хану, от 17-го октября 1808 года, № 458. АКАК, т. III, д. 447, с. 240.
10. Всеподданнейшее донесение гр. Гудовича, от 29-го октября 1808 года, № 12. Там же, д. 453, с. 243.
11. Там же, с. 244.
12. Предложение гр. Гудовича ген. м. Ахвердову, от 25-го октября 1808 года, № 464. АКАК, т. III, д. 450, с. 241.

13. Прокламация гр. Гудовича начальнику Эриванского гарнизона, старшинам, духовенству и всему народу от 4-го октября 1808 года, № 147. Там же, д. 443, с. 237—238.
14. Письмо гр. Гудовича коменданту Эриванской крепости Хасан хану, от 17-го октября 1808 года, № 458. Там же, д. 447, с. 240.
15. Присоединение восточной Армении к России..., с. 473
16. Всеподданнейшее донесение гр. Гудовича, от 29-го октября 1808 года, № 12. АКАК, т. III, д. 453, с. 244—245; ПОТТО В. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис. 1901, с. 296—297.
17. Присоединение восточной Армении..., с. 463.
18. Рапорт подполковника Подлуцкого гр. Гудовичу, от 17-го октября 1808 года. АКАК, т. III, д. 874, с. 494.
19. Письмо гр. Гудовича коменданту Эриванской крепости Хасан хану, от 17-го октября 1808 года, № 458. Там же, д. 447, с. 239.
20. Всеподданнейшее донесение гр. Гудовича, от 29-го октября 1808 года, № 12. Там же, д. 453, с. 245.
21. Всеподданнейшее донесение гр. Гудовича, от 11 декабря 1808 года, № 13. Там же, д. 467, с. 253; ЗУБОВ П. Подвиг русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 2. СПб. 1836, ч. 3, с. 216; ПОТТО В. Ук. соч., с. 299—300.
22. Всеподданнейшее донесение гр. Гудовича, от 29-го октября 1808 года, № 12. АКАК, т. III, д. 453, с. 246; ПОТТО В. Ук. соч., с. 300
23. Письмо гр. Гудовича к коменданту Эриванской крепости Хасан хану, от 14 ноября 1808 года, № 164. АКАК, т. III, д. 459, с. 249.
24. Прокламация гр. Гудовича Аслан султану, от 8-го октября 1808 года, № 448. Там же, д. 444, с. 238; Письмо гр. Гудовича Аслан султану, от 10-го октября 1808 года, № 455. Там же, д. 446, с. 239.
25. Письмо гр. Гудовича начальникам куртинского народа, Хусейн аге и Абдулла аге, от 7-го ноября 1808 года, № 486. Там же, д. 456, с. 247—248; Письмо гр. Гудовича Хусейн аге Куртинскому, от 8 ноября 1808 года, № 487. Там же, д. 457, с. 248; Письмо гр. Гудовича к Джафар аге, от 28 ноября 1808 года, № 505. Там же, д. 466, с. 252.
26. Всеподданнейшее донесение гр. Гудовича, от 11 декабря 1808 года, № 13. Там же, д. 467, с. 253.
27. Там же, с. 253—256.
28. Там же, с. 256.
29. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб. 1869, с. 390.
30. ПОТТО В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 3. СПб. 1886, с. 304—305.

Становление сербской научной интеллигенции во второй половине XIX в.: просопографический аспект

Л.К. Новосельцева

Аннотация. Просопография открыла новые перспективы в исследованиях национальной элиты Сербии второй половины XIX века. Также благодаря этому методу удалось воссоздать процесс складывания интеллектуального сообщества и становления высшего образования и науки в стране, едва вступившей на тропу модернизации. Кроме того, нельзя не обратить внимания на тот факт, что особую роль в формировании национального научно-образовательного пространства сыграло государство, которому удалось консолидировать разрозненные примитивные организации в профессиональную структуру.

Ключевые слова: просопография, национальная элита, научная интеллигенция.

Abstract. Prosopography has provided new opportunities in studies of national elite in Serbia in the second half of the nineteenth century. Also owing to this method we managed to reconstruct the process of formation of the intellectual community and the development of higher education and science in the country, which has barely embarked on the path of modernization. Furthermore we cannot ignore the special role of the state, which has consolidated the primitive scientific community in a unified professional structure.

Key words: prosopography, national elite, scientific community.

Возникающий в науке, а вслед затем и в обществе интерес к личности определяет особое внимание ученых к жизнеописаниям деятелей прошлого и настоящего. Изучение индивидуальных биографий, или персонография, является привычным методом для историка, в то время как просопография впервые нашла свое применение только в 1970-е гг. в работах по античности¹. Согласно основоположнику жанра, британскому историку и социологу Л. Стоуну (1919—1999), это «коллективная биография группы, обладающей определенным числом общих черт, — биография, составляемая путем сбора и анализа данных по всем членам группы»². В итоге, метод дает возможность воссоздать помимо коллективного портрета на базе индивидуальных биографий, также и исторический контекст эпохи. Сегодня просопография успешно применяется в исследованиях, основывающихся на изучении групп лиц³, обладающих определенным набором характеристик, таких как «социальное происхождение, принад-

---

Новосельцева Людмила Константиновна — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: surfacing91@mail.ru.

Novoseltseva Liudmila K. — junior researcher at the Institute for Slavic Studies RAS. E-mail: surfacing91@mail.ru.

лежность к общественному движению, тем или иным политическим кругам, участие в различных научных организациях»⁴.

Благодаря просопографии получили новый импульс исследования национальных элит, поскольку именно высшие слои общества оставили после себя материалы, которые в той или иной мере можно подвергнуть количественному анализу. При изучении одной из социальных страт методом просопографии встает вопрос о критериях, отличающих объект исследования от других. Правильный выбор такой группы позволяет проследить, что делает ее элитой, как она обозначает свое преимущество в обществе, каковы механизмы социальной мобильности и эволюции⁵.

Данная работа посвящена сербской научной интеллигенции — интеллектуальному сообществу в самом узком смысле этого понятия. Главной проблемой для исследователей остается определение рамок духовной элиты сербского народа. Долгое время сербская (югославская) наука пользовалась достижениями советской историографии в этой области: к интеллектуальной элите было принято относить лиц с высшим образованием. Но таким образом в ряды «аристократии ума» попадали люди, не производящие интеллектуального продукта, например, высшая бюрократия конца XIX века.

Дефиниция, выработанная в трудах западных философов, устанавливающая главными признаками интеллектуала «владение нематериальными благами и занятия наукой, искусством и метафизическими изысканиями»⁶, не вполне применима к сербским реалиям XIX века. В этой среде господствовала идея о том, что всякая умственная деятельность должна иметь практический результат. На данный момент сербские историки так и не пришли к конкретным выводам и не определили комбинацию черт, характерных для духовной элиты XIX в., оставив за исследователями право совершенствовать терминологию⁷. В данной работе автор придерживается мнения, что образовательные рамки в исследуемом обществе условны, и предлагает ориентироваться на следующее определение: научная интеллигенция — это группа, состоящая из лиц разного социального происхождения, профессионально занимающихся умственным трудом и преподавательской деятельностью.

В рамках данного исследования была составлена база данных, содержащая в формализованном виде информацию о сербах-ученых второй половины XIX в. (до начала первой мировой войны). Основным источником послужило издание «Материалы биографического словаря Общества сербской словесности, Сербского ученого общества и Сербской королевской академии (1841—1947)»⁸, которое является результатом многолетней работы Библиографического отделения Сербской академии наук и искусств (САНУ) по сбору данных о жизни и деятельности членов академии. В базу были занесены данные 280 человек: многие из них являлись не только учеными, но и видными государственными деятелями, которые своим трудом обозначили направление, в котором развивалась научная, культурная и общественная жизнь Сербии во второй половине XIX — начале XX века.

Остановимся подробнее на критериях отбора. Первый из них, помимо наличия ученой степени, — временной промежуток жизни и творческой активности ученых, непосредственно связанный с хронологическими рамками нашего исследования. В базу были внесены данные интеллектуалов, деятельность которых приходилась на период с 1841 г., когда была образована первая сербская научно-образовательная организация — Общество сербской словесности, по начало первой мировой войны. Соответственно, это сведения об ученых, рожденных в период с 1790-х по 1880-е гг., которые составили три поколения сербской интеллектуальной элиты во второй половине XIX века.

Ключевым моментом исследования стало применение критерия, который условно можно назвать «наличие сербского самосознания», прежде всего пото-

му, что необходимо было разработать алгоритм выявления этнической самоидентификации ученых. Эта задача решалась автором в два этапа. На первой стадии были исследованы имеющиеся автобиографические материалы, написанные самими интеллектуалами, например, министром просвещения, юристом и философом Димитрием Матичем⁹ или дипломатом и председателем Сербской королевской академии наук историком Стояном Новаковичем¹⁰, а также биографические справки, составленные позднее. Искомой в этом случае была информация о национально-религиозном самосознании деятелей науки. В отсутствие прямых указаний на принадлежность того или иного интеллектуала к сербскому народу определить его идентичность позволял тот принцип, что только православный серб считался сербом. При всей дискусионности этого допущения, именно исповедание православия оказывалось одним из главных консолидирующих признаков сербской нации во второй половине XIX века¹¹.

На втором этапе решения поставленной задачи, при отсутствии информации о принадлежности интеллектуалов к сербскому народу, автором был применен механизм национальной идентификации деятелей науки по месту их рождения и смерти. Установление таким методом сербского самосознания ученых, рожденных и умерших на территории княжества Сербия, Старой Сербии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, не вызвало затруднений. Сложности возникли с определением идентичности интеллектуалов, родившихся в областях проживания сербов в Королевстве Далмации, Хорватии и Славонии и на территории Военной границы. Опираясь на демографическую карту их расселения во второй половине XIX в.¹², самосознание уроженца того или иного населенного пункта определялось в зависимости от преобладания сербов или хорватов в регионе.

Уже на этапе количественного анализа этих сведений стал очевиден тот факт, что сербская наука имеет глубокие национальные корни. Для быстрого развития страна нуждалась в профессиональных кадрах, ряды которых пополнялись подданными трех государств, где проживали сербы, — Княжества (Королевства) Сербия, Австрийской империи (Австро-Венгрии) и Османской империи. Большинство (36,9% — 103 чел.) ученых происходили из Воеводины, региона Венгрии, населенного сербами. Они получали базовое образование в церковно-приходских школах на сербском языке, но могли продолжить обучение в немецких и венгерских гимназиях¹³, а затем поступить в высшие учебные заведения монархии Габсбургов или за границей. Движимые идеей о национальном объединении, предприимчивые воеводинцы отправлялись в Белград, где могли не только применить свои знания, но и изменить социальное положение. В сущности, они выполняли культурно-просветительскую миссию, которую поставили перед ними власти молодого автономного сербского государства (с 1830 г.), нанимая «австрийских» единоплеменников на службу. Такая практика просуществовала до конца 50-х гг. XIX века.

По численности от воеводинцев не отставали уроженцы Княжества (Королевства), сербциянцы (шумадийцы¹⁴) — 33,9%, (94 чел.), которые стали локомотивом отечественной науки и культуры, переняв инициативу у пречанцев¹⁵. В меньшем процентном соотношении представлены подданные Османской империи, из области Старая Сербия (8,3% — 23 чел.), Боснии и Герцеговины (5% — 14 чел.), граничары (7,5% — 21 чел.), уроженцы других регионов монархии Габсбургов (7,9% — 22 чел.) и Черногории (0,8% — 2 человека). Сложившаяся картина дает представление о том, как происходило становление отечественной науки в Сербии.

Первые гимназии и полугимназии начали появляться после 1830 г., когда, согласно хатт-и-шерифу, сербы получили право открывать национальные школы. В 1838 г. был основан Лицей в Крагуевце — первое высшее учебное заведе-

ние в автономном Княжестве, который спустя три года переехал в столицу. Больше половины учеников (51%) были детьми горожан, в основном из Белграда, Крагуевца и Шабаца, но 12% из них прибыло из населенных сербами окраин Австрийской монархии. Первыми профессорами Лицея (12 чел.) были сербы из Венгрии и других регионов монархии Габсбургов, которые сами получили образование в венгерских и немецких школах. Приглашенные правительством молодого сербского государства австрийские сербы стали первым поколением научной интеллигенции. Их главной заслугой является организация системы образования и науки в Сербии, а также модернизация общественной и культурной жизни страны. Естественно, что они использовали известные им образцы: юридическое отделение Лицея работало по той же программе, что и «Текелианум»¹⁶, первая газета «Новине србске» выпускалась по образцу одноименного издания, выходившего в Вене в 1813—1819 гг., и содержала в основном переводные статьи из австрийской прессы.

Наиболее известные представители этого поколения научной интеллигенции Йован Стерия Попович¹⁷ и Атанасие Николич¹⁸ 28 сентября 1841 г. представили министру просвещения Сербского княжества проект устава и устройства Сербской академии наук. Данное предложение возникло в связи с трудностями в работе самих преподавателей, так как, например, не было утвержденного и принятого всеми сербами литературного языка. 10 октября данный план был поддержан Советом министров, который рекомендовал инициаторам назвать свой кружок Обществом сербской словесности. Князь Михаил Обренович одобрил правила работы и статут Общества, в котором четко определялись направления будущей деятельности, — «распространение науки на сербском языке, устройство и совершенствование языка»¹⁹. Тогда же личным распоряжением правителя был сформирован состав Общества. На первом официальном заседании были приняты алфавит из 35 букв, единая орфография, собраны материалы для грамматики словаря сербского языка, а также установлены нормы аттестации по данной дисциплине. Эти преобразования стали стандартами не только на территории Княжества, пользоваться новой азбукой стало все сербское общество, в том числе и жители Османской и Австрийской империй.

В связи со сменой династии и приходом к власти Александра Карагеоргиевича в 1842 г. деятельность Общества была приостановлена до 1844 года. Из-за конфликтов с местным населением, сербиянцами²⁰, не приспособившиеся к условиям жизни в еще ориентальном Белграде семеро деятелей науки и культуры были вынуждены вернуться на родину — в монархию Габсбургов. Активность второго поколения сербских ученых пришлась на 50—70-е гг. XIX века. Это представители немногочисленной (всего 350 чел.)²¹ группы сербов, окончивших школу в Княжестве, которая теперь опиралась на национальную традицию образования. Многие из них получили ученые степени в университетах Парижа и Вены, и потому на родине их называли «париэлия» (серб. «парижанин») и «бечлия» (серб. «венец»), что в какой-то мере отражает иронично-снисходительное отношение большинства сербов середины XIX в. к «заграничному» образу жизни и образованности²².

Однако сложно судить, как за годы учебы за границей менялась самоидентификация молодых интеллектуалов. В данном случае мы располагаем только мемуарами и автобиографиями ученых, в которых студенческие годы описаны как время выполнения государственной задачи. Д. Матич писал: «В детстве и юности мы учимся для того, чтобы быть полезными себе и другим, чтобы внести свой вклад в общее благо. Я еще учеником Лицея думал о том, как помочь нашему Княжеству...»²³ Автобиографии и воспоминания ученых показывают, что в западноевропейских странах молодые сербы жили обособленно, в основном контактируя с русскими эмигрантами, и потому не перенимали

культурные ценности Запада. Главной задачей этих людей было усвоить научные достижения и, не изменившись в духовном отношении, принести их в Сербию ²⁴.

Что касается специализации студентов за границей, то на примере этого поколения прослеживается следующая тенденция: они изучали те дисциплины, которые были необходимы сербскому обществу. В Гейдельберге и Берлине получали лучшее юридическое образование в Европе, в Париж ехали ради истории и философии, Вена славилась блестящими инженерами и архитекторами, Швейцария была европейской Меккой медицины, а Россия готовила выдающиеся военные кадры ²⁵. 22% сербских интеллектуалов изучали право, 20% — философию, историю, этнографию, 19% — естественнонаучные дисциплины, 17% — технические и прикладные науки (в первую очередь, горное дело) ²⁶. На примере второго поколения научной интеллигенции мы видим, что происходит своеобразное деление: социально-гуманитарные науки и литература становятся специализацией уроженцев Княжества Сербия и Герцеговины в составе Османской империи, математика и инженерное дело достаются подданным Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгерской монархии), а богословием занимаются черногорцы, большинство которых имеют духовный сан.

29 июля 1864 г. Общество сербской словесности приказом князя Михаила Обреновича (1823—1868) было преобразовано в Сербское ученое общество. Председателем стал Йован Гаврилович ²⁷, научная деятельность была распределена по четырем отделениям: языкознания и литературы, естественных наук и математики, истории и государственных наук, искусства.

В 50—70-е гг. XIX в. появились и первые научные достижения в Сербии, однако подлинные открытия происходили крайне редко. Нелестную оценку деятельности «Сербского ученого общества» дал русский историк-славист, этнограф и публицист П.А. Ровинский (1831—1916) в письме академику А.Н. Пыпину (1833—1904): «Для науки здесь приюта совершенно нет; из профессоров я знаю только одного, который занимается наукой, — это Панчич ²⁸ (натуралист из прека)... Есть еще один политико-эконом Миятович ²⁹, который из профессоров теперь сделан начальником отделения министерства финансов. Остальное — дилетантство» ³⁰.

Действительно, многие сербские ученые совмещали научную деятельность с государственными постами, и это имело решающее значение для развития страны во второй половине XIX века ³¹. Однако непонятно, что смущало Ровинского в этой ситуации, ведь его коллега, русский славист, А.Ф. Гильфердинг (1831—1872) служил в Министерстве иностранных дел Российской империи и был консулом в Боснии. Дипломатом был поэт и публицист, член-корреспондент Петербургской Академии наук Ф.И. Тютчев (1803—1873). В Австрийской монархии мы наблюдаем схожую картину — поэт и драматург, академик Австрийской академии наук Франц Грильпарцер (1791—1872) служил директором имперских архивов. «Отец чешской историографии» Франтишек Палацкий (1798—1876) совмещал руководство историческим отделом Национального музея в Праге и политическую активность. Приведенные примеры дают основание полагать, что сочетание научной деятельности и государственной службы в Сербии не было исключением с «отрицательным значением» среди стран Центральной и Восточной Европы XIX века.

Второе поколение творческой интеллигенции сыграло ключевую роль в национальном возрождении Сербии, в первую очередь, потому, что примирило патриархальный уклад с европейскими веяниями и познакомило страну с достижениями мировой науки и техники. Результаты деятельности интеллектуалов в 1850—1870-е гг. не были заметны на фоне общего прогресса, однако имели накопительный эффект.

С этим багажом стартовало третье поколение сербской научной интеллигенции. Оно было не только многочисленным, но и успешным. Поэтому период 1880—1900-х гг. можно назвать временем становления классической науки в Сербии. Всего 14% ученых этого поколения получили высшее образование за границей, в первую очередь, в Австро-Венгрии и Германии. Несколько расширилась география образовательных центров — «в погоне за знаниями» сербы добрались до Англии, Италии и Бельгии. Сербское правительство выдавало стипендии в основном студентам военных и медицинских учебных заведений, поэтому многие ученые оплатили свое образование в Европе самостоятельно.

Большинство представителей этого поколения научной интеллигенции составляли воспитанники Великой школы, основанной в 1863 году. Преподавание велось на трех факультетах: философском, техническом и юридическом. Программы отделений во многом перекликались, поэтому студенты получали в большей мере общее образование, чем специализированное.

Творческая интеллигенция второй половины XIX в. не была гомогенной структурой: образование, полученное в разных странах, определяло гамму иностранных влияний на отечественную науку. Однако третьему поколению сербских ученых удалось выработать метод критического осмысления и применения знаний, полученных за границей, на местной ниве. Наука перестала быть подражательной и добилась автономии в культурном и профессиональном смысле.

В 1884 г. министр просвещения С. Новакович определил новой целью Сербского ученого сообщества распространение науки и литературы в народной среде, для чего была проведена реформа среднего образования: появились гимназии с преобладанием общественного и естественнонаучного направлений подготовки. 1 ноября 1886 г. Скупщиной был принят закон о Сербской королевской академии, председателем которой стал ботаник Йосиф Панчич. В последующие полгода создавался административно-научный аппарат — библиотека, архив, бухгалтерия³². Однако объединение Академии наук и Сербского ученого общества произошло только в 1890 году.

Как и в предшествующий период, сербская наука конца XIX в. не была всеобъемлющей. С другой стороны, она перестала удовлетворять только государственные запросы. Например, изучение античного историко-культурного наследия в стране началось по личной инициативе первого сербского археолога Михаила Валтровича (1839—1915). Акция за сохранение Траянова моста и Траяновой таблицы (*Tabula Traiana*) вышла за пределы Сербии и приобрела международный статус, когда к проекту в 1888 г. присоединился австрийский этнограф Феликс Каниц (1829—1904).

Выдающиеся достижения сербов были по достоинству оценены мировым научным сообществом рубежа веков. Стоит упомянуть открытия географа и этнографа Йована Цвиича³³, исследования которого положили начало двум дисциплинам — карстоведению и балканистике. Никола Тесла (1856—1943), «человек, который придумал XX век», широко известен благодаря исследованиям переменного тока. Упрощая, можно сказать, что без его изобретений в доме современного человека из электрических приборов была бы только лампа накаливания.

Сербская интеллигенция прошла все стадии поступательного развития от элементарного образования во второй четверти XIX в. до вступления в качестве полноправного участника в мировое научное сообщество в начале XX века. Вместе с тем, произошла и следующая трансформация — сами ученые перестали воспринимать занятие наукой, как форму исполнения долга перед нацией и государством. С течением времени копилка достижений сербов все больше пополнялась оригинальными открытиями и исследованиями, инспирированными личными интересами ученых.

Однако нельзя не обратить внимания тот факт, что государство оставалось «интегрирующим фактором» — при поддержке властей разрозненные примитивные научные общества удалось консолидировать в профессиональную организацию. Кроме того, Белград проявлял заботу и по отношению к Матице сербской — старейшему научно-просветительскому центру, основанному в 1826 г. в Пеште (Будапеште), а с 1864 г. перенесенному в Нови Сад — «сербские Афины». Сотрудничество Матицы и Ученого общества (с 1890 г. Сербской королевской академии наук) привело к формированию единого национального научно-образовательного пространства, доступ к ресурсам которого мог получить любой серб вне зависимости от его подданства и социального положения. В этом и заключается особенность сербской интеллигенции в целом и научной в частности, отмеченная в историографии. Погруженность духовной элиты в массы, с одной стороны, рассматривалась серьезной угрозой для развития страны³⁴, но, с другой, способствовала достижениям, пусть незначительным, но самостоятельным и даже самобытным, в науке, образовании, искусстве, политике. Эти элементы были тесно связаны между собой людьми, которые в отсутствие в Сербии университетов, сами были первыми университетами.

Примечания

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-31-01003а1 «Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII—XX вв.»

1. Просопография Поздней Римской империи (Prosopography of the Later Roman Empire) — трехтомное издание, в котором содержится информация о лицах, живших или предположительно живших в Риме с 240 по 641 гг. н.э.
2. STONE L. Prosopography. — *Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. 1971, vol. 100, N 1, p. 46—71.
3. КАШИРИН В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М. 2014. Эта работа является примером использования просопографического метода в новейших исследованиях по истории стран Балканского полуострова.
4. ЛАЗАРЕВА А.В. Просопография как метод изучения массового сознания в исторических исследованиях. Опыт составления коллективной биографии немецких поэтов XVII в. — *Вестник литературного института им. А.М. Горького*. 2013, № 1, с. 120.
5. ДЮМА Ж. Об изучении элит в современной историографии. — *Французский ежегодник*. 2001. М. 2001, с. 135.
6. БЕНДА Ж. Предательство интеллектуалов. М. 2009, с. 110.
7. ТРГОВЧЕВИЋ Љ. Генерације интелектуалаца или генерације образованог грађанства у Србији 19 века. In: *Српске политичке генерације (1788—1918)*. Београд. 1998, с. 47—49.
8. Грађа за биографски речник чланова Друштва српске словесности, Српског ученог друштва и Краљевске академија наука (1841—1947). Београд. 2007.
9. Димитрие Матич (1821—1884) — сербский философ, историк права, в 1868—1872 гг. министр просвещения.
10. Стоян Новакович (1842—1915) — сербский политик, историк, филолог, в 1873—1875, 1880—1885 гг. министр просвещения Сербии, председатель Сербской королевской академии наук.
11. Подробнее см.: Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары. М. 2006.
12. КРЕСТИЋ В. Историја Срба у Хрватској и Славонији, 1848—1914. Београд. 1995. Нахзац.
13. KONSTANTINOVIĆ Z. Vom Werden einer Metropole. Anmerkungen zum Thema «Wien als Magnet». In: *Wien als Magnet? Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt*. Wien. 1996, S. 23—27.

14. От серб. Шумадия (Шумедија) — историческая область в центральной Сербии. В XIX в. составляла почти всю территорию государства.
15. Преко — серб. «через», «напротив», «за». Дало название живущим «за» Дунаем и Савой (на территории Австрийской монархии) — пречанцы.
16. «Текелијанум» — лицей-интернат для одаренной сербской молодежи в Пеште (Будапеште), основанный на пожертвования сербского торговца и мецената Савой Текелией в 1838 году.
17. Ёван Стерия Попович (1806—1856)— сербский драматург, преподаватель, попечитель народного образования в Княжестве Сербия (1842—1848).
18. Атанасие Николич (1803—1882) — сербский драматург, основатель первого в Белграде «Театра на джумруку», первый ректор Лицея.
19. Грађа за биографски речник чланова Друштва српске словесности, Српског ученог друштва и Краљевске академија наука (1841—1947). Београд. 2007, с. 5.
20. Сербь Княжества с пренебрежением относились к своим единоплеменникам, подданным монархии Габсбургов, и называли их «швабы» или «немачкари», то есть «немчура».
21. НЕМАЊИЋ · М. На трагу порекла српске интелигенције XIX века. Топографија и социографија. Београд. 2008, с. 61.
22. Подробнее см.: ШЕМЯКИН А.Л. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность. В кн.: Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.): Сб. статей. СПб. 2007, с. 90—102.
23. МАТИЋ · Д. Нешто из мог живота. In: Споменик САНУ. СХХII. Београд. 1981, с. 193.
24. ПЕРОВИЧ Л. Сербия в модернизационных процессах XIX—XX веков. В кн.: Человек на Балканах..., с. 24.
25. ТРГОВЧЕВИЋ Љ. Планирана елита. О студентима из Србије на европским универзитетима у XIX веку. Београд. 2003, с. 40—42.
26. НЕМАЊИЋ · М. Један век српске стваралачке интелигенције. 1820—1920. Београд. 2001, с. 93.
27. Ёван Гаврилович (1796—1877) — сербский историк, политик, третий регент сербского князя Милана Обреновича.
28. Ёсиф Панчич (1814—1888) — сербский врач, ботаник, с 1886 г. первый председатель Сербской королевской академии наук.
29. Чедомиль Миятович (1842—1932) — сербский экономист, в 1870-е гг. министр финансов, в 1888—1889 гг. председатель Сербской королевской академии наук.
30. РОВИНСКИЙ П.А. Письмо № 4. Белград. 24 мая 1869 г. В кн.: Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М. 2014, с. 59.
31. ПЕРОВИЧ Л. Ук. соч., с. 23.
32. Грађа за биографски речник чланова Друштва српске словесности, Српског ученог друштва и Краљевске академија наука (1841—1947). Београд. 2007, с. 20.
33. Ёван Цвиич (1865—1826) — сербский географ, геолог, этнограф, председатель Сербской королевской академии наук, ректор Белградского университета.
34. Подробнее см: ПЕРОВИЧ Л. Ук. соч., с. 16—40.

Система советской историографии: основные акторы и силы влияния

С.Б. Крих

Аннотация. В статье представлена схема взаимодействия главных действующих лиц и ведущих факторов в советской исторической науке. Автор провозглашает необходимость более конкретных терминов, чем «политическая власть» и «наука», предлагая использовать такие понятия, как «политические институты», «научные институты» и «научные школы/ученые». В работе рассмотрено влияние политических практик и «языка культуры», подчеркнута важность «низовой части» системы: метатеории, научных школ (ученых), «языка историографии».

Ключевые слова: советская историческая наука, схема советской историографии, власть и наука, язык историографии, проблемы методологии.

Abstract. The article represented a scheme of the main actors and basic factors in the Soviet historical science. Author gives some explanations to the scheme: firstly, he declared the need in more concrete terms, than “political power” and “science”, offering to use terms like a “political institutes”, “scientific institutes” and “scientific schools/scholars”. Secondly, discussed the influence of “political practices” and the “language of culture”. Thirdly, aithor emphasizes the importance of “low level” of the system: “metatheory”, “scientific schools/scholars”, “language of historiography”.

Key words: Soviet historical science, scheme of the Soviet historiography, political power and science, language of historiography, problems of methodology.

Изучение советской исторической науки в настоящее время является необходимой частью историографического процесса. Особенно примечательным является то, что актуальность темы за последние годы заметно возросла. Это произошло из-за целого ряда причин, среди которых хотелось бы выделить две, условно говоря, внешнюю и внутреннюю.

О внешней достаточно сказать в общих чертах: это проблема «единого учебника», то есть единой концепции российской истории, пока только для школьного преподавания. Однако нужно обладать склонностью к поверхностным обобщениям, чтобы на основании этого и подобных признаков заявлять, будто современное российское государство верной дорогой идет к советскому облику, или будто оно вовсе никуда от него не уходило. Возможно, есть какая-то сила, которая тянет наше общество на новый виток драматического цикла, но эту причину одним отвержением советского опыта не вскрыешь, а значит — его нужно изучать.

Внутренняя причина — развитие нашей науки за последние четверть века. Его никак нельзя назвать удовлетворительным, и это в условиях активной деятельности историков сразу не-

---

Крих Сергей Борисович — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: krikh@rambler.ru.

Krikh Sergey B. — PhD in History, associate professor of the Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky. E-mail: krikh@rambler.ru.

скольких поколений. Я не могу оперировать точными цифрами, но объем печатной продукции по историческим наукам вырос по сравнению с советским временем в несколько раз: тиражи уменьшились, а количество изданий и их разнообразие взлетели до небес, включая и стабильный рост переводной литературы. Но этот рост — опять же, по крайней мере пока — не означает расцвета науки, а скорее компенсирует общую травму отечественных историков от того, что он не наступил.

Дело не в малых тиражах — в эпоху цифровых носителей они если еще и препятствие, то уже не приговор, дело в потере исторической наукой влияния на общество и в утрате сообществом историков единого поля для общения между собой.

Девальвация влияния вовне выражается в том, что общество и историки обычно не понимают друг друга: у нас почти нет высококлассной популяризации (чужая не подходит иногда по качеству, иногда по культурным установкам), а то, что называется историческими передачами на телевидении, мягко говоря, не соответствует критериям современной науки, а иной раз — и обычной порядочности в изложении мыслей. В популяризации истории настолько широко разрослась привычка делать смелые обобщения на пустом месте, стремление поскорее представить зрителю (слушателю, читателю) выводы взамен знания, что, к сожалению, в эту неблагоприятную игру могут оказаться втянуты даже крупные ученые¹.

Утрату пространства для общения внутри лучше всего показывает то, что историки на самом деле почти не спорят друг с другом. Дискуссии в научном сообществе либо измельчали, либо прекратились. Достаточно посмотреть, как долго жила дискуссия вокруг концепции начала Великой Отечественной войны, выдвинутая В. Суворовым, несмотря на то, что научная ценность этой дискуссии была заметно ниже, чем общественно-политическая. Но дискуссии, разъединяя отдельных исследователей, — обычно есть свидетельство единства ученых вообще. Спорят несогласные в чем-то одном, несогласные ни в чем — уже не услышат друг друга.

Именно тут возникает другой искуc. Мы все знаем, что дискуссии советского времени изначально зиждились на сомнительном базисе марксистской схоластики, мы (надеюсь) помним и о том, что фактическое недопущение в круг исследования других теорий — путь к разочарованию в собственной. Но в советское время у исторического сообщества существовал единый язык, плохой ли, хороший ли, зато функционировавший. Мы могли надеяться, еще даже десять лет назад, что советский опыт нам не нужен, что переходное время, когда мы пользовались руинами советской исторической мысли, щедро забывая пустоты в них с помощью разнообразных новых идей из зарубежных традиций, скоро пройдет, а наша наука выйдет обновленной. Но переходное время не заканчивается. Мы находимся в безвременье постсоветскости². Так где мы ошиблись?

Вот поэтому опыт возведения и крушения колосса советской исторической науки становится для нас не просто обращением к недавнему прошлому. Его падение — послание нам, а будет оно предзнаменованием или предостережением, зависит от того, как скоро мы его сможем расшифровать.

Я не собираюсь делать никаких эффектных опровержений, меня скорее интересуют детальные уточнения. Да, действительно, отношения «власть-наука» являются центральными и определяющими для советской историографии. Но это положение верно лишь постольку, поскольку является слишком общим. Любая общая истина при ее непосредственном приложении к конкретным проблемам рождает набор более или менее тенденциозных искажений. Соответственно, она становится не столько инструментом для исследования, сколько основой мифологизирования. Оба слова — «власть» и «наука» — допускают такой степени разнообразное их использование, что приемлемы лишь как образы или некие предварительные условные обозначения, но не как термины научного исследования.

Возьмем, например, данное В. Молодяковым объяснение им же предложенного термина «историографическая ортодоксия»: «идеологически детерминированная система оценок и критериев оценки исторических событий, одобренная властью и навязываемая ей — когда жестко, когда мягко — в качестве обязательной для пропаганды, науки и образования»³. Для предва-

рительной обрисовки ситуации такой формулировки достаточно, но при обращении к конкретному материалу она должна подвинуть к воспроизведению такой схемы: марксистско-ленинская идеология предопределяла оценку тех или иных исторических событий, власть (то есть, кто-то — от Сталина до представителей парткома) эту оценку визировала, а потом проецировала (какими-то неоговоренными способами) на науку (видимо, на всех ученых) ⁴.

В принципе, по этой схеме не только можно написать научные труды, но они уже давно так и пишутся. Только ее однонаправленный характер и размытость базовых понятий отвлекают внимание исследователей от многих важных вопросов. Все ли оценки «власти» были одинаково ценны и обязательны к отражению в научных трудах? Так ли уж много «исторических событий» оценивала «власть»? Историку России силу давления сверху оценить несколько легче, но в случае с медиевистами, востоковедами, историками античного мира — можем ли мы говорить, что именно «власть» внедряла оценки, или же историки сами производили их, ориентируясь на то, чего бы власть (по их мнению) хотела?

Спора нет, советская историография — царство перевернутых зеркал. Но это значит, что нам нужно как раз учесть большее число факторов и подойти к ним более дифференцированно, а не стремиться к максимально простым объяснениям, лишь приправляя их по вкусу оговорками, чтобы придать ощущение объективности ⁵.

Именно поэтому в предлагаемой мною схеме говорится не о «власти», а о «политических институтах» (они могут быть представлены как организациями, так и индивидами — политическими деятелями), а в случае с наукой говорится о нескольких элементах: «научных институтах» (имеются в виду вообще организации, в том числе Академия Наук) и «научных школах/ученых» (сообщества или отдельные индивиды). Можно сказать, что «научные институты» — это некое пересечение «власти» и «науки», посредник, который олицетворяет власть перед учеными, а ученые — перед властью. Причем, этот посредник мог и вовсе не устраивать вышестоящую структуру: в конце 1920-х гг. в научные институты часто приходили те партийные деятели, которые не могли надеяться более на карьеру в «настоящей» политике: бывшие члены Бунда, бывшие меньшевики, троцкисты или те, кого подозревали в чем-то из перечисленного. Они больше боялись за жизнь, чем за идеи и потому были лояльны победившему Сталину, они старались проводить желания политиков в научной сфере (чтобы показать свою значимость и подчеркнуть преданность). Наконец, фактически они подтолкнули историков к выработке представления о единстве исторического процесса, выраженном в смене пяти общественно-экономических формаций.

При этом они же были репрессированы практически целиком в 1934—1938 гг., их имена и деятельность были преданы проклятию, хотя результаты этой деятельности были как раз по большей части сохранены. Из этого примера ясно, что, если мы будем равно называть Сталина и, скажем, А.Г. Пригожина «властью», то встанем перед противоречием: власть карает саму себя за то, что поступает правильно. Что важно, пострадал не только Пригожин и вместе с ним С.Н. Быковский, Ф.В. Кипарисов, М.М. Цвибак и прочие ⁶ — была расформирована целая структура ГАИМК. На деле же между этими людьми из «власти» и главным человеком во «власти» не было никаких обязательств: это Пригожин надеялся, что, если он хорошо сделает свою работу, то ему забудут членство в Бунде, но Сталин не заключал с ним никакой сделки, он лишь позволил ему до поры до времени работать на благо партии. Пригожин олицетворял власть перед учеными ГАИМК, но сам он властью не был, он был к тому времени всего лишь посредником.

Давно и не вполне заслуженно раскритикованный за свои представления о «феномене советской историографии» Ю.Н. Афанасьев придавал большую роль прямым директивам по истории со стороны партийного руководства, которые он считал постоянным фактором, действовавшим на протяжении всего существования советской науки ⁷. Тем не менее, в разряд директив им отнесены разнообразные документы, многие из которых представляли совершенно особые «жанры»: тот же теоретический раздел в «Кратком курсе истории ВКП (б)», конечно, имел огромное значение для становления советской исторической науки, но *директивой* он ни в

коем случае не был. Его можно назвать таковой лишь в переносном смысле, но тогда уместнее будет другая аналогия: «Краткий курс» был священным писанием сталинизма, а раздел об историческом и материалистическом диалектизме — его заповедями. Это не приказ сделать что-либо, это миф, задающий угол рассмотрения реальности. Чтобы этот миф перетолковать в конкретные выводы, нужны были посредники — научные структуры.

Тем самым, политические институты напрямую редко влияли на ученых: даже личные встречи между историками и «вождями» (например, Сталиным, Ждановым) были исключительными и проходили, судя по всему, реже, чем с деятелями культуры и искусства⁸. Если эти встречи случались, историки обычно представляли не себя лично, а какие-то институты — даже если речь идет о М.Н. Покровском. Реорганизовывались именно институты: Академия Наук («академическое дело»), ГАИМК и т.д. Обычно, если «власти» хотели инициировать какое-то действие, они «спускали директивы» (не всегда письменные) по цепочке от партийных чиновников до чиновников от науки (чаще всего тоже членов партии), причем часто мы даже не знаем, через какое количество звеньев проходили эти указания. Если происходила травля какого-либо ученого или группы ученых, они могли только догадываться, на каком уровне было принято подобное решение.

Но это был не единственный механизм влияния и даже не всегда самый эффективный. Есть знаменитая апокрифическая история о том, как Л.Л. Раков — аспирант С.И. Ковалёва — переделывал страницу своей уже печатавшейся брошюры, содержание которой вошло в противоречие с недавним выступлением Сталина на съезде колхозников-ударников⁹. К сожалению, эта история дошла до нас совсем не из первых уст, но известно, что к лихорадочной переделке Ракова подвиг именно Ковалёв. Здесь уместно задаться вопросом: а что именно повлияло на Ковалёва? Говорил ли с ним кто-либо из коллег или из начальства? Или он прочитал текст речи в «Правде» и сделал выводы? Это как раз тот пример, когда мы знаем в истории не то, что хотели бы знать на самом деле.

Но в любом случае речь не идет о прямом взаимодействии политика и историка. Сталин даже не выступал перед историками, когда рассказывал о «революции рабов»; более того, эти его слова появились именно потому, что он выступал не перед историками, как и Ленин читал свою лекцию о государстве не тем, кто мог адекватно оценить его слова о подавляющем преобладании эксплуатации рабов в древности или о десятилетиями длящихся рабских восстаниях. Влияние это опосредованное: политическая культура в стране сложилась таким образом, что ведущие политики считались одновременно ведущими теоретиками марксистской науки, а их высказывания на исторические темы чаще всего воспринимались как прямые рекомендации по тому, как писать историю. Иными словами, приведенный пример подтверждает то, что прямой контакт между политиками и историками был скорее исключением, чем правилом.

Конечно, советское государство применяло и иные способы воздействия на своих граждан, в том числе связанные с прямым насилием, причем охват этих репрессий (если говорить о сталинском периоде) мог быть очень широким и касаться не только личностей, но целых учреждений. Фактор долговременной постоянной опасности, исходящей от государства, может казаться достойным того, чтобы быть учтенным в схеме как прямое воздействие политических институтов на ученых (через реализацию силовыми методами политических практик). Тем более, что психологическое воздействие этих практик на сознание ученых отрицать трудно.

Но дело в том, что репрессии и другие формы государственного террора не были формой воздействия на науку в том смысле слова, что «власти» делали это для того, чтобы историки писали по-другому. Историки иногда думали так, и точно так же сейчас иногда так думают исследователи, но этот тезис, по меньшей мере, не доказан. Во-первых, действительно, хотя определенные «неудачные» высказывания историков могли повлечь за собой их критику в научных институтах, а затем увольнение и арест, тем не менее, всегда было очень много привходящих моментов: покаяние могло помочь, а могло не помочь, арест мог произойти в день увольнения или позднее, или не произойти вообще. Вероятно, очень многое зависело от того, был ли донос на «провинившегося». Во-вторых, под репрессии обычно попадали не те, кто

написал что-либо неправильное, а те, у кого была сомнительная, с точки зрения советской власти, биография (социальное происхождение, сомнительная политическая деятельность и т.п.) — по этому принципу было гораздо проще «чистить», чем обращаясь к чтению исторических трудов¹⁰. В-третьих, и это, на мой взгляд, решающий аргумент, в 1930-е гг. еще не сложилась конвенция между самими историками и не устоялись отношения между историками и научными учреждениями как трансляторами воли политической системы. Поэтому пик репрессий пришелся на то время, когда никто точно и не знал, как правильно писать историю, и не было рецепта, который бы спасал от порицания и, следовательно, от наказания.

В позднюю эпоху, когда широко применялся такой прием, как запрет на профессию, речь также шла не столько о влиянии на тексты, сколько об устранении от занятий наукой политически неблагонадежных граждан.

Следовательно, политические практики не были формой прямого общения власти и ученых. Сигналы, которые поступали таким путем миру науки, нуждались в дешифровке, и на ранних этапах складывания этих отношений чаще было понятно, чего делать нельзя, но почти всегда оставалось туманным объяснение того, что (и почему) делать нежелательно. На позднем этапе система приобрела черты саморегуляции: историки знали, каковы примерные границы дозволенного, а научные институты следили за соблюдением конвенции, посылая сигналы «вверх» и «вниз».

Гораздо более устойчиво на процесс написания исторических трудов действовал фактор общего развития культуры. Язык советской культуры, на который большое влияние оказывали политические институты, имел, тем не менее, собственную траекторию развития и поэтому был отдельной формой воздействия. Если тот или иной ученый или группа ученых сторонятся отдельных образов и оборотов речи, бегут от одних сравнений и приемов повествования, но предпочитают другие, например, более типичные для прошедшей эпохи историописания — это не менее важно, чем то, какие термины они используют. Ведь можно было полностью воспроизводить базовую марксистскую терминологию и при этом писать совершенно иначе, чем другие: стиль письма историка нельзя считать случайной характеристикой.

Главная же идея заключается в том, что условно «низовой» уровень во всей этой структуре — а именно метатеория, научные школы и ученые, язык историографии — является отнюдь не второстепенным. Именно здесь формируется «конечный продукт» — исторические труды, курсы лекций, методические указания, выступления в медиа, словом, все то, что и обеспечивает смысл существования исторической науки.

Соответственно, изучение этой системы целиком вполне логично начинать «снизу вверх»: от результата к тому, что его порождает (перечисленному выше), от авторов — к факторам, которые повлияли на них (научные и политические институты, язык культуры, политические практики), обратное направление обычно больше распространено и кажется более действенным, но при нем выше опасность заранее заданных ответов. В предложенном направлении пока сделано немного: в основном усилия историографов были направлены на изучение школ и ученых, причем с заметным акцентом на биографическую составляющую; меньше исследовалась теоретическая база и в основном на уровне отдельных наблюдений фиксировался специфический язык советской историографии.

Тем самым, предложенный в данной работе подход является одновременно потенциальной программой исследований, оправданность и эффективность которой следует доказывать как в процессе дальнейшего теоретического обсуждения, так и в работе над конкретными темами.

Схема хороша до тех пор, пока память об ее условности не нарушена соблазнительностью ее упрощений. Схемы плохо отображают динамику и подвижность границ в любой социальной системе, наука здесь не исключение. Схемы претендуют на объективизм, в то время как для гуманитарной сферы знания субъективное восприятие не менее важно. Так, советские историки по-разному видели систему науки и свое место в ней. Для кого-то, действительно, «власть» была внешним фактором, к которому нужно относиться так же, как к снегу или дождю: учитывать, но все равно идти на работу. Кто-то же более или менее искренне полагал себя орудием

партии, частью общего большого дела, в котором «научный фронт» — не совершенно особая сфера, а еще одна точка приложения сил, необходимых для построения лучшей жизни. Верующие и неверующие в основную идею государственной идеологии по-разному представляют себе мир и, соответственно, действуют по-разному.

Схема все это оставила за скобками. Именно поэтому она рассчитана на то, чтобы послужить не конечной точкой, а еще одним шагом в исследовании советской историографии.

Примечания

1. Например, попадая на телевизионное ток-шоу, историк часто оказывается перед сложным выбором: если он будет аккуратен в высказываниях, то окажется скучен и его больше не пригласят; если же он будет вызывающе хлесток, то превратится в публициста или даже пропагандиста. Пройти между этих двух скал без потерь не так-то просто.
2. Попытку разобраться в проблемах постсоветского времени и ее оценках см.: Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М. 2011.
3. МОЛОДЯКОВ В. Историк и Власть в перестроечной и постсоветской России. В кн.: Научное сообщество историков России: 20 лет перемен, с. 261.
4. То, что В. Молодяков прилагает свой термин не только к советской эпохе, делает его определение еще более спорным, но здесь неуместно подробно останавливаться на этом аспекте.
5. Ниже историк отмечает, что значимость историографической ортодоксии «зависит от конкретных условий, а содержание может меняться на прямо противоположное». Научное сообщество..., с. 261. Очевидно этим высказыванием автор подготавливал читателя к основной теме своей статьи о сменах «историографической ортодоксии», но в контексте только что данного определения оно выглядит как плавное отступление от вопроса, каков же механизм перемен, потому что, если признать, что их инициирует не только «власть», то придется признать и шаткость базового определения.
6. Симптоматично, что на сегодняшний день написано об этих деятелях в общем немного. См.: ПЛАТОНОВА Н.И., АНИКОВИЧ М.В. Александр Николаевич Рогачёв: материалы, воспоминания, размышления. В кн.: Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. СПб. 2005, с. 10—28; ПЛАТОНОВА Н.И. Фёдор Васильевич Кипарисов — председатель ГАИМК в 1935—1936 гг. В кн.: Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919—2014 гг.). СПб. 2013, с. 19—22; БРАЧЕВ В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1889—1937). — Общество, среда, развитие (Terra Humana). 2008, № 2(7), с. 33—54.
7. Советская историография. М. 1996, с. 22—23.
8. Достаточно сравнить то, как лидеры партии общались к создателями кинофильмов и то, как они организовывали написание учебника по отечественной истории. См.: ДУБРОВСКИЙ А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск. 2005, с. 170—304; ЮРГАНОВ А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. 2011, с. 485—520.
9. ЛУРЬЕ Я.С. История одной жизни. СПб. 2004, с. 133—134.
10. Можно также привести пример из воспоминаний Т.А. Шумовского: во второй раз его арестовали не за написанные им стихи, которые использовали лишь как повод, а за то, что коллеги слишком настойчиво просили о его восстановлении в правах. Таким образом, заступничество неожиданно сыграло роль доноса, тексты же были не причиной, а средством. См.: ШУМОВСКИЙ Т.А. Свет с Востока. СПб. 2006, с. 186.

В.В. ПОЛИКАРПОВ. *Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы.* М. Центрполиграф. 2015. 383 с.

В 2014 г. под девизом вспомнить о «забытой войне» российские историки масштабно отметили 100-летие первой мировой войны. Были изданы монографии и справочники, проведены научные конференции и мемориальные мероприятия, установлены памятники, открыты выставки, сняты документальные и художественные фильмы. Казалось бы, тема может считаться раскрытой. Однако один очень важный аспект явно остался обделенным вниманием историков — не было опубликовано специальных комплексных исследований по военной экономике этого периода. И это весьма примечательно, если принять во внимание, во-первых, то обстоятельство, что феномен военной экономики (когда мобилизационные мероприятия охватывают все без исключения сферы национального хозяйства) возник во время данного конфликта, а, во-вторых, что количество исследований, посвященных различным аспектам экономики в 1914—1918 гг., не уступает числу работ по собственно военной проблематике.

Отчасти образовавшийся пробел восполняет монография Владимира Васильевича Поликарпова «Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы», вышедшая в свет в 2015 году. Эта работа сводит воедино наработки автора по данной проблеме и хронологически продолжает последние монографии К.Ф. Шацилло¹. В ней подводятся определенный итог той военно-промышленной политики, которую проводило государство в начале XX века.

В.В. Поликарпов — наиболее авторитетный специалист по истории военной промышленности России начала XX в.² и весьма известный полемист, готовый твердо и последовательно отстаивать свои позиции и позиции своих предшественников (школы А.Л. Сидорова и «нового направления» в советской историографии). В данной работе оба качества раскрываются в полной мере. В вводной части («От автора») ситуацию в историографии он описывает как линию фронта, отсылая читателя к одному из наиболее важных вопро-

сов советской исторической науки — вопросу о закономерности Великой Октябрьской социалистической революции. В современной историографии такая постановка вопроса кажется архаичной, сейчас мало кто вообще использует понятие «революция» применительно к событиям октября-ноября 1917 г., но суть проблемы осталась прежней: что спровоцировало череду государственных переворотов в том несчастливом году — чья-то злая воля или объективно сложившийся социально-экономический и политический кризис?

В последние десятилетия все громче слышны голоса тех, кто считает, что в начале XX в. российская экономика развивалась быстрыми темпами, и, если бы не первая мировая война, навязанная России Германией, то наша страна в скором времени сравнялась бы с ней по уровню развития; и если бы не чья-то злая воля, то Россия оказалась бы в числе держав-победителей, поскольку войну она вела успешно, и надо было потерпеть еще «чуть-чуть». Поликарпов убежден, что на основе данных оценочных суждений «предмет исследований легко обращается в поле пропаганды идей шовинизма, милитаризма, государственничества... Формируется в целом превратная картина, служащая исторической апологии военно-полицейской бюрократии». Более того, «становясь на такой путь, историография усваивает вульгаризированные методы работы с источниками и деградирует». Поэтому смысл своей работы автор видит в том, чтобы «по возможности разобраться, чем мы располагаем, с чем можно идти дальше», «постараться удалить из обращения необоснованные построения, понять их происхождение» (с. 10).

Несмотря на то, что автор не ставит перед собой задачу «ввести в научный оборот» какие-то неизвестные источники и факты», основой данного исследования послужил обширный массив документов из фондов РГВИА и ГАРФ. А главным достоинством работы является тщательно проведенная критика источников и историографии. Те документы и свидетельства участников событий, которые ра-

нее воспринимались как материалы, содержащие объективные данные («против первичной статистики не пойдешь»), благодаря работе Поликарпова будут рассматриваться только в контексте интересов и мотивов их авторов.

Первая глава «Производство вооружения как проблема в литературе и обществе» носит методологический характер. Поликарпов вступает в полемику с исследователями (прежде всего — это Н. Стоун, А. Харрисон и М. Маркевич), которые на основании агрегированных стоимостных показателей рисуют картину экономического роста в России в годы первой мировой войны. Опираясь на наброски А.Л. Сидорова и других представителей «нового направления», а также П. Гэтрелла, автор подводит читателя к мысли о бессмысленности этих расчетов: во-первых, военная продукция выпадает из системы общественного воспроизводства; во-вторых, Россия являлась многоукладной экономикой, следовательно, произвести объективную оценку стоимости произведенного продукта в условиях широкого распространения натуральных и полунатуральных форм ведения хозяйства невозможно. Сами по себе эти доводы возражений не вызывают, но категоричность, с которой Поликарпов отказывается в возможности оценить динамику экономического развития во время войны на основе обобщенных показателей, вряд ли может быть принята.

Пока экономическая наука будет иметь дело с концептом «народного хозяйства» («национальной экономики»), проблема агрегированной оценки его состояния всегда будет актуальна, а как привести к единому знаменателю пуды ржи, тысячи снарядов и версты перевозок, если не сводить все к стоимости? Однако подсчет стоимостных показателей — труд неблагодарный. Действительно, расценки на военные поставки в годы войны сложно признать нормальными рыночными ценами. Но что вообще можно считать «нормальными ценами»? «Равновесные цены» «рынка совершенной конкуренции», на котором все фирмы находятся в «предельном состоянии»? Но это фикция, умозрительная модель, а то, с чем мы имеем дело в реальности, — это разные формы несовершенной конкуренции. Поэтому любой подсчет стоимости всегда будет уяз-

вим для критики. С другой стороны, если не подсчитывать ВВП, то как еще можно оценить масштабы милитаризации экономики, как проследить динамику развития, изменения доли различных отраслей в народном хозяйстве, соотношение государственного и частного секторов? Корректность научного исследования может выражаться не только в претензии на абсолютно точный, истинный результат, но и ясном понимании степени своей неточности.

Во второй главе «В предвоенной гонке» автор касается проблемы готовности России к первой мировой войне. В историографии бытует такая формула: «все, что было предположено заготовить по планам 1910 г., было заготовлено», но к масштабам войны Россия оказалась не готова, впрочем, как и все другие участники конфликта. Поликарпов рисует более драматичную картину. С конца 1912 г. (то есть за неполных два года до начала войны) Военное ведомство развернуло лихорадочную работу по «усилению производства вооружений» в условиях, когда деньги на эти цели стали выделять (под влиянием событий на Балканах); но их все равно было недостаточно для выполнения всех задач по подготовке армии. Чиновникам, ясно осознававшим, что до начала общеевропейского конфликта времени почти не осталось, приходилось выбирать на чем, прежде всего, сосредоточиться — на расширении существующих производств или на строительстве новых? Предлагалось создать новые пороховой, орудийный, пушечно-гильзовый, снарядный, капсульный, оружейный, трубочный и иные заводы. «Поспешные, не согласованные с прежними предположениями, разрозненные требования порождали впечатление об отсутствии в работе ГАУ системы, планомерности» (с. 51). В итоге, «Малая программа» была принята за год, а «Большая» — за 1,5 месяца до начала войны. За это время из намеченного удалось выполнить очень немного. Получившаяся картина не полная и содержит некоторые фактические неточности, но в целом дает читателю вполне ясное представление о состоянии военной промышленности к июлю 1914 года. «При достигнутом на деле уровне готовности страны к военным испытаниям решение правительства о вступлении в войну означало — как показало все последующее — либо отсутствие

способности трезво оценить степень риска, либо, как сказал бы П.Н. Милюков, “измену” патриотическому долгу в силу личных карьерных соображений министров и генералов» (с. 60).

В третьей («Развитие военной промышленности в 1914—1917 гг.») и четвертой («Новые военные производства») главах рассматриваются дискуссионные и слабоизученные аспекты выпуска вооружения в годы войны. На примерах производства станков, стрелкового и артиллерийского вооружения автор показывает, что чуда во время войны не произошло. Дефицит оборудования ограничивал производственные возможности. Но даже если производственные мощности позволяли выпускать больше, возникали препятствия в виде нехватки топлива, сырья, транспортных ограничений, квалификации персонала. Ситуацию усугубляли традиционно «враждебное отношение бюрократии к проявлениям частной инициативы» (с. 242), а также «нищенское обеспечение экспериментаторов денежными и техническими средствами, тормозившее исследования» (с. 241).

Поликарпов избегает таблиц и обобщений, но даже те разрозненные сведения, которые читатель найдет в его книге, показывают, что зависимость от импорта была катастрофической. Из-за границы поставлялись: половина винтовок и пороха, две трети авиамоторов и снарядов крупных калибров, 93% биноклей (а произведенные в России изготовлялись австрийскими и немецкими подданными); «для самостоятельного производства тяжелой артиллерии база почти отсутствовала» (с. 106, 127, 128, 184—187, 268, 365). А рост производительности прямо зависел от поставок оборудования из-за границы. Причем многое из того, что поставлялось союзниками и нейтральными странами, далеко не всегда соответствовало условиям ведения современной войны (например, из-за несоответствия высланных из России лекал и чертежей на американском заводе «Вестигнауз» детали винтовок пригонялись вручную, что нарушало требование взаимозаменяемости деталей оружия (с. 98)).

В пятой главе («Политическое содержание военно-промышленной программы царизма») анализируются системные факторы, определявшие общий вектор военно-промышленной политики правительства в годы первой миро-

вой войны, — стремление максимально расширить систему государственного хозяйства. В 1916 г. была принята программа строительства Военным ведомством 40 заводов стоимостью 600 млн руб. (для сравнения — число заводов Военного министерства накануне войны не превышало двух десятков). Необходимость колоссального расширения государственного сектора обосновывалась неизбежными столкновениями с союзниками в скором будущем при разделе плодов победы; невосприимчивостью рабочих казенных заводов к революционной агитации и экономией бюджетных средств при выполнении военных заказов на государственных предприятиях.

Интересная, но слабоизученная тема ценообразования на вооружение поднимается в параграфе «“Коммерческая тайна” артиллерийского снабжения». На целом ряде примеров Поликарпов показывает, что цены на заказы казенным предприятиям были произвольны, что чиновники «указывали в качестве “цен” чисто условные цифры, фактически отражавшие, лишь частично, размер только изначального требуемых ассигнований» (с. 282). В результате он ставит под сомнение господствующий в историографии тезис о том, что продукция государственных предприятий обходилась дешевле частных (хотя и не отрицает «колоссальной наживы» частного капитала). Однако если учесть фрагментарность приведенных данных, выводы автора можно рассматривать только в качестве гипотезы, требующей проверки в комплексном исследовании механизмов ценообразования.

В последней главе («Рабочий вопрос и “опрокинутое правосознание”») автор обращается к тем психологическим установкам русского общества, которые послужили одним из условий создания благоприятного климата для полного огосударствления экономики большевиками после 1917 года. Поликарпов пишет: «В переломные 1914—1917 гг. патриархально-патерналистский, не обязательно царистский, но государственный в основе строй мышления все еще заметно влиял на поведение рабочих масс... Большее значение в развитии стачечного движения приобретало не только стремление пролетариев улучшить свое материальное положение, но и моральные мотивы — отрицание права хозяев бессове-

стно наживаться на народном бедствии, войне, на казенных военных заказах» (с. 306). Эти установки гармонично сочетались с представлениями власти об условности частной собственности, особенно там, где интересы собственников противоречили интересам государства. На обширном материале автор показывает, «как правительства трех последних императоров испытывали разные способы экспроприации промышленных предприятий» (с. 326) и как власть реализовывала «новые возможности усечения прав собственности» (с. 329) в годы первой мировой войны.

Завершает книгу раздел «Место в мире (Вместо послесловия)», в котором автор разоблачает устоявшееся в историографии мнение о «коварстве» союзников, оставивших русскую армию без оружия. Поликарпов показывает, что Франция, потерявшая в первые недели войны большую часть своей металлургии, смогла не только в кратчайшие сроки восстановить утраченное, но и создать такую военную промышленность, которая снабжала предметами вооружения не только свою, но и русскую армию, а также армии Великобритании и США, не пострадавших от немецкой оккупации. Вступая в войну, Россия должна была рассчитывать, прежде всего, на внутренние ресурсы.

Вероятно, результаты мобилизации национального хозяйства в годы первой мировой войны являются ключом к пониманию общей

стратегии экономической политики в СССР. Полученные в 1914—1917 гг. уроки были настолько хорошо усвоены большевиками, что почти все развитие экономики Советского Союза было подчинено подготовке к предстоящим конфликтам с враждебным окружением.

Автор не стал делать заключения, и, представляется, что это не случайно. Тема военной промышленности и, шире, военной экономики в годы первой мировой войны, как показала данная монография, еще далека до того момента, чтобы ее можно было назвать «изученной», и рецензируемая книга должна послужить отправной точкой, фундаментом дальнейших исследований.

Г.Н. ШУМКИН

Примечания

1. ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конца XIX в. М. 1914. 1992; ЕГО ЖЕ. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М. 2000.
2. В.В. Поликарпов — научный редактор и автор Предисловия «Военной промышленности России в начале XX века (1900—1917 гг.)» (М. 2004 г.) — первого тома серии публикации документов «Истории создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900—1963».

А.М. ФЕОФАНОВ. *Студенчество Московского университета XVIII — первой четверти XIX века.* М. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. 253 с.; **ЕГО ЖЕ.** *Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: Биобиблиографический словарь.* М. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. 478 с.

Рецензируемые научные труды посвящены комплексному изучению истории студенчества Императорского Московского университета XVIII — первой четверти XIX столетия — до недавнего времени одного из наименее освещенных в литературе периодов истории данной социальной группы. Монография «Сту-

денчество Московского университета XVIII — первой четверти XIX века» представляет собой опыт изучения «студенчества Московского университета на основе тщательного статистического анализа данных, касающихся как можно большего числа представителей этого социального слоя» (с. 8) с целью

создания «динамической» «коллективной биографии», фиксирующей изменения, протекающие в жизни этой группы на протяжении периода с 1755 по 1825 год. Книга удачно совмещает в себе филигранный исторический и статистический анализ таких проблем, как численность и социальный состав студентов, учебный процесс и бытовые условия, самостоятельные объединения и духовная жизнь, повседневность и карьеры выпускников, «при возможности изучения биографий отдельных индивидуумов» (с. 8).

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения. Она снабжена удобными диаграммами и таблицами статистических данных, интересным иллюстративным материалом, перечнем используемых архивных фондов, систематизированной библиографией, именным указателем.

Во введении А.М. Феофанов предлагает целостный и содержательный обзор состояния историографии и источниковой базы вопроса. В научной литературе тема студенчества Московского университета начала привлекать определенное внимание историков с середины XIX в. — после выхода исторических трудов, посвященных столетнему юбилею этого учебного заведения. Однако большинство из них изучали преимущественно отдельные биографии и общества студентов рассматриваемого автором периода. По заключению Феофанова, для создания проблемных, обобщающих трудов по истории московского студенчества «необходим сбор большого количества первичных источников, который пока еще выполнен специалистами лишь в небольшой мере, а применительно к исследуемому периоду практически не начинался» (с. 19). Для решения поставленных задач автор активно привлекает делопроизводственную документацию и неопубликованные источники личного характера из собраний АВПРИ, РГАДА, РГИА, ОР РГБ, ОРКиР НБ МГУ, Государственного архива Владимирской области (ГА ВО), Государственного архива Рязанской области (ГА РО).

Поскольку архив Московского университета «практически полностью, за исключением небольших частей» (с. 19), погиб во время пожара 1812 г., ценным источником по истории студенчества становятся именные списки

студентов и выпускников университетской гимназии, опубликованные на страницах газеты «Московские ведомости» в 1756—1818 годах. Феофанов смог творчески подойти и к изучению воспоминаний студентов и сотрудников «допожарного» Московского университета (1755—1812), понимая, что «за биографией человека яснее всего вырисовывается эпоха: порой меткое выражение, яркий эпизод отчетливее характеризует время, чем тома статистических данных...»¹

При изучении Московского университетского студенчества в период с 1813 по 1825 г. неопределимое значение принадлежит обширной, систематической документации из собрания Центрального государственного архива г. Москвы (Отдел хранения документов Центрального государственного архива г. Москвы, фонд 418, канцелярии Московского университета). По словам автора, «дела архива “послепожарного” университета позволяют восстановить некоторые сведения о нем за “допожарный” период» (с. 22). На основе именных списков и просмотренных автором «около тысячи дел, никогда прежде не вводившихся в научный оборот» (с. 23) из собрания ЦГА Москвы, была составлена репрезентативная база данных, послужившая основой для написания рецензируемых трудов.

Используя статистический анализ, Феофанов в первой главе исследует динамику численности студентов Московского университета. В период с 1755 г. до начала Отечественной войны 1812 г. в университете училось всего около 1500 чел., среди которых было «около 600 дворян и примерно такое же количество разночинцев» (с. 51). Как пишет автор, первыми в Московском университете начали заниматься исключительно казеннокоштные (получавшие государственное содержание) студенты, переведенные из духовных училищ, и только в 1759 г. впервые из числа окончивших университетскую гимназию появились своекоштные (учившиеся за собственный счет) студенты — «четверо дворян... и пятеро разночинцев» — «чего никогда не случалось в Академии наук» (с. 42). На протяжении всей второй половины XVIII в. большинство студентов были выпускниками университетской гимназии, среднее число ежегодно поступавших в университет составляло 20 чел.

(с. 235), но уже «в 1803—1809 гг. составляло от 28 до 61 человека, в 1810—1820 гг. — от 70 до 117 человек, в 1821—1825 гг. — от 137 до 161 человека» (с. 40). И хотя Московский университет был «поистине всесословным учебным заведением» (с. 235), социальный состав его студентов претерпел метаморфозы: от численного преобладания разночинцев и казеннокоштных студентов во второй половине XVIII в. — до количественного и культурного доминирования дворян в первое десятилетие XIX в.; в 1819 г., в результате ужесточения правил приема и выдачи аттестата, а также стремления части дворян к поступлению в университетский Благородный пансион или в «другие привилегированные заведения», среди студентов численность дворян и разночинцев уравновешивалась (с. 235—236).

Важный факт отмечен исследователем при изучении динамики численности студентов после указа 10 ноября 1811 г. о введении категории вольных слушателей: «начиная с 1811/12 учебного года при определении численности учившихся в Московском университете надо учитывать и вольных слушателей, и это усложняет дело, поскольку единых данных за 1810-е гг. нет» (с. 45). Несмотря на то, что этот указ был связан с намерением власти усложнить представителям податных сословий получение классного чина, полагавшегося всем, кто представит подписанный ректором аттестат о прослушанных лекциях, им поспешили воспользоваться многие молодые дворяне, стремившиеся избежать исполнения рутинных студенческих обязанностей и поскорее преодолеть экзамен на чин (с. 44—45).

Как полагает автор, начиная с 1759 г. доля дворян среди студентов «составляла около четверти (в 1760-х гг.), а максимальная — более половины (в 1800-х гг.)», что позволяет «значительно скорректировать» вывод М. Т. Белявского о «разночинском» «характере» Московского университета в рассматриваемый период (с. 48). Как справедливо подчеркивает Феофанов, существование университета в XVIII — первой четверти XIX в., прежде всего, зависело от отношения к нему «государства и общества» (с. 236). Хотелось бы указать и на фактор наличия особой университетской культуры, также оказывавшей значительное влияние на повседневное поведение московских

студентов, поскольку, «если хотя бы основные элементы университетской системы были намечены, — далее вступала в действие *сила вещей*, диктовавшая университетскому люду определенные поступки и решения»². Впрочем, об этом немало рассказывает и автор, в частности, когда касается вопроса о спонтанно сложившейся в первые десятилетия существования учебного заведения практике присуждения университетской Конференцией ученых степеней — магистра, кандидата медицины, бакалавра и (по указу Екатерины II в 1791 г.) доктора медицины — долгое время, не имевших своего «должностного эквивалента» (с. 131—136).

Говоря во второй главе об особенностях учебного процесса студентов, автор освещает широкий круг вопросов (исходное образование студентов, возраст поступивших в университет, срок учебы, организация преподавания, взаимоотношения с профессорами, ученые степени). Говоря об организации учебного процесса, Феофанов показывает, что на всех факультетах (а не только на медицинском) университета в 1770—1780-х гг. обучение проходило в форме последовательных трехлетних циклов, и «ни о какой “свободе обучения” для студентов в эти годы речи не шло» (с. 148). При изучении коммуникации между студентами и профессорами следует обратить внимание не только на важность использования источников личного происхождения (что и делает автор на с. 118—126), но и учет последних научных работ, посвященных профессорам Московского университета.

В третьей главе Феофанов внимательно исследует повседневные практики студентов, прежде всего такие, как корпоративная униформа, университетский корпоративный суд, сферы досуга и развлечения, учебы и преподавания, церковная жизнь. Анализ статистических данных превосходно подкреплен сведениями эго-документов, а также интересными и нередко яркими, запоминающимися нарративными описаниями. В качестве основного внешнего признака студентов автор выделяет шпагу, которая «являлась символом личного достоинства, носили ее дворяне. Но при производстве в студенты разночинцы получали право носить шпагу наравне с ними. Таким образом, недворяне, получая звание сту-

дентов, как бы уравнивались в правах с благородным сословием» (с. 159—160).

Немаловажную роль студенты отводили чтению книг, во время которого их «даже не отвлекал постоянный шум в комнатах» (с. 183). Автор приводит примеры литературных произведений, которые покупали и читали его герои. Студенты предпочитали книги на русском, а также на латыни и «новых» языках, что было объективно связано не только с недостатком сочинений на родном языке, но и с наличием у заметной части учащихся необходимой лингвистической подготовки. К сожалению, автор почти ничего не сообщает о том, какие именно учебные пособия и ученые труды регулярно использовали студенты в учебном процессе и о том, как они воспринимали их содержание и оценивали их роль. Заслугой автора является рассмотрение взаимодействия студенчества с городской средой. Под этим ракурсом Феофанов изучает их досуг и развлечения, литературные объединения, духовную жизнь (гл. 3—4).

В четвертой главе Феофанов подробно рассматривает участие студентов в культурной жизни современного русского общества; деятельность студенческих литературных обществ. Возможно, следовало уделить больше внимания рассмотрению участия студентов в деятельности масонов — наиболее массового и популярного в образованных кругах общественного движения эпохи.

В заключительной главе книги А.М. Феофанов показывает распределение и карьерные достижения «воспитанников Московского университета». Данная глава является новаторской. Автор приходит к выводу о том, что Московский университет в рассматриваемый период своим не очень многочисленным студентам обеспечивал весьма высокий уровень образования. Большинство из них затем устроились на статскую службу, «немалое число — на военную» (с. 220). «Воспитанники» университета, избравшие гражданскую службу, в основном служили в ведомстве Министерства народного просвещения, «вторыми по численности были медики» (с. 220). Желая определиться на светскую службу, очень часто студентами становились выходцы из духовного сословия (с. 224). Феофанов перечисляет известные ему примеры наиболее успешных

карьер, сделанных выпускниками университета (с. 227—228). По его интересному наблюдению, «для высшей бюрократии в екатеринское царствование после домашнего образования на первом месте по популярности стояло обучение за границей, а затем шли военно-учебные заведения. В первой четверти XIX в. произошел перелом: количество людей, получивших образование в российских университетах, стало сравнимым с числом обучавшихся на Западе и в кадетских корпусах» (с. 233).

Высоко оценивая научный уровень рецензируемой монографии, укажем на небольшие неточности в ее содержании. На с. 200 исследования сказано, что в 1778 г. М.М. Херасков «занял пост... ректора» Московского университета, однако тогда данной должности в структуре и штате университета не существовало: 28 июня 1778 г. сановник и видный поэт был назначен его куратором. В качестве главной причины гонений Екатерины II на кружок Н.И. Новикова, начавшихся в 1785 г., названа «...явная пропаганда мистицизма», которая, как считает автор, «не могла не обратить внимания властей» (с. 212). Представляется, что данная трактовка не до конца выясненной проблемы истинных причин преследований императрицей Новикова и «московских мартинистов», выглядит несколько прямолинейной.

Логическим продолжением и существенным дополнением к содержанию рассмотренной монографии является работа Феофанова «Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: Библиографический словарь». Это издание носит научно-справочный характер. Книга содержит ценные биографические и библиографические сведения о студентах, учившихся в Московском университете на протяжении 1755—1825 годов. Издание состоит из введения, двух расположенных в хронологической последовательности разделов — «Студенты Московского университета (1755—1817)» и «Студенты Московского университета (1817—1825)» — списка сокращений и именного указателя. Книга обладает продуманным и удобным для использования справочно-библиографическим аппаратом.

Биографические справки первого раздела (1755—1817) (с. 14—345) даны по материа-

лам газеты «Московские ведомости» за период с 1756 по 1818 год. Они содержат сведения о времени жизни студентов, периоде занятий в университете, социальном происхождении, полученном образовании, а также о карьере и общественной деятельности по окончании учебы. Важным достоинством этих справок является наличие библиографических сведений, включающих в себя ссылки на «Московские ведомости», архивные и другие источники, литературу.

Список студентов второго раздела, учившихся в университете с 1817 по 1825 г. (с. 346—394), основан на документальных сведениях фонда канцелярии Московского университета (ОХД до 1917 г. ЦГА Москвы, ф. 418). В этом разделе биографическая справка о каждой приведенной персоналии представляет собой лишь однострочное указание времени пребывания данного лица в качестве студента в Московском университете, а также архивных выходящих сведений его личного дела.

Таким образом, наиболее подробные биографические сведения приведены лишь в списке, охватывающем, главным образом, «допожарный» период истории университета (1755—1817) (с. 14—345). Однако было бы целесообразным подготовить не менее обстоятельные справки и для студентов второго раздела (1817—1825), хотя это, по всей видимости, потребовало бы от автора значительной дополнительной работы и увеличения общего объема справочного издания еще на один том.

Биографическая справка об ординарном профессоре юриспруденции Московского университета, известном писателе и переводчике С.Е. Десницком (около 1740—1789), на наш

взгляд, является слишком лаконичной (с. 88). Также в первой части неоднократно фигурируют библиографические указания на публикацию Серкова (с. 17, 19, 21 и др.). однако в разделе «Список сокращений» (с. 395—398) к сожалению не содержится никаких сведений о данной научной работе. Кроме того, монография и биобиблиографический словарь изданы несоответствующими читательским запросам, тиражами (соответственно, 200 и 300 экз.). Однако отмеченные замечания ни в коем случае не умаляют важности научного и культурного значения рецензируемых работ и, возможно, могут быть устранены при их новых изданиях.

Рассмотренные исследования представляют собой заметное явление в современной историографии истории Императорского Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века. Они будут востребованы специалистами-историками, культурологами, социологами и всеми, интересующимися научной проблематикой отечественной истории высшей школы, образования, генеалогии, науки и культуры второй половины XVIII — первой четверти XIX столетия.

Е.В. КУНЦ

Примечания

1. ХОРОШИЛОВА Л.Б. Студенты. В кн.: Университеты для России. Т. 2. М. 2001, с. 281.
2. УВАРОВ П.Ю. Российская гастроль университетской идеи. — Вопросы философии. 1999, № 11, с. 153.

Contents

Articles: **M.D. Karpachev.** Voronezh village in the early XXth century: social appearance in the context of the restructuring of agrarian relations. Historical profiles: **M.A. Filimonova.** John Jay. Historical publicistics: **E.G. Zadorozhnyuk** Unheard controversy: the Eurasians about the fate of the Slavs. Contributions: **KH.-M.A. Sabanchiev.** N.S. Khrushchev's secret speech at the XXth Congress of the Communist party and the fates of the repressed peoples in the USSR; **A.S. Rogozhina.** S.Y. Witte and food question in Russia; **G.A. Grebenshchikova.** Russia and Sweden in 1741—1743: strange war on sea. History and fates: **L.I. Savelyeva.** A.A. Stakhovich. People. Events. Facts: **D.A. Gerasimov.** The role of the German threat in the policy of the Murmansk authorities 1917—1918; **A.M. Nekrasov, M.B. Nekrasova.** Turkish merchants in Russia in XVI century; **E. Garayev.** The second Russian campaign against the Erivan Khanate; **L.K. Novoseltseva.** The making of serbian scientific community in the second half of XIXth century: prosopography. Historiography: **S.B. Krikh.** The System of the soviet historiography: main actors and powers of influence. **Reviews on books:** *V.V. Polikarpov.* Russian military-industrial policy. 1914—1917. Public tasks and private interests (by G.N. Shumkin); *A.M. Feofanov.* The students of Moscow University in XVIII—first quarter of XIX century; Students of Moscow University in the second half of XVIII — first quarter of XIX century: Biobibliografichesky dictionary (by E.V. Kunts).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 7, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.06.2016. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 2583-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

ВИА
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ